This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Эдвинъ Арнольдъ.

СВѢТЪ АЗІИ

THE LIGT OF ASIA

Переводъ въ стихахъ

А. М. ѲЕДОРОВА.

Съ предисловіемъ Арнольда, портретомъ его, и необходимыми примѣчаніями.

МОСКВА.
Типо-Литографія Д. А. Бончъ-Бруевича. Мясницкая, Козловскій пер., д. Пряшниникова.
1895.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 27 Марта, 1895 года.

Edwin Arnold

Предисловіе.

Въ этой поэмѣ я старался, отъ лица воображаемаго поклонника Будды, изобразить жизнь и характеръ, а также, — опредѣлить философію этого благороднаго героя и реформатора, основателя Буддизма, индѣйскаго принца Гаутамы.

До настоящаго времени въ Европѣ мало, или почти ничего не было извѣстно объ этой великой азіятской вѣрѣ, которая, однако, существуетъ уже впродолженіи двадцати-четырехъ вѣковъ и въ настоящее время превосходитъ численностью своихъ послѣдователей и широтой своего могущества всякую другую религію. Четыреста семьдесять милліоновъ нашей расы живутъ и умираютъ, вѣруя въ догматы Гаутамы и духовная власть этого древняго учителя простирается въ настоящее время отъ Непалу и Цейлона, черезъ восточный полуостровъ, въ Китай, Японію, Тибетъ, Среднюю Азію, Сибирь и даже — шведскую Лапландію. Сама Индія могла-бы войти въ составъ этой чудной Имперіи— Вѣры; хотя исповѣданіе буддизма исчезло изъ страны своего рожденія, но печать дивнаго ученія Гаутамы, неизгладимо лежитъ на современномъ браминизмѣ и самыя характеристическія привычки и обычаи Индусовъ создались явно подъ благотворнымъ вліяніемъ принциповъ Будды. И такъ, болѣе

трети человѣчества обязаны своими моральными и религіозными понятіями этому славному принцу, личность котораго, хотя и слабо очерченная существующими источниками, за однимъ только исключеніемъ, является самою высокою, мягкою, святою и самою милосердною въ исторіи Мысли.

Буддійскія книги, въ частности полныя разногласій, ошибокъ, выдумокъ и толкованій, сходны всѣ въ томъ, что не заключаютъ въ себѣ ни одного слова, или дѣйствія, могущаго запятнать совершенную чистоту и нѣжность этого индійскаго учителя, соединявшаго въ себѣ истинно-княжескія качества съ умомъ мудреца и страстною набожностью мученика. Даже Бартелеми Сентъ-Илеръ, совершенно невѣрно истолковывавшій многое въ буддизмѣ, цитируется очень кстати профессоромъ Максомъ Мюллеромъ, въ рѣчахъ о принципахъ Сиддарты: „Жизнь его безусловно чиста. Его неизмѣнное геройство равно его убѣжденіямъ; и, хотя провозглашаемая имъ теорія фальшива, за то личный его примѣръ безукоризненъ. Онъ олицетвореніе всѣхъ качествъ, которыя проповѣдуетъ; его самоотверженіе, милосердіе, безконечная кротость, ни на минуту не измѣняются... Впродолженіи шести лѣтъ одиночества и размышленій, онъ молча подготовляетъ свое ученіе; онъ распространяетъ его единственно силою своего краснорѣчія и убѣжденій, впродолженіи полвѣка и умираетъ на рукахъ своихъ учениковъ, со спокойствіемъ мудреца, который всю жизнь дѣлалъ добро, непоколебимо убѣжденный, что обрѣлъ истину.

Такимъ образомъ, Гаутамѣ дано было побѣдить человѣчество, и хотя онъ не признавалъ обрядности и уже на порогѣ Нирваны говорилъ, что всякій человѣкъ могъ стать такимъ какъ онъ, любящая и благодарная Азія, не повинуясь его приказанію, горячо его почитаетъ. Горы цвѣтовъ покрываютъ ежедневно его гробницу и несчислимое множество устъ шепчетъ слова: „Убѣжище мое въ Буддѣ“.

Будда этой поэмы, если онъ дѣйствительно существовалъ, въ чемъ невозможно сомнѣваться,—родился на гра-

ницахъ Непалу около 620 года до Р. Х. и умеръ около 543 г. до Р. Х. въ Кусинагарѣ, въ Оудѣ.

Нелѣпости, которыя обезображиваютъ исторію и обряды Буддизма, слѣдуетъ приписать тому неизбѣжному упадку, къ которому, обыкновенно, приводятъ служители всѣ великія идеи, находящіяся подъ ихъ опекой. О силѣ и совершенствѣ настоящихъ доктринъ Гаутамы, слѣдуетъ судить по ихъ вліянію, а не по ихъ толкователямъ, или той лѣпивой и обрядливой церкви, которая возникла на основаніяхъ Буддійскаго братства, или „Сангха“.

Я вложилъ свою поэму въ уста Буддиста, такъ—какъ, чтобы понять духъ азіятскихъ мыслей, необходимо смотрѣть на нихъ съ восточной точки зрѣнія, и ни чудеса, которыя освящаютъ этотъ разсказъ, ни философія, которая въ немъ заключается, не могли-бы быть иначе такъ правдиво изображены.

Напримѣръ, ученіе о переходѣ душъ, поразительное для современныхъ умовъ, было установлено и вполнѣ принято Индусами временъ Будды; въ это самое время Навуходоносоръ завоевалъ Іерусалимъ, Мидяне—Ниневію, а Финикіяне основали Марсель.

Данное здѣсь изображеніе столь древней системы, конечно, оставляетъ многаго желать и въ виду требованій искусства поэзіи,—только поверхностно касается многихъ, очень важныхъ философскихъ вопросовъ, а также и обширныхъ проповѣдей Гаутамы. Но цѣль моя достигнута, если я далъ вѣрное понятіе о возвышенномъ характерѣ этого благороднаго принца и общемъ смыслѣ его ученія. Что касается послѣдняго, то по этому поводу возникли большіе споры между учеными, которые могутъ замѣтить, что я бралъ не полныя буддійскія цитаты, какъ онѣ стоятъ въ произведеніяхъ Сенсъ-Гарди и измѣнилъ не одно мѣсто въ данныхъ разсказахъ.

Выраженные здѣсь взгляды на „Нирвану“, „Дхарму“ и „Карму“ и другія, главныя черты Буддизма, являются, во

всякомъ случаѣ, плодами долгихъ изслѣдованій, а также—твердаго убѣжденія, что треть человѣчества нельзя было-бы заставить увѣровать въ простыя отвлеченія, или въ „Ничто“, какъ исходъ вѣнецъ Бытія.

Въ концѣ—концовъ, ради памяти знаменитаго подателя этого „Свѣта Азіи“ и многихъ извѣстныхъ ученыхъ, посвятившихъ свои труды его памяти, прошу простить мнѣ многочисленные недостатки этого произведенія. Оно было составлено въ короткій сравнительно промежутокъ времени, но подъ вліяніемъ желанія познакомить ближе Востокъ съ Западомъ. Прійдетъ время, надѣюсь, когда эта книга, а также—мои „*Индѣйская пѣснь пѣсней*“ и „*Индѣйскія Идилліи*“ *), сохранятъ память того, который любилъ Индію и ея народы.

Эдвинъ Арнольдъ.

---

*) Въ непродолжительномъ времени я надѣюсь познакомить русскаго читателя и съ этими замѣчательными произведеніями.

А. Ѳедоровъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Книга первая.

Дэвы—духи небесъ, подчиненные метампсихозу.

Сакіи—древнѣйшіе обитатели Индіи, образовавшіе впослѣдствіи 4 царства: Удіана, Баміана, Химатала и Амбія.

Нагхъ. Якши. } Воинственные духи, освобожденные отъ метампсихоза.

Трайя-Стриншъ—Небо Индры, состоящее изъ 22 обителей дэвъ.

Гуру—Наставникъ.

Риши—1) Существа, пріявшіе безсмертіе. 2) Поэты и ученые.

Свастики. Символическій знакъ происхожденія Будды.

Книга вторая.

Парвати—(Бима) Супруга Сивы.

Сива—Независимое божество, разрушитель и вмѣстѣ творецъ.

Чампака—дерево съ ароматными и нѣжными цвѣтами.

Мантры—религіозныя изрѣченія и стихи.

Ганема—сынъ Сива и Парвати, устранитель препятствій, изображаемый съ головой слона.

Книга третья.

Сурья—Богъ солнца.

Индра. Браманское божество (принятое также Буддизмомъ). второстепеннаго могущества, подчиняющееся святымъ буддистамъ.

Чандры—духи луны.

Брама—Верховное божество, душа вселенной.

Браманы—единственные жрецы Брамы. Высшая каста Индусовъ. По легендѣ священной—произошли изъ рта Брамы.

Кшатріи. Каста войновъ. Чистокровные индусы, какъ и Браманы. По легендѣ—произошли изъ рукъ Брамы.

Судры, низшій классъ. По легендѣ—созданы изъ ногъ Брамы. (Образовались изъ покоренныхъ туземцевъ).

Книга четвертая.

Вишну—созидающее и покровительствующее божество.

Чайтра-шездъ—одинъ изъ весеннихъ мѣсяцевъ.

Книга пятая.

Раджагриха—столица царя Бимбисары.

Іоги—самые строгіе аскеты.

Брамачары—Молодые браманы—аскеты.

Бикшу—Нищенствующіе аскеты.

Сакра—Эпитетъ Индры.

Дэвараджъ—Князь дэвовъ. (Небесныхъ духовъ).

Сома—божественный напитокъ.

Дхарма-Канда, **Джнана-Канда** } Священныя буддійскія книги.

Книга шестая.

Лукшми—Супруга Вишну, богиня счастія и красоты.

Лингамъ—Мистическій символъ Сивы.

Кама (Мара) Богъ низменныхъ желаній, грѣха и смерти, изображаемый съ сотней рукъ, верхомъ на слонѣ.

Сама-Самбудда—знаніе, посредствомъ котораго пріобрѣтается величіе Будды.

Духха-Сатья—Догматъ страданій — Неизбѣжный спутникъ земного существованія.

Книга седьмая.

Гора Меру—Легендарная гора непостижимой высоты.
Нидана, 12 догматовъ Будды.

Книга восьмая.

„Омъ Амитайя"—Хвала безконечному.
„Омъ—мани—падме—хумъ"—Буквально: „Хвала драгоцѣнному камню въ лотосѣ" Мистическій-же смыслъ:
— „Хвала Несравненному Буддѣ!"

Книга первая.

Сказанье о Буддѣ, спасителѣ міра,
О князѣ Сиддартѣ, о томъ,
Кому на землѣ и въ пространствѣ эѳира
Нѣтъ, равнаго свѣтлымъ умомъ,
О томъ, кто училъ, всѣхъ усерднѣй и ранѣ,
Закону о вѣчной, блаженной Нирванѣ.

—

За гранью далекой безстрастнаго міра,
Превыше престоловъ божественныхъ силъ,
Гдѣ пологъ небесный нѣжнѣе сапфира,
И ярче согласные хоры свѣтилъ,
Гдѣ воздухъ, цвѣтовъ напоенный дыханьемъ,
Чаруетъ аккордами струнъ золотыхъ,
Гдѣ ждутъ возрожденья къ житейскимъ страданьямъ
Блаженныя души святыхъ,—
Внимая страданіямъ міра оттуда,
На землю, облитую кровью людской,

Небесный Владыка, всевѣдущій Будда
Взглянулъ съ благодатной тоской;
И Дэвы, проникнувъ значеніе взгляда,
Сказали; „О міръ, утомленный, внемли:
Властительный Будда, страдальцевъ отрада,
Услышалъ стенанья земли“.

И Будда отвѣтилъ: „Небеснаго лона
Покинувъ эфирный чертогъ,
Я къ людямъ иду, чтобы словомъ закона
Отъ смерти спасать и тревогъ.
Иду я туда, гдѣ въ лазурь Гиммалаи
Возносятъ серебряный снѣжный алтарь,
Гдѣ правитъ народомъ съ царицею Майи
Правдивый, властительный царь.“

***

Въ ту ночь, почивая съ царемъ Суддходаной.
Царица увидѣла сонъ: въ вышинѣ
Звѣзда озарила небесныя страны,
Сверкнувъ въ лучезарномъ огнѣ;
Какъ въ розовомъ фонѣ жемчужины нѣжной.
Съ шестью золотыми клыками, на ней
Сіялъ отпечатокъ слона бѣлоснѣжный.—
Эмблема счастливѣйшихъ дней.
Прорѣзавъ зловѣщую тьму величаво,
Съ небесъ голубого шатра,
Во чрево царицы вошла она справа,
Какъ мысль передъ смертью—быстра.
Проснулась царица; лучомъ благодатнымъ
Душа озарилась: „я мать,—

Шептала въ восторгѣ она необъятномъ,—
Со мною боговъ благодать".

Какъ радостный вѣстникъ счастливаго утра,
Зажглась на востокѣ заря,
И небо рядилось то въ блескъ перламутра,
То въ цвѣтъ золотой янтаря.
Вздохнули холмы; безпокойное море
Заснуло въ истомѣ нѣмой;
Цвѣты развернулись въ роскошномъ уборѣ,
Струя ароматъ надъ землей.
И радость царицы проникла повсюду,
Какъ въ міръ проникаетъ весна.
„Вы ждали тревожно властителя Будду,—
Казалось, шептала она,—
Пришелъ онъ и міру принесъ избавленье
Въ лучахъ неземной чистоты?".
И плакала Майя въ нѣмомъ восхищеньи,
И плакали съ ней на зарѣ въ умиленьи
Росою жемчужной цвѣты.

Когда разсвѣло, и лучи золотые
Отрадой сверкнули съ небесъ,—
Тотъ сонъ сталъ извѣстенъ, и старцы сѣдые
Дивилися чуду-чудесъ.
„Ликуйте народы! Отъ Майи священной
Родится божественный сынъ, и тогда,
Какъ солнце, ученье его надъ вселенной
Разсѣетъ туманъ безъ слѣда;
И тайныя силы свободной природы,
Законы всесильной судьбы,

И вѣтеръ, и тучи, и бурныя воды
Послужатъ ему, какъ рабы!“.

***

Дни прошли... Подъ цвѣтущею пальмой, одна,
Будто лилія утромъ, нѣжна и блѣдна,
Отдыхала красавица Майя.
Очарованный полдень беззвучно дремалъ,
И дремали цвѣты... Лишь въ расщелинахъ скалъ
Бормотали ручьи не смолкая.

Вдругъ сверкнулъ у царицы отрадою взоръ,
И въ небесный просторъ, въ безмятежный просторъ
Устремился онъ съ робостью нѣжной:
Точно въ близкое счастье не вѣрилось ей...
Но съ улыбкой счастливой въ потокѣ лучей
Утопалъ небосводъ безмятежный.

И ревниво надъ нею, узорнымъ шатромъ,
Пораскинулась пальма... Роскошнымъ ковромъ
Изъ атласныхъ цвѣтовъ и растеній
Нарядилась земля, чтобы ложе ей дать,
И источникъ воды, съ тихимъ шепотомъ: „Мать“
Ожидалъ отъ нея омовеній.

—

На розовомъ тѣлѣ младенца сквозили
Таинственно-чудные знаки; они
Ребенку божественной Майи сулили
Величія полные дни.

Безъ муки обычной родила царица.
Святой уголокъ былъ далекъ отъ дворца,
Но вѣсть донеслась, какъ крылатая птица,
Обрадовавъ скоро отца.
И четверо слугъ съ росписнымъ паланкиномъ
Явились немедля покорные ей,
И сѣла царица съ малюткою-сыномъ
Въ божественной славѣ своей.
Рабы эти—свѣтлые были владыки;
Сошли они съ горнихъ небесъ высоты,
Но ихъ лучезарно-прекрасные лики
Пріяли земныя черты.
Одинъ былъ плѣнительный ангелъ Востока.
Онъ былъ серебристою ризой одѣтъ,
На бѣлыхъ коняхъ отъ него недалеко,
Шло скрытое войско вослѣдъ:
Оно, какъ владыка ихъ, было одѣто
Въ уборъ бѣлоснѣжной парчи,
Щиты его всадниковъ отблески свѣта
Бросали, какъ солнца лучи.
А справа, такой же прекрасный и юный,
Былъ Юга божественный ангелъ, и шло
Съ нимъ дружное войско, какъ полночью лунной
Лазурное небо свѣтло.
У всадниковъ были ихъ синіе кони
Воздушны, какъ страсти мечты,
И, словно какъ звѣзды въ таинственномъ лонѣ,
Въ рукахъ ихъ сіяли щиты.
За нимъ, какъ въ сіяньи зари золотистой,
Шелъ Запада ангелъ, и съ нимъ, на коняхъ
Кроваваго цвѣта, въ одеждахъ огнистыхъ,
Шло войско, по имени Нагхъ.

Послѣдній хранимый своими Якшами,
Былъ Сѣвера ангелъ; съ молчаньемъ нѣмымъ,
Сіяя вокругъ золотыми щитами,
Стремилося войско за нимъ.
Но пышность небесъ въ ея ризахъ побѣдныхъ
Являлась лишь взорамъ боговъ,
Простые же люди въ носильщикахъ бѣдныхъ
Признали обычныхъ рабовъ.

* * *

Смущаютъ сѣдыхъ мудрецовъ предсказанья
Царя Суддходану. Печаленъ, угрюмъ,
Онъ бродитъ въ чертогахъ; нѣмыя страданья
Тревожатъ властителя умъ.
Но мудрые старцы сказали: „Владыка!
Ребенокъ твой будетъ царемъ,
И правда въ его государствѣ великомъ
Послужитъ святымъ алтаремъ.
Семь будетъ даровъ у него: драгоцѣнный
Брильянтъ, что горитъ, какъ огонь,
Божественный дискъ, и, какъ чудо вселенной,
Крылатый и царственный конь;
Слонъ бѣлый, какъ чистая пѣна морская,
Начальникъ надъ войскомъ царя;
Совѣтникъ, супруга, какъ звѣздочка рая,
Какъ майскаго утра заря.

—

Съ отрадаю слушалъ король Суддходана
Догадки своихъ мудрецовъ,

И таялъ на сердцѣ, какъ дымка тумана,
Печали холодный покровъ;
И скоро веселье волной безпокойной
Повсюду проникло въ народъ;
Шумъ, пляски и пѣсни, и говоръ пестройный
На праздникъ безпечныхъ зоветъ.
Вездѣ развѣваются пестрые флаги,
Мерцаютъ въ цвѣтахъ фонари,
Танцоры, паяцы, глотатели шпаги,
Съ зари веселятъ до зари.
Отвсюду стремится народъ; издалека
Младенцу купцы принесли
На блюдахъ тончайшія ткани востока
И лучшіе перлы земли.
Счастливыхъ примѣтъ пораженные видомъ,
Согласно съ довольнымъ царемъ,
Младенца они нарекли Савартсидомъ,
Что значитъ — удача во всемъ.

* * *

Во время разгара веселья и шума,
Проникнулъ въ покои дворца
Отшельникъ; онъ старъ былъ, но свѣтлая дума
Блуждала въ морщинахъ лица.
Однажды, моляся подъ тѣнью древесной,
Услышалъ премудрый аскетъ,
Какъ духи прославили въ пѣснѣ небесной
Явленіе Будды на свѣтъ.
Когда и царица и царь величавый
Съ младенцемъ къ нему подошли,—
Онъ самъ предъ Сиддартой, увѣнчаннымъ славой,
Склонился челомъ до земли,

И молвилъ онъ, небомъ самимъ вдохновленный,
„Возрадуйтесь царь и народъ!
Возрадуйтесь: скоро надъ всею вселенной
Небесный цвѣтокъ разцвѣтетъ.
Я вижу и розовый свѣтъ и Свастики
Святой завитокъ въ волосахъ,
Я вижу и тридцать два знака Владыки,
И знаки на дѣтскихъ ногахъ.
Цвѣтокъ этотъ—Будда! О, смертные, вѣрьте:
Онъ дастъ вамъ спасенье, любя...
Я скоро умру, но, свершилось: до смерти,
О, Будда, я видѣлъ Тебя!
Цвѣтокъ этотъ Будда; Онъ мудростью чистой
Разсѣетъ порокъ и обманъ,
И свѣтлой любовью, какъ зорькой огнистой,
Разгонитъ житейскій туманъ.
Цвѣтокъ этотъ—Будда. Почетомъ и златомъ
Пожертвовавъ жизни святой,
Наполнитъ Онъ дивнымъ своимъ ароматомъ
Удушливый воздухъ земной.
Тебя, о царица, въ молитвѣ священной
Прославитъ повсюду народъ,
Но славу Сиддарты въ обширной вселенной
Увидишь ты съ райскихъ высотъ.
Ты слишкомъ чиста для борьбы и страданья.
Въ лучахъ неземной чистоты,
Какъ гаснетъ зари золотое сіянье,
Угаснешь, прекрасная ты.“

—

И скоро сбылось предсказанье пророка:
Какъ ангелъ небесный свѣтла,

Заснула съ улыбкою Майя глубоко
Для міра печалей и зла.
Въ садахъ Трайя-Стриншъ, недоступныхъ заботамъ,
Пріяла она благодать,
И боги святымъ окружили почетомъ
Какъ солнце, прекрасную мать.

Царевна-кормилица Магапраджапати
Вскормила Того, кто принесъ
Землѣ избавленье отъ зла и проклятій,
Отъ смерти, отъ горя и слезъ.

* * *

Въ дворцѣ, какъ цвѣтокъ драгоцѣнный лелѣемъ,
Сиддарта возросъ нелюдимъ;
Онъ чуждъ былъ обычнымъ невиннымъ затѣямъ
И шалостямъ дѣтства живымъ.
Тогда Суддходана собралъ безпристрастно
Изъ старцевъ вельможныхъ совѣтъ.
„Мудрѣй Висвамитры: рѣшили согласно,—
Сиддартѣ наставника нѣтъ.“

И вотъ предъ ребенкомъ познанія карту
Премудрый наставникъ раскрылъ,
Съ наукою онъ познакомилъ Сиддарту
При свѣтѣ божественныхъ силъ.
Потомъ, какъ вѣнецъ лучезарный познанья,
Наставникъ просилъ написать
Тотъ стихъ, что съ небесной печатью созданья
Способны одни понимать.

Взялъ доску Сиддарта. Какъ день, засіяла
Премудрость въ очахъ неземныхъ,
И быстро рука на доскѣ начертала
На разныхъ нарѣчіяхъ стихъ.

„Я кончилъ“. Какъ утро прекрасенъ и свѣтелъ,
И мудростью тайной великъ,
Ребенокъ наставнику кротко отвѣтилъ
И свѣтлой головкой поникъ.
„Довольно!“—Мудрецъ прошепталъ въ изумленьи.
„Покорный небесной судьбѣ,
Глубокія скрытыя тайны въ счисленьи
Открою, царевичъ, тебѣ.“

И новая, трудная книга познанья
Открылась предъ дѣтскимъ умомъ,
И старцу Сиддарта въ покорномъ молчаньи
Внималъ съ просвѣтленнымъ челомъ.
Когда же онъ кончилъ, и счетъ многотрудный
Сиддарту просилъ повторить,
Ребенокъ съ небесной премудростью чудной
Распуталъ познаній нить,
И мудростью тайной гуру́ изумляя,
Онъ, силой познаній своихъ,
Счелъ капли, что бездна таила морская,
И звѣзды небесъ голубыхъ.

Наставникъ сказалъ: „О, царевичъ мой милый;
Науку ты знаешь безъ книгъ.
Исполненный тайной, божественной силой.
Почтителенъ ты, но великъ!“

* * *

Такъ росъ онъ. Величіе царскаго сана,
Премудрость, почетъ, красота
Не подняли гордости черствой тумана:
Осталась, какъ жемчугъ на днѣ океана,
Душа и нѣжна и чиста.
Смиреньемъ движенья ребенка дышали,
Звучала премудрость въ рѣчахъ;
Терпѣніемъ спорилъ онъ съ твердостью стали,
И съ звѣздами—свѣтомъ въ очахъ.
Въ немъ рано проснулись отважныя чувства:
Проворенъ и гибокъ, какъ тигръ,
Онъ, силой природной и силой искусства,
Считался владыкою игръ.
Кто могъ такъ легко управлять колесницей
На праздникѣ свѣтлой весны?
Удачнѣй за звѣремъ охотиться, птицей,
Иль спорить съ напоромъ волны?
Но часто случалось: въ лѣсу, за газелью
Гонясь съ смертоносной стрѣлой,
Охваченный дрожью и чуждый веселью,
Бросалъ онъ свой лукъ вырѣзной,
И жаль ему было добычу до боли,
И счастливъ былъ юный стрѣлокъ,
Что робкому звѣрю всѣ радости воли
На долю оставить онъ могъ.
На скачкахъ, боясь быстротой безпримѣрной
Коня своего утомить,
Иль громкой побѣдой, спокойной и вѣрной,
Соперника ликъ омрачить,—
Онъ сдерживалъ лошадь, и радость чужая

Была дорога для него.
Съ годами, какъ дубъ изъ ростка созрѣвая,
Окрѣпла въ немъ вѣтвь состраданья святая,
Къ богамъ приближая его.

* * *

Однажды, полуденнымъ зноемъ объятый,
Звѣзды лучезарной свѣтлѣй,
Гулялъ онъ съ товарищемъ игръ Дэвадаттой
Подъ сѣнью душистыхъ аллей;
И видитъ: туда, гдѣ въ лазурь Гиммалаи
Возносятъ короны снѣговъ,
Летятъ лебедей серебристыя стаи,
Какъ бѣлая цѣпь облаковъ.
Въ рукахъ Дэвадатты; струной напряженной,
Губительный лукъ задрожалъ,
Мгновенье, и лебедь, стрѣлою пронзенный,
Къ ногамъ Савартсида упалъ,
И въ трепетѣ тратилъ напрасно усилья,
Стараясь оправиться вновь:
Коралловой нитью окрасила крылья
Горячая, чистая кровь.

Царевичъ спѣша, въ непонятной тревогѣ,
Прекраснаго лебедя взялъ,
И долго, какъ Будда, поджавъ свои ноги,
Онъ лебедя нѣжно ласкалъ;
И жертвѣ невинной жестокой забавы,
Далекій отъ вѣчнаго зла,
Онъ листья и медъ и цѣлебныя травы
Прикладывалъ къ ранѣ крыла,

И царственный лебедь, исполненъ довѣрья,
Не бился съ тревожной тоской,
Когда ему правилъ разбитыя перья
Божественный мальчикъ рукой.
Слегка прикоснувшись губительной сталью
Къ изнѣженной, бѣлой рукѣ,
Онъ вздрогнулъ отъ боли, и съ тайной печалью
Головкой поникнулъ въ тоскѣ.
„Дай птицу!—Промолвилъ ему Дэвадатта,
„Мой лебедь“. Но твердо въ отвѣтъ
Замѣтилъ царевичъ безпечному брату:
—„Нѣтъ, я не отдамъ его, нѣтъ.
Не правъ Дэвадатта! Когда-бъ безъ дыханья
Его отпустила стрѣла,—
Я-бъ отдалъ его, но въ сердцѣ его—трепетанье.
Убилъ ты лишь силу крыла.“

„Мой лебедь! Отдай его братъ благородный;
Шепталъ Дэвадатта,—онъ—мой.
Какъ облако въ небѣ онъ мчался свободный,
И я его ранилъ стрѣлой!“

Но нѣжно прижавъ лебединую шею
Къ горѣвшей румянцемъ щекѣ,
Онъ, дивную птицу, считая своею,
Ласкалъ въ безотчетной тоскѣ.
Исполненъ таинственныхъ чаръ обаянья,
Шепталъ онъ съ любовью святой:
— „По высшему праву любви, состраданья,
Онъ мой, Дэвадатта, онъ мой!
И только по этому праву отнынѣ

Я буду владыкою вамъ!
Любви, милосердью, какъ вѣчной святынѣ,
Я силы и душу отдамъ!
Я вижу по блеску угрюмаго взора,
Что братъ недоволенъ... Тогда
Съ тобой, Дэвадатта, должны приговора
По праву, мы ждать отъ суда.“

И вотъ на совѣтъ собираются судьи,
Но споръ между ними возникъ,
И вышелъ спокойно къ вѣсамъ правосудья
Безвѣстный, но мудрый старикъ.
„Жизнь—даръ драгоцѣнный: Спасителю право
На лебедя мы отдаемъ.
Сиддарта! Божественно-свѣтлую славу
Провижу въ поступкѣ твоемъ!“
И всѣ согласились съ премудрымъ рѣшеньемъ.
Когда же Сиддарты отецъ
Хотѣлъ къ старику обратиться съ почтеньемъ,—
Исчезъ безызвѣстный мудрецъ,
И только твердилъ одинъ сторожъ въ тревогѣ,
Что видѣлъ змѣю: на землѣ
Въ томъ видѣ нерѣдко являются боги
Людямъ, испывающимъ въ злѣ.

Въ крылѣ, безпощадной стрѣлою разбитомъ,
Прекраснаго лебедя кровь
Встревожила въ дѣтскомъ сердечкѣ къ забитымъ,
Къ униженнымъ братьямъ любовь.
Оправившись, лебедь въ серебряной дали
Мелькнулъ и безслѣдно пропалъ,
И долго затѣмъ ни тоска, ни печали

Безпечной и чистой души не смущали:
Сиддарта пышнѣй разцвѣталъ.

* * *

И вотъ, Суддходана, порой пробужденья
Природы, рѣшилъ показать
Ребенку богатства несчетныхъ владѣній,
Довольства и мира печать.
Туда, гдѣ дышала величьемъ, свободой
Его золотая страна,
Сливалось въ гармонію сердце съ природой,
И пышно царила весна,—
Повезъ онъ не дѣтски-премудраго сына,
И съ гордымъ довольствомъ ему
Промолвилъ, мечтая и въ немъ властелина
Увидѣть: „Ты царь здѣсь—всему.
Румянитъ заря небеса позолотой.
Мой сынъ, полюбуйся весной,
Взгляни, какъ исполненный мирной заботой,
Работаетъ пахарь родной.
Онъ вѣритъ, что трудъ его, скромный и честный,
Не можетъ пропасть безъ слѣда,
Что почва и милость щедроты небесной
Отплатятъ за время труда.
Взгляни на мои плодоносныя нивы:
Какой безпредѣльный просторъ!
Когда для меня, мой наслѣдникъ счастливый,
Заблещетъ печальный костеръ,—
Ты станешь несмѣтныхъ богатствъ властелиномъ.
Теперь же любуйся весной:
Чаруетъ цвѣтами она по долинамъ,
И пѣсней крестьянъ разливной!“

Предъ нимъ въ ослѣпительно-яркомъ сіяньѣ
Природа роскошно цвѣла.
Тамъ воздухъ пьянило растеній дыханье,
Журчали ручьи безъ числа.
На холмъ онъ взошелъ: предъ святыми очами
Волшебный раскинулся видъ:
Равнины, лѣса... Даль слилась съ небесами...
Кой-гдѣ, какъ осколки зеркалъ—подъ лучами—
Озера... Все блещетъ, горитъ...
Роскошныхъ луговъ зеленѣютъ извивы...
Селенья ютятся у водъ.
За плугомъ, взрывая обильныя нивы,
Съ воломъ своимъ пахарь идетъ.
Какъ сѣткой, плющемъ безконечнымъ одѣты,
Купаясь въ прохладѣ лѣсной,
И па́годъ, и храмовъ сквозятъ минареты,
Сверкая своей бѣлизной.
Тамъ птицы щебечутъ, на солнцѣ мелькая,
Какъ дѣти, увлекшись игрой,
И къ влагѣ зеркальной рѣки припадая,
Рыбалки мелькаютъ порой.
Вонъ бѣлая цапля увѣренно-твердо
Средь буйволовъ мощныхъ идетъ,
И бабочекъ, нѣжныхъ какъ звуки аккорда,
Кружится цвѣтной хороводъ.
Распластанный ястребъ повисъ недвижимо
Въ лазури небесъ голубой,
Гдѣ мчатся, тоскующимъ вѣтромъ гонимы,
Сребристыя тучки толпой.
На солнцѣ сверкаютъ одеждой павлины.
Въ деревнѣ, гдѣ свадебный пиръ
Готовится пышно,—довольства картины,

Спокойствіе, нѣга и миръ.
Вездѣ ослѣпительно-яркія краски;
Все трепетомъ жизни полно...
Казалось, что тамъ, какъ въ чарующей сказкѣ,
Царило довольство одно.

Но глубже всмотрѣвшись въ цвѣтущія розы,
Замѣтилъ царевичъ шипы;
Сверкали на нихъ изумрудами слезы
Живущихъ несчастной толпы.
Онъ видѣлъ: покорный тяжелымъ заботамъ,
Усталостью, зноемъ томимъ,
Шелъ съ тяжкимъ трудомъ, обливаяся потомъ,
Крестьянинъ за плугомъ своимъ,
И съ шеей, истертой ярмомъ безпощаднымъ,
Тащился по пажитямъ быкъ;
И видъ той картины на фонѣ отрадномъ
Казался царевичу дикъ.

Онъ видѣлъ, какъ голубь, предъ тѣмъ ворковавшій
Съ голубкой въ зеленыхъ кустахъ,
Добычею коршуна сталъ, трепетавшей
Въ его безпощадныхъ когтяхъ.
Повсюду: въ воздушномъ эфира пространствѣ,
Въ прозрачной, кристальной водѣ,
Вездѣ на землѣ, почивавшей въ убранствѣ,
Убійство царило вездѣ.
Надъ слабымъ, безпомощнымъ царствовалъ сильный...
Жестокій и дикій законъ!
Такъ эту-то жизнь называлъ мнѣ обильной,
Свободной и полною онъ?!

Разсѣялся пологъ младенческой грезы!
Душа просвѣтлѣла моя!
Повсюду я вижу горячія слезы,
За каждый моментъ бытія!
Я вижу теперь опечаленнымъ взоромъ,
Что въ жизни, куда ни взгляни,
Нелѣпымъ, ужаснымъ, кровавымъ узоромъ
Сплелись злодѣянья одни!
О боги! Правдивые, свѣтлые боги,
Гдѣ-жъ милости вашей печать?!..“
И сѣлъ онъ, какъ Будда, священныя ноги
Сложивъ неподвижно опять.
И сѣлъ онъ, объятый нѣмымъ размышленьемъ
О томъ, какъ угрюмую ночь
Разсѣять надъ міромъ, какимъ искупленьемъ
Страданіямъ жгучимъ помочь?
Душа отдалась беззавѣтно стремленью.
Любовь овладѣла ей такъ,
Что въ истинно-свѣтломъ пути ко спасенью
Онъ первый свершилъ уже шагъ.
„Оставьте меня!—прошепталъ онъ тоскливо
Рабамъ неизмѣннымъ своимъ:—
Все то, что я видѣлъ, обдумать, какъ диво,
Я долженъ, печалью томимъ!...“

***

Въ то время безшумно въ выси пролетали
Блаженныя души святыхъ.
Надъ Буддой онѣ безъ движенія встали
И дрогнули крылья у нихъ.
„Чья чистая сила къ себѣ призываетъ

Изъ міра нечестья и золъ?“
Взглянули, и видятъ: надъ Буддой сіяетъ
Небесъ золотой ореолъ.
И слышатъ съ небесной сіяющей тверди:
„О, Риши! Сойдите къ Тому,
Кто міру несетъ избавленье отъ смерти,
Свѣтильникъ въ зловѣщую тьму.“

И духи, покорно внимая глаголу,
На розовыхъ крыльяхъ своихъ
Слетѣли съ отрадой божественной долу
И пѣли ликующій стихъ.
Потомъ, лучезарными крыльями рѣя,
Они отъ земли поднялись,
Чтобъ радостью свѣтлой любви пламенѣя,
Обрадовать горнюю высь.
Ужъ полдень погасъ. Неподвижнаго жара
Томительный гнетъ уплывалъ,
Когда подъ цвѣтущею яблоней старой
Сиддарту слуга увидалъ:
Предавшись блаженной душой размышленью,
Какъ статуя, тамъ недвижимъ,
Сиддарта сидѣлъ подъ узорною сѣнью,
Съ восторгомъ въ душѣ неземнымъ.

Мѣнялись деревьемъ покорныя тѣни,
Но яблони только одной
Осталась прохладная тѣнь безъ движенья,
Какъ въ полдня томительный зной.
Отъ жгучаго солнца та яблонь ревниво
Хранила Сиддарты главу;

Надъ ней вѣтерокъ опахаломъ, красиво,
Безшумно тревожилъ листву;
И слышенъ былъ голосъ изъ нѣжно-атласныхъ
Цвѣтовъ: „Этой яблони тѣнь
Не двинется съ мѣста, будь ночь, или день,
Пока на душѣ его горести сѣнь
Жива въ очертаньяхъ неясныхъ!“

Книга вторая.

Лишь только Сиддарта достигнулъ счастливо
Восьмнадцати лѣтъ,—три дворца
Построили царскому сыну на диво
По царственной волѣ отца:
Одинъ—для зимы, весь былъ сложенъ изъ кедра
И тепелъ; для лѣта—другой
Изъ мрамора—вѣялъ прохладою щедро;
Дворецъ для весны золотой—
Кирпичный—обложенъ былъ весь черепицей
И нѣженъ, какъ юность сама.
Звались эти дивные замки—темницы
Субха, Сурамма и Рамма.

Вокругъ на привольѣ сады расцвѣтали,
Журчали потоки, ручьи,
И рощи волной ароматъ разливали
И пѣли въ садахъ соловьи.
Сиддарта тамъ могъ погулять на свободѣ;
Тамъ могъ онъ на каждомъ шагу
Пить нѣгу, кругомъ разлитую въ природѣ,
Какъ пчелка льетъ медъ на лугу.

Тамъ жилъ онъ, но грусти священной корона
Чело окружала, какъ тѣнь,
Такъ облако яснаго озера лоно
Туманитъ въ задумчивый день.

Тогда, безпокойною мыслью тревожимъ,
Опять обратился отецъ
Къ своимъ приближеннымъ и вѣрнымъ вельможамъ:
„Когда-то,—сказалъ онъ,—мудрецъ
Открылъ мнѣ, что сынъ мой, наслѣдникъ мой милый,
Царемъ надъ царями взойдетъ;
Могуществомъ славнымъ и мощною силой
Прославитъ свой царственный родъ.
Но, можетъ быть, онъ изберетъ отреченья
И подвиговъ благостныхъ путь?
Боюсь я, что эти мечты и стремленья
Проникли въ невинную грудь.
Вы—мудры. Скажите, какъ юнаго сына
Сдержать мнѣ на благо судьбѣ,
Чтобъ славу и царственный скиптръ властелина
Пріялъ онъ въ наслѣдье себѣ?“

Старѣйшій совѣтникъ сказалъ: „Повелитель,“
Покуда кипитъ его кровь,—
Недугъ этотъ блѣдный,—какъ ангелъ хранитель,
Шутя, уврачуетъ любовь.
Пусть женскія чары плѣнятъ его душу:
Не знаетъ царевичъ младой
Очей, что и море, и небо и сушу
Забыть заставляютъ порой;
Не знаетъ красы золотыхъ обаяній;
Ни устъ ароматныхъ, ни долгихъ лобзаній!

Средь нѣжныхъ красавицъ душою унылой
Воспрянетъ царевичъ опять:
Нѣтъ цѣпи для мысли, но волосомъ милой
Легко ее можно сковать!“

Совѣтники мнѣнье одобрили сами.
Но царь возразилъ на совѣтъ:
„Любовь выбираетъ своими глазами
Достойный вниманья предметъ.
Что, если красавицъ блистательнымъ хоромъ
Его окружимъ мы, а онъ
Отъ нихъ отвернется съ презрительнымъ взоромъ
И планъ нашъ разрушитъ, какъ сонъ?“

Другой отозвался: „Любви непреклонной
Для всѣхъ одинаковъ законъ:
Одной изъ красавицъ, намѣченныхъ въ жены,
Царевичъ нашъ будетъ прельщенъ.
Одинъ обаятельный образъ предстанетъ
Ему, какъ во снѣ—божество:
Онъ дивной красою одинъ не обманетъ
Ни взоровъ, ни сердца его.
Послушай, о мой повелитель, совѣта:
Блистательный праздникъ устрой.
Пусть дочери сакьевъ на немъ до разсвѣта
Себя потѣшаютъ игрой.
Пусть юный царевичъ, достойнымъ награды,
Самъ щедро дары раздаетъ,
И вѣрь мнѣ: изъ нихъ для любви и отрады
Онъ по серцу дѣву найдетъ.“

Царь принялъ совѣтъ и толпою безпечной

Къ дворцовымъ воротамъ спѣшатъ
Какъ въ морѣ—волна за волной быстротечной,
Красавицы съ жаждой наградъ.
Волшебное зрѣлище! Съ низкимъ поклономъ
Красавицы, послѣ игры,
Потупивъ глаза, проходили предъ тропомъ
И брали, краснѣя, дары.
Одна за другой, какъ гирлянда живая
Прелестныхъ и чистыхъ цвѣтовъ,
Прошли предъ Сиддартой достойныя рая,
Но онъ былъ безстрастно суровъ.
Послѣдней къ нему подошла Яcодхара;
Она была вся торжество.
Онъ вздрогнулъ, и краска, какъ пламя пожара,
Окрасила щеки его.

Станъ дивный богини; походка Парватти,
Въ очахъ—необъятная власть.
Она создана для любви и объятій,
Она—упоенье и страсть!

Скрестивъ свои руки, съ улыбкой спокойной
Спросила Сиддарту она:
„Найдетъ ли царевичъ, подарокъ достойный
Меня?“.
И свѣтла какъ весна,
Потупясь, стоитъ передъ нимъ Яcодхара.

„Я роздалъ подарки свои:—
Отвѣтилъ царевичъ, но этого дара
Вполнѣ ты достойна. Возьми“.
И, снявъ ожерелье, безцѣнное съ шеи,
Онъ обвилъ ей станъ трепеща...
Такъ вьется вокругъ серебристой лилеи

Зеленая вѣтка плюща.
И встрѣтились ихъ искрометныя очи,
И пламя любви огневой
Блеснуло въ нихъ ярко, какъ звѣздочки ночи,
Слетѣвшія въ сумракъ ночной.
Спустя много лѣтъ, просвѣтленнаго Бу́дду
Спросилъ ученикъ: „Почему
Любви этой ты покорился, какъ чуду?“
И Будда отвѣтилъ ему:
„Мы не были чужды другъ-другу: когда-то
Давно, одинъ юный стрѣлокъ,
У свѣтлыхъ истоковъ Ямуны, гдѣ свято
Стоитъ Нандадеви чертогъ,
Игралъ средь красавицъ лѣсныхъ безмятежно
На тучномъ цвѣтущемъ лугу.
Онѣ состязались другъ-съ-дружкой прилежно
Въ игрѣ, красотѣ и бѣгу.
Стрѣлокъ былъ судьею. Быстрѣй урагана
Носились онѣ; и одной
Изъ астръ онъ вѣнокъ далъ; изъ перьевъ фазана
Безстрастно вручилъ онъ другой.
Но та, что послѣдней пришла по условью,—
Въ глазахъ его первой была.
Онъ ей подарилъ свое сердце съ любовью,
И бѣлаго крошку козла.
И много счастливые лѣтъ скоротали
Въ лѣсу, отъ волненій вдали,
Разбить его полное счастье едва-ли
Усилія смерти могли!

Какъ послѣ бездождья, сокрытое сѣмя
Выходитъ на свѣтъ,—такъ любовь

И зло, и добро, пережившее время,
На свѣтъ возраждается вновь.
Стрѣлокъ тотъ былъ я, а прелестная дѣва—
Она. Роковой оборотъ
Рожденья и смерти, какъ участь посѣва,
Свершился: жизнь снова цвѣтетъ.

—

Совѣтники царскіе видѣли чудо.
Они разсказали царю,
Какъ грустенъ былъ царственный отрокъ, покуда
Вдали не увидѣлъ зарю;
Какъ отдалъ царевичъ свое ожерелье,
Какъ взоръ его нѣжилъ безъ словъ,
И царь улыбнулся и молвилъ въ веселье,
Что соколъ слетитъ съ облаковъ.
„Послать къ Ясодхарѣ пословъ!“
Но издавна
Обычай у Сакіевъ былъ,
Что тотъ лишь женихъ всѣхъ достойнѣй, кто явно
Соперниковъ всѣхъ побѣдилъ.
Спросили избранной отца Супрабудду
И онъ отвѣчалъ: „Я не прочь
Вручить молодому царевичу буду
Свою ненаглядную дочь.
Но много князей чужеземныхъ и наши
Руки ея просятъ давно.
Коль юный Сиддарта сильнѣй всѣхъ и краше,
Владѣть ему ей суждено.“

Задумался царь, безпокойствомъ объятый:
Сиддартѣ-ль, съ дѣвичьимъ лицомъ,

Въ стрѣльбѣ состязаться съ стрѣлкомъ Дэвадаттой,
Съ Арджуной и Нандой бойцомъ?
Но молвилъ Сиддарта съ улыбкою ясной:
Готовъ къ состязанію я.
Отецъ мой, противники тѣ не опасны.
Красавица будетъ моя!“

* * *

Изъ всѣхъ городовъ и селеній окрестныхъ
Отважные Сакьи пришли.
Всѣ жаждутъ добыть въ состязаніяхъ честныхъ
Свѣтило Сакійской земли.
Въ цвѣтномъ паланкинѣ, на золоторогихъ,
Цвѣтами увитыхъ быкахъ
Явилась съ родными невѣста, у многихъ
Любовь пробуждая въ сердцахъ.

Ея женихи: Дэвадатта съ Арджуной
И Нанда—гордились собой.
На бѣломъ Контакѣ соперникъ ихъ юный
Явился, блистая красой.

Народныя волны сливались, шумѣли,
Какъ бурное море въ прибой.
Иначе, чѣмъ царь они пили и ѣли,
Но равны съ нимъ были душой.
Царевичъ взглянулъ на невѣсту съ улыбкой...
Контаки подъ нимъ запралъ,
И всадникъ, спрыгнувши съ спины его гибкой
На землю, въ восторгѣ вскричалъ:
„О, тотъ не достоинъ жемчужины милой,

Кто всѣхъ не поборетъ сейчасъ.
На подвигъ отважный, помѣряться силой
Зову я, о юноши, васъ!“

Тутъ Нанда ему предложилъ состязанье
Въ стрѣльбѣ. Барабанъ далеко
Отнесъ онъ, и равное съ нимъ разстоянье
Арджуна избралъ... Но легко
Стрѣляя изъ лука, мишень, Дэвадатта
Всѣхъ дальше поставилъ... Увы,
Мишень его юнаго, смѣлаго брата
Виднѣлась чуть-чуть изъ травы.
Звенящія стрѣлы вдали просвистѣли.
Вотъ Нанда пробилъ барабанъ.
Арджуны стрѣла красовалась у цѣли,
И пустъ Дэвадатты колчанъ:
Стрѣла его сразу пробила въ мишени
Два самыхъ труднѣйшихъ значка,
И крикомъ восторга, и гуломъ хваленій
Толпа отличила стрѣлка.
Но тутъ золотымъ покрываломъ закрыла
Глаза Яcодхара, грустя,
Чтобъ только не видѣть, какъ юноша милый
Дастъ промахъ...

Сиддарта, шутя
Взялъ лукъ камышевый, тотъ лукъ, что сгибали
Лишь мощные только стрѣлки...
Звенитъ тетива... Вдругъ, концы задрожали
И лукъ разлетѣлся въ куски.

„Не съ этой игрушкой любовь несравненной
Я долженъ сейчасъ пріобрѣсть.

Лукъ дайте другой мнѣ съ стрѣлой окрыленной...“
Тутъ кто-то отвѣтилъ, что есть
Средь древнихъ сокровищъ стариннаго храма
Лукъ Сингахану, но досель
Никто не умѣлъ съ тетивою упрямой
Управиться: выстрѣлить въ цѣль.

„О, это оружье—достойное воина!—
Воскликнулъ божественный вдругъ.—
Несите его!..“
Принесли, и спокойно
Царевичъ попробовалъ лукъ.
Оправленный въ золото, лукъ былъ изъ стали..
„Пустите стрѣлу эту вдаль:—
Сказалъ онъ... Три Сакья оружіе взяли;
Увы, не погнулася сталь.

Царевичъ нагнулся слегка, безъ усилья
Его тетиву натянулъ,
И издалъ лукъ, точно орлиныя крылья
Въ умолкнувшемъ воздухѣ—гулъ.

„Что это за звуки?—спросили больные,
Оставшись невольно въ домахъ.
„Лукъ Сингахану;—имъ сказали,—впервые
Звенитъ у Сиддарты въ рукахъ“.

И выбралъ царевичъ стрѣлу изъ колчана,
Пустилъ ее въ цѣль, и стрѣла
Мгновенно пронзила значки барабана
И въ даль голубую ушла.

Потомъ состязанье мечей началося;
И вотъ Дэвадатта мечемъ
Разсѣкъ сразу пальму красавца-колосса
Въ ладонь толщиною... Потомъ
Соперникъ Арджуна—въ семь пальцевъ, а третій
Нанда—въ девять пальцевъ... Тогда
Двѣ сросшихся пальмы, питомицы столѣтій
Сиддарта разсѣкъ безъ труда.
Ударъ былъ такъ силенъ, что пальмы стояли
Недвижно... Нанда съ торжествомъ
Вскричалъ: „Онъ далъ промахъ!“ Невѣста въ печали
Сидѣла съ закрытымъ лицомъ.

Но боги въ то время неслись надъ землею.
Повѣялъ слегка вѣтерокъ,
И пальмы, сраженныя мощной рукою,
Упали, дрожа, на песокъ.
Потомъ привели имъ коней на просторѣ.
Легки, какъ степной ураганъ,
Объѣхали Сакьи, отвагою споря,
Обширный и шумный Майданъ.
Сиддарта ихъ всѣхъ обогналъ безъ усилья,
Но Нанда промолвилъ: „Съ конемъ
Такимъ, какъ Кантака, орлиныя крылья
Лишь могутъ поспорить вдвоемъ.
Пусть дикую лошадь дадутъ намъ для пробы.“

И слуги приводятъ коня:
Глаза его полны испуга и злобы,
Онъ сотканъ изъ бурь и огня.
Сѣдло не касалось спины его стройной,

Копыта не знали подковъ.
Три раза на землю дикарь безпокойный
Съ себя повергалъ ѣздоковъ;
И только Арджуна рукою умѣлой
Сдержалъ на минуту его.
Цѣпь сброшена... Славится Сакія смѣлый,
Но кратко его торжество!
Животное вдругъ обернулось, зубами
Схватило Арджуну, и вотъ
Отважный ѣздокъ у коня подъ ногами...
Въ смятеніи царь и народъ.

Арджуну спасли. Но коня исполина
Вновь въ цѣпи велятъ заковать.
Народъ взволновался. „Нѣтъ, царскаго сына
До смерти нельзя допускать!“
Но молвилъ царевичъ: „Снимите оковы.“
Онъ лошадь за челку беретъ,
И гладитъ по бедрамъ, и плѣнникъ суровый
Предъ нимъ свою голову гнетъ.
Почуявъ властителя въ немъ, величаво
Идетъ онъ послушной стопой...
И дрогнула площадь отъ возгласа: „Слава,
Тебѣ, побѣдитель герой!“

Тогда Супрабудда, отецъ Ясодхары,
Воскликнулъ: „Сбылися мечты!
Ты былъ всѣхъ милѣе душѣ моей старой,
Теперь всѣхъ достойнѣе ты!
Невѣдомымъ чудомъ, иль силой молитвы
Тебѣ удалося,—Богъ вѣсть,—
Въ садахъ, среди розъ и мечтаній, для битвы

Отвагу и мощь пріобрѣсть?
Бери-же, царевичъ прекрасную въ жены,
Мою Яcодхару бери!..“

И встала она, какъ цвѣтокъ благовонный,
Съ улыбкой нѣжнѣе зари.
Изъ Могры цвѣтущей вѣнокъ ароматный,
Взяла и къ Сиддартѣ идетъ...
Царевичъ сіяетъ красой благодатной,
Какъ яснаго утра восходъ.
И вотъ, передъ нимъ преклоняясь съ весельемъ,
Она открываетъ покровъ,
И нѣжнымъ вѣнкомъ, какъ цвѣтнымъ ожерельемъ
Вѣнчаетъ Сиддарту безъ словъ,
И прячетъ головку на грудь его страстно,
И пылко, любви не тая,
Она говоритъ горделиво и ясно:
„Царевичъ, возьми,—я твоя!“
И вотъ, когда много ужъ лѣтъ миновало,—
У Будды спросилъ ученикъ:
„Скажи, почему, точно ночь, покрывало
Скрывало красавицы ликъ;
А поступь ея была такъ горделива?..“

И Будда ему отвѣчалъ:
„Тогда еще я не постигъ это диво,
Но взоръ мой въ него проникалъ.
Свершило свой кругъ колесо роковое
Рожденья и смерти, и вновь
Съ нимъ къ жизни опять возвратилось былое:
Событья, дѣла и любовь.

Прошли мирріады крылатыхъ столѣтій
Съ тѣхъ поръ, какъ въ трущобѣ лѣсной,
Средь горъ гималайскихъ я, Будда, на свѣтѣ
Жилъ въ образѣ тигра... Порой,
Слѣдилъ изъ травы я свѣтящимся окомъ
За стадомъ газелей средь скалъ,
А ночью, лишь звѣзды блеснутъ надъ востокомъ,
Добычу я жадно терзалъ.
Средь топей, въ густыхъ тростникахъ, я тигрицу
Однажды увидѣлъ; она
Являла собою лѣсную царицу,
Была высока и черна,
Какъ то покрывало, которымъ когда-то
Невѣста скрывала красу,
И полосы, точно колечки изъ злата,
Сверкали на самкѣ въ лѣсу.

Желая тигрицу прельстить, межъ собою
Мы бились до смерти, пока
Не пали въ крови, утомяся борьбою
Соперники въ тѣнь тростника;
И помню, мурлыча, красавица бодро,
Ласкаясь, ко мнѣ подошла,
Слегка облизала вспотѣвшія бедра,
И гордо за мною пошла,
Чтобъ въ дикой трущобѣ насытить любовью
Бойца, обагреннаго вражеской кровью.

* * *

И вотъ лишь взглянуло созвѣздья Оленя
Съ лазурнаго неба на міръ,

Свершился средь игръ и завѣтнаго пѣнья
Блестящій, торжественный пиръ:
Поставили тронъ золотой, разостлали
Коверъ, возложили вѣнки,
И алою лентой счастливцамъ связали
Двѣ полныя дрожью руки.
Пирогъ разломили; разсыпали зерна
Жемчужнаго риса; потомъ
Двѣ тонкихъ былинки пустили проворно
Въ священный сосудъ съ молокомъ:
Былинки, сходясь, означаютъ собою—
До смерти любовь... Вкругъ костра
Три раза потомъ обошли чередою,
И сдѣлали много добра
Несчастнымъ и нищимъ... Въ украшенномъ храмѣ
Пропѣли согласно Мантры,
Связали счастливцамъ одежды узлами,
И сдѣлали небу дары.
И вновь Супрабудда сказалъ: „Несравненный
Царевичъ! Покорный судьбѣ,
Мою Яcодхару, цвѣтокъ мой безцѣнный,
Ввѣряю для счастья тебѣ.“

Тогда Яcодхару подъ гимнъ вдохновенный,
Волнующій душу и кровь,
Въ объятья Сиддарты ведутъ... Во вселенной
Повсюду имъ вторитъ любовь.

Но царь преисполненъ иною мечтою:
Для юной, счастливой четы
Велитъ онъ построить дворецъ—красотою
Всѣхъ выше чудесъ красоты.

Чтобъ этотъ дворецъ средь садовъ возвышался
На пышномъ холмѣ; и ручей
Рохини, что съ Гангомъ священнымъ сливался
Катился предъ нимъ межъ камней.

На югѣ, гирляндой небеснаго цвѣта,
Стѣной тамариндовъ и розъ,
Дворецъ Витрамванъ оградился отъ свѣта,
Отъ міра печали и слезъ.

Здѣсь пѣли немолчно безпечныя птицы,
Далекія горя и золъ;
Сюда доносилось волненье столицы,
Какъ будто жужжаніе пчелъ.

На сѣверъ вершинъ гималайскихъ уступы
Казалося, страстно рвались,
Сомкнувшись въ безмолвныя, гордыя группы,
Съ земли въ безмятежную высь.
Утесъ за утесомъ, взвиваясь надъ бездной,
Какъ мысль, восходя въ высоту,
Бесѣдовалъ съ небомъ въ полуночи звѣздной
Про счастье, любовь, красоту.

А тамъ, подъ чертою снѣговъ вѣковѣчныхъ,
Ревниво храня чудеса,
Въ плащѣ облаковъ то румянныхъ, то млечныхъ
Тянулись глухіе лѣса.
Тутъ пѣнились бурно потоки, сверкая,
Какъ страшныхъ чудовищъ несмѣтная стая.

А ниже,—зеленые острые хвои,
Лѣса палисандровъ, гдѣ эхо безъ словъ
Мѣшаетъ въ таинственный хаосъ, порою,
Стенанья пантеры и клекотъ орловъ.
А вотъ и равнина въ цвѣточномъ уборѣ:
Какъ будто церковный коверъ;
У ногъ алтаря на священномъ просторѣ
Кадитъ она въ горній просторъ.

И царь приказалъ предъ картиной нетлѣнной,
Волшебной и чудной, какъ сонъ,
Построить дворецъ Витрамванъ несравненный
Съ кольцомъ драгоцѣнныхъ колоннъ.
На стройныхъ столбахъ красовались, какъ змѣи,
Древнѣйшихъ временъ письмена;
Тамъ были Раджа, Драупади и феи
Лѣсовъ, и Сита и Кришна.
А въ среднихъ воротахъ свой хоботъ склоняя,
Съ сіяющимъ дискомъ, съ жезломъ,
Податель богатства и мудрости рая,
Сидѣлъ Ганеша за столомъ.
За садомъ былъ дворъ: тамъ рѣзныя ворота
Изъ мрамора; грань,—бирюза,
Цвѣтной алебастръ; на дверяхъ позолота
Повсюду ласкали глаза.

Чрезъ эти ворота, красою лелѣемъ,
Шелъ путникъ въ покои дворца
По лѣстницамъ чуднымъ, сквознымъ галлереямъ,
Не видя чертогу конца.
Среди коллонадъ, по коврамъ шелковистымъ

Онъ шелъ очарованъ... Вокругъ
Фонтаны журчали, дождемъ серебристымъ
Снабжая искусственный лугъ.
Средь лотосовъ нѣжныхъ и розъ горделивыхъ
Бассейны съ прозрачной водой:
Въ нихъ стаи нарядныя рыбокъ игривыхъ
Рѣзвились, блестя чешуей,
Скакали по скаламъ и нишамъ газели,
Щипали у розъ лепестки;
Красивыя птицы безъ умолку пѣли,
Порхали кругомъ мотыльки.
И гамомъ и свистомъ наполненъ былъ воздухъ.
Павлины гордились хвостомъ;
Зеленые голуби нѣжились въ гнѣздахъ
И цапли бродили кругомъ.
Кривлялись вдали обезьяны, и смѣло
Средь дивныхъ цвѣтовъ, у ручья,
Гдѣ выхухоль робко рѣзвилася,—грѣла
Холодныя кольца змѣя.

Согласной любовью и миромъ дышали
Его обитатели всѣ,
И дни золотые въ дворцѣ пролетали
Въ покоѣ и дивной красѣ:
Такъ въ тихой равнинѣ, средь лилій стыдливыхъ
И лотосовъ льется потокъ...
Тамъ лучшимъ цвѣткомъ средь цвѣтовъ горделивыхъ
Была Яcодхара цвѣтокъ.

Въ привѣтливыхъ, дальнихъ покояхъ чертога
Таился еще уголокъ:
Покоя прекраснѣе даже для Бога

Никто бы построить не могъ.
Передней служила квадратная зала,
А куполомъ ей небосводъ.
Въ бассейнахъ изъ мрамора, нѣжно журчала
Вода съ Гималайскихъ высотъ.
Ступени, края и карнизъ въ водоемѣ
Блестѣли агатомъ... Лучи
Горячаго солнца тутъ гасли въ истомѣ
И были не такъ горячи.
Здѣсь все усыпляло тревожное чувство:
Царила кругомъ полутѣнь.
Предъ спальней, плѣнительнымъ чудомъ искусства,
Рдѣлъ нѣгою вечера день.
Тамъ свѣтъ благовонныхъ лампадъ разливался
По тканямъ прозрачныхъ завѣсъ,
И робко въ коврахъ звѣздоносныхъ купался,
Какъ въ пологѣ теплыхъ небесъ.

Здѣсь ночь сочеталась съ полуденнымъ свѣтомъ,
И вѣялъ стыдливый зефиръ,
Сливая свой шопотомъ, дышавшій привѣтомъ,
Съ волшебными звуками лиръ.
Тамъ ночью и днемъ подавались безсмѣнно
Избранныя яства, плоды,
Печенья и вина съ душистою пѣной,
И шербетъ, закованный въ льды.
Тамъ рои прислужницъ, пѣвцы и пѣвицы
Служили прекрасной четѣ,
Онѣ навѣвали имъ сны на рѣсницы
И пѣли хвалу красотѣ.
Когда-жъ просыпался царевичъ,—рабыни
Игрою и танцами вновь

Его возвращали къ прекрасной богинѣ,
Будили дремавшую кровь,
И полные страсти сливались напѣвы
Съ плесканіемъ дѣвственныхъ рукъ,
И струны звенѣли, и чудныя дѣвы,
Какъ феи, кружились вокругъ.
Чампаки и мускусъ струей благовонной
Вокругъ разливали свой дымъ,
И снова въ объятья царевны влюбленной
Онъ падалъ, желаньемъ томимъ.

Такъ жилъ онъ въ объятіяхъ жизнью блаженной,
И царь повелѣлъ, чтобы въ дворцѣ
Никто не напомнилъ о юдоли бренной
И смертнаго скорбномъ концѣ.
И если танцовщица, или пѣвица,
Впадала порою въ печаль,
Иль кудри ея начинали сребриться,
Иль ножка срывалася,—вдаль
Отъ этого рая ее увозили,
Какъ будто сухую листву,
Какъ розъ лепестки облетѣвшіе, или
Какъ смятую грубо траву.
А тѣ предавались немедленно казни,
Кто смѣлъ намекнуть во дворцѣ
О мірѣ страданій, печали, боязни
И смертнаго грустномъ концѣ.

И царь размышлялъ: „Если сынъ мой прекрасный
Всю юность свою проведетъ
Вдали отъ сомнѣній и мысли опасной,
Вдали отъ житейскихъ заботъ,—

Быть можетъ, его назначенье измѣнитъ
Капризный, безсмысленный рокъ,
И онъ поневолѣ величье оцѣнитъ
И царскій одѣнетъ вѣнокъ.
Вкругъ этой темницы, гдѣ сладкому плѣну
Служила любовь, красота,
А крѣпкой оградой—блаженство,—онъ стѣну
Велѣлъ возвести... Ворота
Тройныя, литого желѣза и стали,
Такія, что съ страшнымъ трудомъ
Сто сильныхъ привратниковъ ихъ отворяли,
И шумъ раздавался кругомъ
За полъ іоджаны... Сквозь эти ворота
Не смѣла проникнуть печаль и забота.

Книга третья.

Въ этомъ пріютѣ любви и забвенья
Жилъ Будда; не зналъ нашъ Господь
Ни бѣдности горькой, ни зла, ни сомнѣнья,
Ни мукъ, разрывающихъ плоть.
Но какъ иногда по волнамъ океана
Блуждаетъ во снѣ человѣкъ,
И утромъ усталый отъ бурь и тумана
Выходитъ на сумрачный брегъ:
Такъ, часто, заснувъ на груди своей милой,
Онъ вскакивалъ съ крикомъ въ бреду:
„О міръ мой! Мой міръ! Слышу вопль твой унылый.
Все слышу! Все знаю! Иду!“

„О, мой государь. Что съ тобою?—Въ испугѣ
Шептала, блѣднѣя, она.
Сиддарта спѣшилъ улыбнуться супругѣ,—
Улыбка была холодна,
Но взоры блестѣли святымъ состраданьемъ,

Лицо озарялось небеснымъ сіяньемъ.
Однажды рабы на порогъ положили
Огромную тыкву; на ней
Звенящія струны натянуты были,
Чтобъ вѣтеръ, летя изъ аллей
Игралъ на нихъ пѣсни свои... Зазвучали
Тревожныя струны: „Тимъ-тамъ“—
И звуки нестройные всѣ услыхали,
И только Сиддарта въ глубокой печали
Внималъ пѣснопѣвцамъ богамъ:

* * *

„Мы вѣтра легкокрылаго живые голоса;
„Вздыхаетъ о покоѣ онъ и молитъ небеса.
„Покоя нѣтъ!

„О, смертный! Знай, что жизнь твоя подобна вѣтру: въ ней
„Все—буря, стонъ, рыданіе, борьба слѣпыхъ страстей—
„Покоя нѣтъ!

* * *

„Къ чему, зачѣмъ мы созданы? Откуда жизни ключъ
„Взялся? Куда стремится онъ, мятеженъ и кипучъ?
„Кто дастъ отвѣтъ?

„Мы, духи, также вырвались изъ бездны пустоты.
„Зачѣмъ живемъ, страдаемъ мы, волнуемся, какъ ты?
„Кто дастъ отвѣтъ?

* * *

„Скажи, какое счастіе любовь тебѣ даритъ?
„Она—сіянье краткое среди могильныхъ плитъ.
„Жизнь коротка.

„Подобно вѣтру буйному измѣнчива она;
„Ея волненья вѣчныя —звенящая струна.
„Жизнь коротка!

* * *

„О, Майи сынъ, ты слышишь-ли, мы стонемъ на струнахъ?
„Веселья не рождаемъ мы въ измученныхъ сердцахъ.
„Веселья нѣтъ.

„Подъ солнцемъ всюду видимъ мы лишь море слезъ и мукъ
„Въ крови горячей тонущихъ, спасти молящихъ рукъ.
„Веселья нѣтъ.

* * *

„И стонемъ и смѣемся мы надъ слабостью людей.
„Жизнь призракъ и привязаны одни безумцы къ ней.
„Жизнь только бредъ.

„Сдержать ее не властны мы, какъ въ небѣ облака.
„Она течетъ, волнуяся, какъ бурная рѣка.
„Жизнь только бредъ.

* * *

„Но ты, ты предназначенный спасти весь родъ людской.
„Спѣши! Тебя ждетъ міръ слѣпой, измученный борьбой.
„Спѣши къ нему!

„О, Майи сынъ, возстань! Проснись! Твой близокъ, близокъ часъ!
„Надъ міромъ утопающимъ свѣтъ истины погасъ.
„Спѣши къ нему!

* * *

„Мы вѣтра безпокойнаго живые голоса,
„Тоскуя, мы проносимся чрезъ горы и лѣса.
„Дай людямъ свѣтъ!

„Оставь любовь мятежную и сжалься надъ людьми.
„Брось роскошь! За страдающихъ страданіе пріими.
„Дай людямъ свѣтъ!

* * *

„Тревожа струны звонкія, мы вздохи шлемъ тебѣ.
„Тебѣ, не оскверненному въ мучительной борьбѣ.
„Ждетъ міръ тебя!

„Летая здѣсь незримыми, съ тобою говоря,
„Смѣемся мы надъ дивными забавами царя.
„Ждетъ міръ тебя!“

* * *

Въ другой разъ царевичъ съ своей Яcодхарой
Внималъ, какъ одна изъ пѣвицъ
Ихъ тѣшила дивною сказкою старой...
День гасъ... Щебетаніе птицъ
Смолкало... Смягчались вечернія краски...
А голосъ пѣвицы звучалъ;
И вторила лютня чарующей сказкѣ,
Какъ вѣтромъ разбуженный валъ.

Она говорила о странахъ далекихъ,
Гдѣ блѣдные люди живутъ,
Гдѣ солнце въ волнахъ океана глубокихъ
Находитъ ночлегъ и пріютъ;
О дивномъ конѣ, о любви говорила...
Царевичъ вздохнулъ и промолвилъ уныло:
„Въ прелестномъ разсказѣ мнѣ вѣтра напѣвы
Напомнила Читра... Такъ пусть
Жемчужина будетъ наградой для дѣвы,
Навѣявшей тихую грусть!

А ты, Яcодхара, жемчужина рая,
Скажи мнѣ: ты знаешь страну,
Гдѣ видно, какъ солнце, блестя и сверкая,
Въ морскую идетъ глубину?
И есть-ли сердца тамъ, подобныя нашимъ?
Быть можетъ, въ нихъ царствуетъ ночь.
Мы здѣсь веселимся безпечно и пляшемъ,
А имъ бы могли мы помочь!

Ахъ, часто, когда лучезаренъ и свѣтелъ,
Дискъ солнца съ востока встаетъ,
Я думаю: кто его первый тамъ встрѣтилъ,
Какіе тамъ нравы, народъ?
И часто, прильнувши къ груди твоей знойной,
Въ тоскѣ созерцая закатъ,
На западъ пурпурный, на западъ спокойный
Я съ солнцемъ умчаться бы радъ.
Тамъ, вѣрно, достойны участія братья.
Къ нимъ рвусь я въ желаньяхъ моихъ.
И даже твои поцѣлуи, объятья,
Забыть не заставятъ о нихъ.

О, Читра! Ты знаешь тѣ дивныя страны.
Скажи, гдѣ добыть мнѣ коня,
Чтобъ онъ черезъ сушу, моря, океаны,
Понесъ, какъ на крыльяхъ меня?
Ты душу мою взволновала разсказомъ!
За сутки ѣзды на конѣ
Отдамъ я дворецъ, чтобъ пытующимъ глазомъ
Увидѣть вселенную мнѣ.

Нѣтъ, лучше хотѣлъ бы орломъ я родиться...
На пикъ гималайскихъ высотъ,
Гдѣ снѣгъ на вершинахъ зарей золотится
Я-бъ смѣлый направилъ полетъ.
Оттуда-бы, полонъ возвышенной цѣли,
Всѣ земли я видѣлъ окрестъ...
Скажи, отчего я не знаю доселѣ
Ни чуждыхъ народовъ, ни мѣстъ?
Скажите! Узнать наконецъ это надо,
Что тамъ за воротами нашего сада?

Одинъ изъ придворныхъ отвѣтилъ: „Селенья
И городъ; а дальше—поля;
За ними—царя Бимбисары владѣнія,
А тамъ и большая земля.
Она занята несчислимымъ народомъ“.
И молвилъ царевичъ Чаннѣ:
„Довольно!.. Запречь колесницу! Съ восходомъ
Увижу я все не во снѣ!“

И вѣсть та до слуха дошла Суддходаны,
И царь объявилъ всѣмъ: „Пора
Увидѣть Сиддартѣ подвластныя страны
И подданныхъ... Завтра съ утра
Пошлите глашатаевъ въ городъ. Скажите,
Чтобъ въ радостный видъ привели
Повсюду жилища, чтобъ грустныхъ событій
Не видѣлъ наслѣдникъ земли.
Чтобъ вплоть до дальнѣйшихъ моихъ повелѣній
Скрывались калѣки въ дому,
Чтобъ зрѣлища смерти, страданья, сомнѣній
Остались чужды ему“.

И послѣ такого приказа, дороги
Расчистили слуги кругомъ,
Хозяйки, дома разукрасивъ, пороги
Посыпали краснымъ пескомъ.
Повсюду вѣнки заблистали, буксты
И флаги... У каждыхъ дверей
Стояли, въ златыя одежды одѣты,
Боговъ изваянья, царей.
Богъ Сурья стоялъ разукрашенный всюду,
И городъ подобенъ былъ роскошью чуду.

Глашатаи съ гонгомъ подъ звукъ барабана
Кричали: „Внимай, о народъ!
Нашъ свѣтлый властитель, король Суддходана
Тебѣ приказанье даетъ:
Пусть городъ нашъ нынѣ всѣмъ кажется свѣтелъ.
Пусть всюду веселье кипитъ,
Чтобъ юный царевичъ Сиддарта не встрѣтилъ
Печали, нужды и обидъ!“

—

И городъ весь былъ разукрашенъ прилежно,
Когда въ колесницѣ рѣзной
Сиддарта въѣзжалъ на быкахъ бѣлоснѣжныхъ
Въ ворота столицы родной.
И видя всеобщій восторгъ, безотчетно
Царевичъ душой просвѣтлѣлъ:
Любя, ему всѣ улыбались охотно;
Какъ будто всѣ жили кругомъ беззаботно,
—Всѣмъ выпало счастье въ удѣлъ.

—

„Міръ чуденъ! За что простираетъ объятья
Мнѣ этотъ трудящійся людъ?
За что мнѣ всѣ милые сестры и братья
Подобную честь воздаютъ?
Малютка бросаетъ цвѣты изъ кошницы...
Прошу, поднимите дитя.
Пускай онъ со мной въ росписной колесницѣ
Проѣдетъ, смѣясь и шутя.
Владыкою быть въ этомъ царствѣ отрада
Какъ добръ этотъ славный народъ!

Какъ мало ему для веселія надо,
Какъ скромно онъ всюду живетъ!
За эти ворота вези меня Чанна!
Хочу я узнать, наконецъ,
Весь міръ этотъ дивный!.. Мнѣ грустно и странно,
Что я такъ любилъ свой дворецъ!“

Подъ крики восторга, съ живыми мечтами
Царевичъ свой путь продолжалъ.
Народъ ликовалъ, и съ веселъемъ цвѣтами
Дорогу его осыпалъ.

И дальше по волѣ царя всѣ дороги
Веселіемъ были полны.
Казалось, заботы, печаль и тревоги
Не трогали этой страны.

Но вдругъ, на пути изъ лачуги несчастной
Навстрѣчу имъ вышелъ старикъ,
Онъ весь былъ разрушенъ болѣзнью ужасной,
Но къ мукамъ несноснымъ привыкъ.
Сквозь дыры лохмотьевъ виднѣлося тѣло.
На высохшихъ, острыхъ костяхъ
Изсохшая кожа, какъ тряпка висѣла....
Отъ слезъ потускнѣли въ глазахъ
Разсудокъ и воля... Всѣ члены дрожали...
Онъ руку одну прижималъ
Къ груди, гдѣ рыданья волной клокотали...
Несчастный старикъ чуть дышалъ...

„Подайте убогому, добрые люди!“
Молилъ онъ! Услышьте меня“...

Но вырвался кашель изъ сдавленной груди,
И нищій умолкнулъ, стеня,
Умолкнулъ, но полный безвыходной муки,
Онъ все еще къ нимъ простиралъ,
Какъ цѣпкія вѣтви, изсохшія руки,
Прохожихъ безъ словъ умолялъ.

Придворные нищему крйкнули грозно:
„Съ дороги! Царевичу путь!
Съ дороги, несчастный!“
Но было ужъ поздно:
Его не успѣли столкнуть.
Царевичъ мгновенно замѣтилъ калѣку.
„Оставьте! Оставьте его!—
Вскричалъ онъ.—О, Чанна, гляди, человѣку
Подобное здѣсь существо!
Подобное только... Я знаю, не можетъ
Такъ быть человѣкъ удрученъ...
Онъ дряхлъ... Или горе несчастнаго гложетъ?..
Онъ худъ... Или голоденъ онъ?“

„Я при смерти“,—шепчетъ со стономъ несчастный.
—„Скажите, что значутъ слова:
„Я—при смерти?“ Нѣтъ, этотъ образъ ужасный
Не близкаго намъ существа!“

Возница отвѣтилъ: „О, нѣтъ, предъ тобою
Стоитъ человѣкъ. Правда, онъ
И бѣденъ и худъ, и измученъ борьбою,
И старостью тяжкой согбенъ.
Въ глазахъ его разумъ и воля погасла,

Всѣ соки года унесли...
Въ свѣтильникѣ нѣтъ драгоцѣннаго масла,
Лампада въ грязи и въ пыли.
Одна лишь свѣтильня чадитъ, догорая:
То-искорка жизни глухой.
Вотъ старость, царевичъ... Но ты, не внимая,
Иди своей свѣтлой стезей.
Съ тѣхъ поръ ужъ десятки годовъ миновали,
Какъ полонъ онъ былъ красоты.
Глаза его искры веселья метали,
Онъ, такъ же здоровъ былъ, какъ ты."
—„Ужель это можетъ съ другими случиться?—
Спросилъ тутъ царевичъ его.
„О, мой повелитель!—отвѣтилъ возница:—
Такъ хочетъ само божество."
—„Ужели и я, и моя Ясодхара,
Коль жизнь наша будетъ долга,
Ужели и мы будемъ дряхлы и стары,
И мы, и Джалини, Гунга,
Малютка Хаста и дитя Гаутами!"
—„Да, царь мой,—отвѣтилъ Чанна...—
Все то-же, конечно, должно быть и съ нами..."
И вздрогнувъ, царевичъ сказалъ со слезами:
—„Довольно! Вся жизнь мнѣ ясна!"

И вотъ возвратился Сиддарта обратно,
Исполненный тягостныхъ думъ...
Въ душѣ его скорбь разрослась необъятно,
И ликъ былъ тоскливъ и угрюмъ.
Ни сладкія яства, ни ласки царицы,
Ни лучшіе фрукты земли,

Ни рои танцовщицъ, мелькавшихъ какъ птицы,
Сиддарту развлечь не могли.

Но вотъ Яcодхара спросила, тоскуя:
„О, мой повелитель отвѣть,
Ужели любовью своей не могу я
Холоднаго сердца согрѣть?“
И грустно отвѣтилъ онъ: „О, дорогая!
Въ тебѣ вся услада моя,
Но сердце скорбитъ, что отрада святая
Не вѣчна во мглѣ бытія.

Мы будемъ съ тобою и дряхлы и стары,
Застынетъ въ сердцахъ нашихъ кровь,
И съ сладкихъ, божественныхъ устъ Яcодхары
Не буду впивать я любовь.
И, если-бы слившись другъ съ другомъ устами,
Старалися мы удержать
И жизнь и любовь день и ночь,—между нами
Прокрадется время какъ тать,
И страсть мою властно оно уничтожитъ,
Прогонитъ желаніе прочь,
И радостный блескъ красоты твоей сгложетъ...

Такъ злобная, черная ночь,
Подкравшись къ вершинамъ, гдѣ снѣгъ искрометный
Блистаетъ игрой жемчуговъ,
На нихъ налагаетъ рукой незамѣтной
Печальный и сѣрый покровъ.
Все это узналъ я, и сердце всецѣло
Стремится избавить теперь

Отъ грознаго времени слабое тѣло
И сладость любви отъ потерь".

И всю эту ночь просидѣлъ онъ угрюмо,
И сонъ отгоняла пытливая дума.

* * *

И снилися сны въ эту ночь Суддходанѣ.
И въ первомъ увидѣлъ онъ снѣ
Красивое знамя; на пурпурной ткани,
Знакъ Индры былъ: солнце въ огнѣ.
Но буря дохнула съ угрозой суровой,—
Разорвано знамя,—и вотъ
Рой тѣней обрывки отъ ткани шелковой
На западъ несетъ отъ воротъ.

Потомъ десять мощныхъ слоновъ ему снились:
На первомъ царевичъ сидѣлъ.
Торжественно къ югу они устремились;
Уборъ ихъ на солнцѣ горѣлъ.

А въ третьемъ онъ снѣ увидалъ колесницу,
Блестѣвшую, точно заря;
Двѣ пары коней перегнали бы птицу:
Ей правилъ наслѣдникъ царя.

Въ четвертомъ-же снѣ золотое приснилось
Ему колесо, и на немъ
Какая-то надпись въ брильянтахъ сквозилась;
Оно ослѣпительно-быстро катилось,
Подъ музыку съ яркимъ огнемъ.

А въ пятомъ вотъ что увидалъ Суддходана:
Межъ горъ и столицей стоялъ
Большой барабанъ; по тому барабану
Царевичъ жезломъ ударялъ,
И грохотъ, подобный громовымъ раскатамъ,
Летѣлъ къ небесамъ, благодатью объятымъ.

Въ шестомъ снѣ увидѣлъ онъ башню; она
Терялась вершиною за облаками.
Царевичъ, блистая красой, какъ весна,
На ней красовался, и щедро руками
Бросалъ во всѣ стороны грѣшной земли
Рубины и жемчугъ, и скоро пришли
Толпой туда люди, и жадно сбирали
Каменья, что царскія руки бросали.
Въ седьмомъ снѣ услышалъ онъ вопли и стонъ:
То шесть мудрецовъ неутѣшно рыдали
И въ горѣ руками уста закрывали,
Какъ будто бы шли съ похоронъ.

***

Такіе семь сновъ увидалъ Суддходана.
Никто изъ его мудрецовъ
Разсѣять не могъ рокового тумана:
Найти толкованіе сновъ.
И въ гнѣвѣ воскликнулъ владыка: „Несчастье,
Быть можетъ, грозитъ всей странѣ,
И нѣтъ мудреца, чтобъ пророческой властью
Помогъ избѣжать его мнѣ!“

И всюду печаль разлилася, какъ море.
Никто его сновъ не постигъ.

Но скоро разсѣять суровое горе
Явился безвѣстный старикъ.
Въ звѣриныя шкуры закутанный,—властно
Сказалъ онъ: „Ведите меня
Къ царю. Я ему всѣ видѣнія ясно
Открою въ теченіе дня.“

И выслушавъ сны отъ царя, неизвѣстный
Съ глубокимъ поклономъ сказалъ:
„Да будетъ прославленъ пріютъ твой чудесный,
Откуда прекраснѣй, чѣмъ съ тверди небесной,
Спасительный свѣтъ засіялъ.

Семь радостей семь знаменуютъ видѣній
Какъ—знамя, гдѣ видѣлъ ты знакъ
Божественной Индры—изъ горнихъ селеній
Повержено на землю,—такъ
Падетъ одряхлѣвшая вѣра, и сѣмя
Иной, новой вѣры взойдетъ.
Боговъ измѣняетъ безстрастное время;
Всему свой приходитъ чередъ.

Слоны, потрясавшіе землю ногами,
То мудрости десять даровъ.
Царевичъ съ великими тѣми дарами
Уйдетъ изъ-подъ царскихъ шатровъ.

Четыре коня въ золотой колесницѣ—
Его добродѣтели... Знай:
Растворятъ онѣ ему двери темницы,
Откроютъ очамъ его рай.

Затѣмъ, колесо драгоцѣнное,—это
Святой и премудрый Законъ;
Его во всѣ стороны мрачнаго свѣта
Покатитъ властительно онъ.

Большой барабанъ, прогремѣвшій сурово
Съ земли до небесныхъ высотъ,—
То громъ благовѣстный побѣднаго слова,
Которое міръ потрясетъ.

А башня до неба, величіе Будды.
Безцѣнные камни его,—
То истины свѣтлой нетлѣнныя груды,
Что міру вручитъ Божество.

А шестеро плакавшихъ, то, безъ сомнѣнья—
Наставники юноши: имъ
Откроетъ Онъ правду, и всѣ заблужденья
Разсѣетъ, какъ утренній дымъ.

Возрадуйся царь! Его свѣтлымъ владѣньямъ
Не будетъ подъ солнцемъ границъ,
А рубище странника, полное тлѣньемъ,
Дороже твоихъ багрянцъ.

Вотъ что означаютъ, владыка, видѣнья.
Недѣля пройдетъ и прійдетъ исполненье.

—

Такъ молвилъ властителю странникъ смиренный
И, трижды коснувшись земли,

Ушелъ... Царь послалъ ему даръ драгоцѣнный,
Но старца рабы не нашли.
„Въ храмъ Чандры вошли мы, и тотчасъ оттуда
Сова улетѣла“—рабы
Царю донесли, какъ великое чудо...

Такъ, часто, по волѣ Судьбы,
Являются смертнымъ въ житейской дорогѣ
Глубоко-премудрые, свѣтлые боги.

Царь былъ удивленъ и испуганъ разсказомъ.
Чтобъ сердце Сиддарты привлечь
Къ красавицамъ нѣжнымъ, къ пирамъ и проказамъ,
Чтобъ въ немъ сладострастье разжечь,—
Онъ снова блистательный праздникъ устроилъ,
Гдѣ не было тѣни заботъ,
И строгую стражу на время удвоилъ
У крѣпкихъ дворцовыхъ воротъ.

Но кто заградитъ путь судьбѣ неизбѣжной?
Царевича душу влекло
Вновь жизнь увидать съ суетою мятежной,
Ту жизнь, что рѣкой бы катилась безбрежной.
Когда бы не горе и зло.

„Отецъ мой, дозволь, о, дозволь, умоляю!“
Къ владыкѣ Сиддарта взывалъ.
Увидѣть народъ мой и городъ!.. Я знаю,
Что все, что я видѣть такъ страстно желаю,—
Отъ взоровъ моихъ ты скрывалъ!
Ты съ нѣжной заботой приказывалъ слугамъ
Отъ глазъ моихъ всюду сокрыть

Все то, что могло бы мнѣ душу испугомъ
Тревогой, иль грустью смутить.
Ты жизнь показать мнѣ стремился забавной.
Но ясно я вижу теперь,
Что это не такъ... О, отецъ мой державный,
Позволь мнѣ все видѣть?.. Повѣрь,
Когда ты мнѣ дашь разрѣшенье, украдкой
Покинуть дворецъ мой и садъ,—
Я снова, довольный раскрытой загадкой,
И мудрый вернуся назадъ.

Отецъ мой, мнѣ тяжко скрываться здѣсь долѣ.
Позволь! О, позволь побывать мнѣ на волѣ.“

И царь такъ сказалъ приближеннымъ:
„Быть можетъ,
Прогулка такая ему
Загладить всѣ горести первой поможетъ:
Такъ соколъ, попавшій въ тюрьму,
Сначала пугливо глядитъ на свободѣ,
Но скоро съ ней свыкнется онъ...
Прошу объ одномъ лишь: слѣдите въ народѣ,
Чѣмъ будетъ царевичъ смущенъ!“

Лишь ночь миновала, и полдень румяный
Погасъ за горой,—изъ дворца
Вновь вышелъ царевичъ нашъ съ преданнымъ Чанной
По волѣ верховной отца.
Но строгій привратникъ, открывъ имъ ворота,
Не зналъ, что въ одеждѣ купца
Скрывался царевичъ и съ нимъ еще кто-то
Въ убогой одеждѣ писца.

И вотъ пѣшеходы обычной дорогой,
Мѣшаясь съ толпою, идутъ,
Знакомясь съ весельемъ, печалью, тревогой,
Все видя, и праздность и трудъ.
По улицамъ пестрымъ и шумно и живо:
Тутъ, ноги скрестивши, сидятъ
Купцы среди хлѣба. На солнцѣ красиво
Нарядныя ткани горятъ.
Звеня кошелькомъ, покупатель блуждаетъ,
Торгуется, смотритъ товаръ;
Возница кричитъ и къ себѣ зазываетъ.
Всѣ заняты— молодъ и старъ.
Носильщики громко поютъ... Тутъ лѣниво
Верблюды на солнцѣ лежатъ.
Тамъ женщины ведра несутъ съ водолива...
Въ толпѣ черноглазыхъ ребятъ.
Тутъ мухи надъ лакомствомъ вьются роями.
А ткачъ, за рабочимъ станкомъ,
Сидитъ, колесо разгоняя ногами,
И рѣзко скрипитъ челнокомъ.
Тамъ жерновъ гудитъ, растирающій зерна...
Собаки объѣдки грызутъ,
И кирку съ копьемъ направляетъ у горна
Кузнецъ работящій... Поютъ
Сакійскія дѣти Мантры въ своей школѣ,
Иль учатъ боговъ имена,
Усѣвшись вкругъ гуру... Красильщикъ на волѣ,
Матерьи доставши со дна
Глубокаго чана, на солнцѣ развѣсилъ
Для сушки... Солдаты идутъ,
Оружьемъ гремя. Кто печаленъ, кто веселъ.
Верблюды вожатыхъ везутъ.

Проходятъ Браманы, гордяся собою;
Кшатріи—воинственно... Вотъ
И Судръ неизмѣнный смиренно идетъ...
А змѣй укротитель царитъ надъ толпою.

Какъ будто браслетами, руку свою
Онъ гадами обвилъ, и взоръ его жгучій,
Подъ звуки волынки заставилъ змѣю
Плясать, извиваясь, спиралью гремучей.
А тамъ, на разубранныхъ коняхъ, подъ громъ
Ликующихъ трубъ, провожаютъ
Въ цвѣтномъ балдахинѣ въ сіяющій домъ
Невѣсту... Поютъ и играютъ.
Жена, чтобы мужа увидѣть скорѣй,
Иль милаго сына,—приноситъ
Дары свои къ храму, и тамъ у дверей
Принять ихъ заботливо проситъ.
Тутъ смуглые мѣдники молотомъ бьютъ
О звонкій металлъ и на диво
Лампады, кувшины свои создаютъ...
Все шумно, тревожно и живо!

Но вотъ уже стѣны и храмъ обойденъ...
Минули и мостъ... Вдругъ, съ дороги
Послышался слабый и жалобный стонъ,
И вздрогнулъ царевичъ въ тревогѣ.
„О, добрые люди, подняться нѣтъ силъ...
Подайте мнѣ помощи руку!“
Какой-то несчастный прохожихъ молилъ...
Тупую предсмертную муку
Все, все выражало его существо...

Онъ по́томъ покрытъ былъ холоднымъ
И силился встать, но усилья его
Слабѣли въ порывѣ безплодномъ:
Всѣ члены дрожали. Онъ падалъ, стеня
И только молилъ: „Пожалѣйте меня!“

Сиддарта услышалъ несчастнаго пени
И быстро къ нему подбѣжалъ;
Онъ голову въ струньяхъ привлекъ на колѣни
И нѣжной рукою ласкалъ,
И спрашивалъ: „Братъ мой, скажи, что съ тобою?
О, Чанна, отвѣть, почему
Не можетъ ни встать онъ, ни двинуть рукою?“
И Чанна отвѣтилъ ему:

„Царевичъ! Какой-то болѣзнью ужасной
Онъ весь пораженъ. Погляди,
Какъ корчится въ гибельныхъ мукахъ несчастный:
Въ его истомленной груди
Когда-то ключемъ благодатнымъ кипѣла
Горячая кровь, какъ у насъ,
И сердце стучало свободно и смѣло...
Но пробилъ убійственный часъ,—
Онъ долженъ погибнутъ... Смотри, онъ трепещетъ.
Ужъ взоръ его кровью налитъ...
Онъ тягостно дышетъ... Зубами скрежещетъ
И весь отъ болѣзни горитъ.
Онъ радъ умерсть бы, но слабое тѣло
Живетъ и страдаетъ, пока
Болѣзнь не окончитъ ужаснаго дѣла,
И смерти холодной рука

Его не коснется. Тогда его жилы
Застынутъ, и вѣчная тьма
Наложитъ на взоръ его сумракъ могилы .
Царевичъ! Съ несчастнымъ—чума!
Оставь его: онъ заразить тебя можетъ!
И ты можешь самъ заболѣть.
Чума, какъ гіена, несчастнаго гложетъ.
Ему суждено умереть!“

Но юноша, нѣжно лаская больного,
Спросилъ: „Неужели и мы,
Чье тѣло теперь такъ свѣжо и здорово,
Могли-бъ заболѣть отъ чумы?“

—О, мой государь!—отвѣчалъ ему Чанна.—
Болѣзни людей не щадятъ:
Чума, параличъ, водяная, иль рана
Всѣхъ, смертныхъ безстрастно разятъ.“
Царевичъ спросилъ: „И болѣзни тѣ,—тайно
Подходятъ и губятъ?“—„О, да!
Какъ злая змѣя, незамѣтно, случайно
Разитъ роковая бѣда.
Она беззащитную жертву сражаетъ,
Какъ хищникъ въ лѣсу, какъ стрѣла
Губительной молніи, и смертный не знаетъ,
Гдѣ бъ смерть его встрѣтить могла.“
—„Какъ, смертный живетъ въ этомъ страхѣ, не зная
Что ждетъ его завтра? И тотъ,
Кто нынче смѣялся судьбѣ, засыпая
Быть можетъ, въ болѣзни встаетъ.“
—„Да, да, государь!“—„И никто не спасаетъ?“

—„Никто! А болѣзни рука
Томительно тѣло его разрушаетъ,
И медленно сила въ груди его таетъ.. “
—„Что-жъ ждетъ, наконецъ, старика?“
—„Смерть.“—„Смерть?“—„Да, царевичъ, никто не отринетъ
Косы ея острой! Не всѣ
Извѣдаютъ старость, а множество сгинетъ
Въ цвѣтущей и нѣжной красѣ.

Смотри, вонъ несутъ мертвеца“...
И пугливо
Сиддарта взглянулъ: издали
Толпа приближалась. Предъ ней молчаливо
Горящіе угли несли.
Шли въ черныхъ одеждахъ родные за ними,
И крикъ ихъ тревожилъ сердца.
„О, Рама! О, Рама! Зовемъ твое имя!
Внемли и пріими мертвеца!“

Затѣмъ, на носилкахъ, бамбука вѣтвями
Скрѣпленныхъ лежалъ, какъ скелетъ,
Мертвецъ съ устремленными къ небу глазами,
Въ которыхъ погасъ уже свѣтъ.

И съ криками: „Рама!“—Его обращали
По всѣмъ четыремъ сторонамъ,
Потомъ на костеръ возложили въ печали,
И вопль понесся къ небесамъ.

Спокойно спитъ тотъ, кто не видитъ, не дышетъ
На ложѣ убогомъ своемъ.

Раздѣтъ онъ, но холода все-жъ не услышитъ.
Его не разбудитъ и громъ!

Вотъ красное пламя прорвалось и тѣло
Лизнулъ его знойный языкъ,
И съ дикою страстью безумно и смѣло
Къ холодному трупу приникъ;
Шипя, разрываетъ онъ кожу, ломаетъ
Суставы и рыхлую кость,
И дымомъ смердящимъ въ выси исчезаетъ,
Насытивши голодъ и злость.

Костеръ догорѣлъ и погасъ... Охладѣла
Зола... Кое-гдѣ лишь, какъ снѣгъ,
Случайно отъ пламени кость уцѣлѣла...
И это былъ *ты*,—*человѣкъ*!?

И юный царевичъ спросилъ: „Неужели
Всѣхъ ждетъ этотъ грустный конецъ?“
—„Да, всѣхъ;—былъ отвѣтъ:—и на всѣхъ въ колыбели
Смерть свой возлагаетъ вѣнецъ.
И тотъ, что лежалъ на кострѣ и оставилъ
Такъ мало здѣсь послѣ себя,
Онъ пилъ и смѣялся, грустилъ и лукавилъ,
И жилъ, наслажденье любя.
Но вѣтеръ подулъ; поскользнулся несчастный,
Ужаленъ змѣей, пль въ него
Вонзилась стрѣла своей сталью безстрастной,
И жизнь улетѣла, какъ шорохъ неясный,
И стало ничѣмъ—существо!

Онъ больше не знаетъ ни грезъ, ни желанья!
Пусть пламень его пецелитъ,
Мертвецъ ужъ не чувствуетъ боли, страданья,
И смрадъ его тѣла его обонянью
Ужъ больше совсѣмъ не претитъ;
Нѣтъ вкуса во рту, а въ ушахъ его—слуха.
Померкъ его взоръ, и ужъ онъ
Не слышитъ рыданій... Все мрачно и глухо...
Таковъ для живущихъ—законъ.
Злымъ, добрымъ и гордымъ и полнымъ смиренья
Всѣмъ, всѣмъ суждено умереть,
Но чтобъ не достаться червямъ на съѣденье,—
Ужъ лучше, пожалуй, сгорѣть.
А тамъ, говорятъ мудрецы,—тамъ должны мы
Опять возродиться, опять
Любить и страдать, быть судьбою гонимы
И снова, и снова сгорать!“

И полными слезъ неземными глазами
Сиддарта на небо взглянулъ,
Потомъ онъ на землю взглянулъ со слезами
И съ грустью глубокой вздохнулъ.
Казалось, душа его, въ вихрѣ полета,
Межъ небомъ и грѣшной землей,
Искала видѣнья, искала кого-то,
Знакомаго, близкаго ей безъ отчета,
Пропавшаго въ тьмѣ голубой.

И вдругъ озарился любовью блаженной,
Надеждой царевича ликъ,
И вырвался страстно, какъ вопль вдохновенный,
Изъ устъ его благостный крикъ:

„О, міръ утомленный! О, бѣдные братья!
Васъ смерть приковала къ себѣ,
Но всѣ ваши вопли, моленья, проклятья
Съ судьбою, въ неравной борьбѣ
Я слышу! Я вижу громадность страданій,
Житейскихъ суетъ пустоту,
Отраву любви и тоску ожиданій,
И радостей мелкихъ тщету.

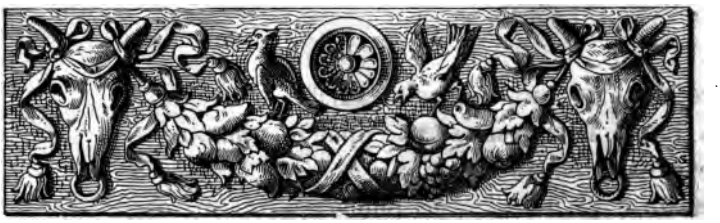
Къ страданію радость приводитъ сурово,
И къ старости—юность; любовь—
Къ разлукѣ; жизнь—къ смерти, а тамъ уже снова
Вновь въ смертномъ разбужена кровь,
И вновь къ колесу онъ прикованъ бездушно,
И, точно безсмысленный волъ,
Онъ снова вертитъ его въ страхѣ послушно
Средь вѣчныхъ печалей и золъ.
И я обольщенъ былъ надеждой лукавой,
И жизнь мнѣ казалась свѣтла,
И въ этомъ потокѣ, кипѣвшемъ отравой,
Не видѣлъ я вѣчнаго зла!
Средь пышныхъ цвѣточныхъ луговъ на просторѣ
Ея голубыя струи
Родятся затѣмъ лишь, чтобъ въ мутное море
Влить бѣдныя капли свои.

Я сбросилъ завѣсу съ очей просвѣтленныхъ!
Какъ всѣ, я—на страшномъ пути.
Вопль міра не тронулъ боговъ непреклонныхъ.
Такъ гдѣ-же, гдѣ помощь найти!
Иль боги настолько безпомощны сами.

Что помощь имъ также нужна?!
Къ нимъ люди взываютъ, бряцая цѣпями;—
Небесная твердь холодна!
Ужель я на помощь не бросился-бъ страстно,
Когда бы былъ въ силахъ помочь!
Какъ Брама, весь міръ сотворившій такъ властно,
Отбросилъ твореніе прочь?!
Вѣдь онъ всемогущъ! Почему-же бездушно
Забыть онъ дитя свое могъ?
Иль Брама—не благъ и глядитъ равнодушно
На міръ? Но тогда онъ—не Богъ!

Вези меня, Чанна! Душѣ моей больно...
Домой! О, я видѣлъ... я видѣлъ довольно!..“

И царь все узналъ. У воротъ онъ утроилъ
Обычную стражу... Его
Поступокъ Сиддарты и сонъ безпокоилъ.—
Онъ отдалъ приказъ: никого
Въ дворецъ не пускать и обратно, доколѣ
Не минетъ назначенный срокъ
Его сновидѣньямъ.



Книга четвертая.

Вскоро, по волѣ
Бездушной судьбы, онъ истекъ.

Свершилося все, какъ указано было:
Семь дней миновало, и вотъ
Тяжелое горе дворецъ посѣтило,
Дворецъ и царя, и народъ.

* * *

Въ полнолуніе мѣсяца Чайтра-Шеэдъ,
Тихо, тихо, вся нѣга, любовь и привѣтъ,
Опускалась индійская ночь,

Ночь рожденья Рамы, ночь великихъ чудесъ,
Голубая, она опускалась съ небесъ,
Точно ихъ звѣздоносная дочь.

—

Сыпля звѣзды, какъ брызги воды—океанъ,
Съ гималайскихъ высотъ на дворецъ Витрамванъ
Голубая царица сошла.
И цвѣты воскурили ей свой ароматъ,
И луна, обливая сіяніемъ садъ,
По лазури небесъ поплыла.

—

Поплыла, озарила Рохини струи,
И послала лучи золотые свои
На долины, холмы и чертогъ,
Гдѣ все мирнымъ и сладкимъ покоилось сномъ.
Не спала только стража во мракѣ ночномъ,
Вылъ шакалъ, да шумѣлъ вѣтерокъ.

—

Лунный свѣтъ, проникая въ прорѣзъ баллюстрадъ,
Озарялъ ослѣпительный мраморъ палатъ...
Сквозь его серебристую мглу
Видно было: какъ будто богини въ раю,
Что толпою нисходятъ купаться къ ручью,
Рой красавицъ лежалъ на полу.

—

То избранницы царскія были, и всѣ
Разметавшись въ своей несравненной красѣ,
Взглядъ и душу невольно влекли...
О, кому предпочтенье отдать?..—Никому!
Всѣ прекрасны, какъ звѣзды, слетѣвшія въ тьму
Нашей бѣдной и мрачной земли.

—

Ихъ тѣла обнаженныя нѣжно-смуглы;
Ихъ тяжелыя косы, какъ волны смолы,
Тяжкой ношей на плечахъ лежатъ...
Спятъ красавицы, спятъ до зари, какъ цвѣты,
Убаюканы нѣгой воздушной мечты,
Серебромъ соловьиныхъ руладъ...

—

Спятъ, какъ птички, которыя въ радостный день
Только любятъ, поютъ... Но вечерняя тѣнь
Опустилась надъ сонной землей,
И до новой зари, незнакомы со зломъ,
Золотую головку закрывши крыломъ,
Всѣ малютки вкушаютъ покой.

—

И серебряный свѣтъ благовонныхъ лампадъ,
Что на тонкихъ цѣпяхъ въ полумракѣ вписятъ,
Обнимаясь со свѣтомъ луны,
Разглядѣть позволяетъ красавицъ нагихъ,
Тонкость линій и формъ ослѣпительныхъ ихъ,
Свѣжесть первыхъ фіалокъ весны.

—

Точно волны вздымаяся, груди блестятъ;
Льютъ уста, какъ ночные цвѣты, ароматъ,
Зубы блещутъ, какъ жемчугъ морской.
Брови выгнуты, точно какъ крылышки птицъ,
И пушистыя стрѣлы роскошныхъ рѣсницъ
Изогнулись надъ знойной щекой.

—

Въ полуночной тишн сладко грезятъ онѣ,
Но, порою, рукой, иль ногою во снѣ
Шевельнутъ, и запястья на нихъ
Зазвенятъ, разгоняя волшебные сны
О таинственныхъ чарахъ любви, чѣмъ полны
Тайники ихъ сердецъ молодыхъ.

—

Подложивъ подъ атласную щеку слегка
Многострунную войну, какъ два лепестка,
На струнахъ держитъ руки одна;
Сладкозвучной мелодіей пѣсни своей
Убаюкана, спитъ средь цвѣтущихъ лилей
Безмятежно и сладко она.

—

А другая, склонивъ къ антилопѣ степной
Молодую головку, вкушаетъ покой;
Обѣ сразу уснули онѣ:
Антилопа щипала тотъ самый цвѣтокъ,
Что у дѣвушки въ ручкѣ; его лепестокъ
Еще козочка держитъ во снѣ.

—

Двѣ подруги заснули, сплетая вѣнокъ,
Онъ обѣихъ голубокъ грудь къ груди привлекъ
И цвѣтущей гирляндой связалъ;
Спитъ на ложѣ цвѣточномъ одна изъ подругъ,
А другая—къ плечу ей прильнула... Вокругъ
Самый воздухъ влюбленно дремалъ.

—

Вотъ одна ожерелье вязала предъ сномъ
Изъ агатовъ, ониксовъ, коралловъ; кольцомъ
Вкругъ руки обвилося оно.
А въ рукѣ ужъ готовъ бирюзовый браслетъ
Съ именами боговъ, съ изреченьями Ведъ...
Сонъ и ей смежилъ очи давно...

—

Убаюканы шумомъ незримыхъ ручьевъ,
На пушистыхъ коврахъ благовонныхъ цвѣтовъ,
Лепестки, точно розы сложивъ,
Спятъ красавицы вплоть до зари золотой,
Чтобъ раскрыться опять съ неземной красотой,
Свѣжихъ силъ ощущая приливъ.

* * *

Но комната эта была лишь преддверьемъ
Къ супружеской спальнѣ. Предъ ней
Двѣ жрицы, почтенныхъ особымъ довѣрьемъ,
Раскинули волны кудрей;
Двѣ жрицы любви въ обаятельномъ храмѣ:
Прелестная Ганга и съ ней Гаутами.

Дверь краснаго дерева скрыла ревниво
Лазурную ткань, и на ней
Былъ золотомъ вытканъ узоръ прихотливо,
Узоръ изъ цвѣтовъ и лучей;
Она закрывала сквозныя ступени
Въ волшебно-прекрасный альковъ,
Гдѣ ложе влекло къ сладострастью и лѣни,

Какъ мягкая груда цвѣтовъ.
Всѣ стѣны блестятъ, перламутромъ покрыты...
Повисшій на граняхъ колоннъ,
Цвѣтами изъ ляписъ-лазури, нефрита,
Тамъ весь потолокъ испещренъ.
Вокругъ потолка, по карнизамъ и стѣнамъ,
Рисуются окна; и въ нихъ
Съ сіяніемъ луннымъ, въ восторгѣ блаженномъ,
На крыльяхъ прохладныхъ своихъ
Приносится вѣтеръ изъ сада, съ дыханьемъ
Цвѣтовъ, напоенныхъ росой...
Но кто, кто сравнится своимъ обаяньемъ,
Своей богоданной красой
Съ счастливой и мирно живущей здѣсь парой:
Съ Сиддартой и дивной его Яcодхарой?!

—

Привставъ на плѣнительномъ ложѣ своемъ,
Съ плеча уронивъ покрывало,
Царевна съ испуганнымъ, блѣднымъ лицомъ
Вздыхала и горько рыдала.
Три раза устами коснулась она
Сиддарты руки, и въ испугѣ
Стонала: „Царевичъ! Возстань ото-сна!
Дай миръ твоей юной подругѣ!
Проснись! Своимъ словомъ меня успокой!..“
Онъ очи открылъ и спросилъ: „Что съ тобой?“
Она отвѣчала печальнымъ стенаньемъ,
И грустный разсказъ начала съ содроганьемъ.

„О, мой повелитель! Вчера въ упоеньѣ
Заснула я, чуя подъ сердцемъ не разъ

Иной зародившейся жизни біенье,
Священную музыку въ сладостный часъ.
Но горе! Три страшныхъ видѣнья затмили
Святое блаженство... Въ таинственномъ снѣ
Быкъ бѣлый, красавецъ по росту и силѣ,
Съ большими рогами—представился мнѣ:
На лбу его былъ ослѣпительный камень.
Мерцающій искрами звѣздныхъ лучей,
Иль-Кантха, которымъ ликующій пламень
Зари—зажигаетъ божественный змѣй.

И тихо по улицамъ шелъ онъ къ воротамъ...
Никто не посмѣлъ ему стать на пути.
Вдругъ голосъ изъ храма звучитъ надъ народомъ:
„Когда его дальше допустятъ итти,—
То городъ погибнетъ со славой своею!“
Никто исполина не могъ удержать.
Тогда я, рыдая, схватилась за шею
Красавца и стала кричать:
„Закройте ворота!“ Но быкъ непослушно
Рванулъ... Я упала въ тоскѣ...
А онъ сторожей оттолкнулъ равнодушно
И скрылся изъ глазъ вдалекѣ.

Потомъ мнѣ приснились прекрасныхъ четыре
Созданья, чьи лики свѣтлы,
Чей тронъ изумрудный въ небесномъ эѳирѣ,—
Явились изъ розовой мглы,
Спустились на городъ, и знамя святое
Божественной Индры съ воротъ
Упало, и вдругъ, поднялося другое,

И радостно вскрикнулъ народъ,
И вѣтеръ, повѣявъ съ востока чуть слышно,
Раскрылъ серебристую ткань:
Рубины на ней красовалися пышно,
И мудрости свѣтлая длань;
И дождь ароматныхъ цвѣтовъ: украшенье
Невѣдомыхъ странъ и полей,
Посыпался на землю въ то-же мгновенье
Въ сіяньѣ небесныхъ лучей."

Царевичъ воскликнулъ: „Мой цвѣтикъ прекрасный,
Твой сонъ былъ пріятенъ!.."—„О, да
Но только конецъ сновидѣнья—ужасный:
Невѣдомый голосъ тогда
Послышался, точно какъ рокотъ громовый:
„Часъ близокъ! Часъ близокъ!..."
Но злой и суровый
Мой сонъ—былъ послѣдній. Мнѣ снилось: тебя
Вездѣ я ищу, нетерпѣньемъ объята...
И имя твое призываю, любя...
Гляжу на постель, а подушка не смята;
Лишь платье твое на постели лежитъ.
Вотъ все, что осталося мнѣ дорогого
Отъ солнца, звѣзды моей, счастья земного!
Надъ ложемъ твой поясъ жемчужный виситъ...
Я имъ опоясалась... Вдругъ, превратился
Твой поясъ въ змѣю и ужалилъ меня.
Запястья мои разлетѣлись, звеня,
И жемчугъ съ поблекнувшей шеи скатился.
Истлѣли жасмины въ моихъ волосахъ,
И брачное ложе, распавшись, упало.
Вдругъ, быкъ заревѣлъ, и опять услыхала

Я крикъ, наводившій мнѣ на душу страхъ:
„Часъ близокъ! Часъ близокъ!“
Я съ воплемъ открыла
Глаза... Что за сны?! Я умру,
Иль, хуже, меня ты покинешь, мой милый...
„Ахъ, всѣ эти сны не къ добру!“

И взоромъ, какъ солнце нетлѣннымъ и яснымъ,
Ей въ кроткія очи смотря,
Шепталъ онъ: „Не мучься сомнѣньемъ напраснымъ,
Моя золотая заря!
Знай, если любовь неизмѣнная можетъ
Дать чуткому сердцу покой,
Пускай твою душу печаль не тревожитъ:
Я—твой, Яcодхара! Я—твой!

Всѣ сны твои—это грядущаго тѣни.
Ты знаешь, какъ мучился я,
Стараяся путь отыскать искупленья
Средь горестной тьмы бытія,
И если по душамъ невѣдомымъ, страстно
Теперь мое сердце болитъ,
И если страданьемъ чужимъ, ежечасно
Страдаетъ оно и горитъ,—
Подумай, какъ часто я мыслью пытливой
Витаю средь братьевъ моихъ,
А ты, мое солнце, цвѣтокъ мой стыдливый,
Ты мнѣ еще ближе другихъ!
Ты плотью своей сочеталась со мною,
Когда мой тоскующій духъ
Горѣлъ состраданьемъ, любовью святою,

Ища благодати вокругъ;
Когда по морямъ, по долинамъ и горамъ
Блуждалъ онъ въ томленьи, и вновь
На крыльяхъ являлся къ тебѣ метеоромъ,
Къ тебѣ, неземная любовь!
И вѣрь мнѣ: когда-бы и что-бъ ни случилось,
Припомни, какъ быкъ тотъ ревѣлъ,
Какъ царственно свѣтлое знамя раскрылось,
И вѣтеръ имъ тихо шумѣлъ,
И знай, что тебя я люблю неизмѣнно!
Тебѣ я желаю добра,
Что скоро, быть можетъ, надъ всею вселенной
Забрезжетъ иная пора!
Прильни-же ко мнѣ съ поцѣлуемъ устами,
И пусть въ твое сердце, какъ кровь,
Изъ груди моей перейдетъ со словами
Къ несчастному міру любовь.
Спи сладко, дитя, на плѣнительномъ ложѣ."
Заснула она, и опять
Вдыхала, какъ-будто ей снилось все то-же,
И крикъ вновь пришлось услыхать.

—

Оглянулся Сиддарта и видитъ, луна
Близъ созвѣздія Рака сіяетъ...
Звѣзды шепчутся въ небѣ. Вокругъ—тишина,
И ихъ шепотъ земли достигаетъ:
„Ночь настала, великая ночь. Посмотри:
Двѣ дороги лежатъ предъ тобою:
Путь добра и величья... Любой изберн...
Или властвуй, какъ царь, надъ толпою,
Или странникомъ бѣднымъ отсюда уйди,

Посѣти города и селенья,
И, тщеславья змѣю задушивши въ груди,
Даруй людямъ любовь и спасенье!“

Вмѣстѣ съ шопотомъ ночи до слуха его
И призывная пѣснь долетѣла:
Точно было вблизи отъ него божество,
И съ полуночнымъ вѣтромъ запѣло.
„Я иду!“ Прошепталъ онъ... „Ударилъ мой часъ.
На устахъ Яcодхары и въ звѣздахъ
Я читаю разлуку, и вмѣстѣ—приказъ...
О, любовь моя, свѣтъ мой и воздухъ,
Тутъ мое назначенье, мой путь и судьба!
Мнѣ не надо вѣнца и почета!
Не влечетъ меня власть и народовъ борьба
И мишурныхъ одеждъ позолота.
Я не рвусь обагрить мечъ побѣдный въ крови
На своей золотой колесницѣ.
Путь мой—путь всепрощенья, терпѣнья, любви,
И покровы мои—власяницы!
Прахъ земной—мое ложе; пустыня—пріютъ.
Мои спутники—нищій, голодный...
Въ чащи лѣса, въ пещеры, гдѣ звѣри живутъ,
Удалюсь я отъ жизни безплодной!
Вопль земли меня мучитъ! Я долженъ итти!
Состраданье мое безъ предѣла!
Этотъ міръ я спасу, если можно спасти,
Убивая влеченія тѣла!

Кто изъ этихъ боговъ милосердъ, справедливъ?
И кому помогли эти боги!

Такъ за что-жъ имъ молитвы и пажити нивъ,
И жрецы и почетъ и чертоги?!
Для чего-же взывать къ Вишну, Сивѣ, къ другимъ,
Если всѣ они глухи, безстрастны?
Жертвы тонутъ безслѣдно, какъ въ воздухѣ дымъ,
А молитвы и слезы напрасны!
И могло-ли кого-нибудь это спасти
Отъ болѣзни, отъ слезъ, отъ мученья,
Отъ отравы любви, отъ камней на пути,
Отъ морщинъ, сѣдины, одряхлѣнья?..
И могло-ли отъ смерти спасти навсегда?
Дать разбитому сердцу—отраду?
Мать могла-ли родить безъ страданій когда
За молитвы и жертвы въ награду?
—Нѣтъ! Есть боги и злые и добрые, но
И одни и другіе безстрастны.
И какъ люди, вертятъ колесо, все равно,
Избѣжать перемѣны не властны!

Насъ писаніе учитъ: невѣдомо гдѣ
И когда, жизнь, пріявши начало,
Заколдованный кругъ свой, подобно звѣздѣ,
Въ роковомъ колесѣ совершала,
Возвышаясь отъ атома до божества,
И являяся атомомъ снова.
Всѣ сроднились вокругъ. Но, полна торжества,
Чья-то воля насъ давитъ сурово.

О, кто можетъ спасти отъ проклятій и бѣдъ
Человѣка? Кто ужасъ разсѣетъ,
Леденящій тотъ ужасъ, что тысячи лѣтъ

Надъ землей и людьми тяготѣетъ?
Хоть-бы кто нибудь міру спасенье принесъ!
А спасеніе можетъ быть: въ стужу
Люди гибли; нашелся межъ ними колоссъ,
И огонь властно вызвалъ наружу:
Чуть замѣтную искру, даръ солнца святой,
Заключенную въ камень простой.

Люди мясо терзали, подобно волкамъ,
Но явился другой и посѣялъ
Золотое зерно и, хвала небесамъ!
Хлѣбный злакъ на равнинѣ взлелѣялъ.
Люди, точно какъ звѣри мычали,—опять
Появился одинъ между ними,—
Создалъ слово; другой же съумѣлъ записать
Это слово значками своими.
Есть-ли благо у братьевъ несчастныхъ моихъ,
Чтобы не было добыто съ боя
Кровью, потомъ, цѣною страданій глухихъ,
Дорогою и страшной цѣною?!

Я увѣренъ, что если теперь человѣкъ,
Одаренный великою властью,
Предназначенный свыше свой царственный вѣкъ
Подарить поклоненью и счастью,
Не усталый отъ жизни и пира любви,
А стремящійся къ ней въ упоеньи
Съ страстной жаждой въ душѣ и съ кипѣньемъ въ крови,
Человѣкъ, не вкусившій мученья,
Ни болѣзни, ни грусти, помимо одной:

Человѣкомъ быть... Если подобный,
Только истины ради, любви неземной,
Отречется душою незлобной,

Отречется отъ всѣхъ соблазнительныхъ благъ,
И въ погоню за правдою чистой
Выйдетъ нищъ и одинъ, и безвѣстенъ и нагъ
Темной ночью, дорогой тернистой,—
О, я вѣрю; ее онъ найдетъ! Да, найдетъ,
Гдѣ-бъ она ни старалась укрыться:
Подъ землей, въ небесахъ, въ безднѣ сумрачныхъ водъ,
Иль въ эѳирѣ, незримо, какъ птица.

Онъ откроетъ спасенія тайну для всѣхъ
И за то, что душою блаженной
Отдалъ власть и богатства и сладость утѣхъ,—
Смерть изгонитъ навѣкъ изъ вселенной!

Да, я сдѣлаю это! Я царство, почетъ,
Все, что дорого мнѣ, покидаю,
Потому что люблю беззавѣтно народъ
И со всѣми томлюсь и страдаю!
Мое сердце, подобно звенящей струнѣ,
Крѣпко связано съ міромъ, съ слѣпцами,
Что прійдутъ за спасительнымъ свѣтомъ ко мнѣ
Съ утомленными горемъ сердцами...

Вдохновители—звѣзды! Иду я! Иду!
О, земля, утомленная мукой,
Ради чадъ твоихъ, гибнущихъ въ душномъ чаду,
Я иду, но дрожу предъ разлукой...

Здѣсь отъ юности я отрекаюсь моей,

Отъ вѣнца, отъ богатства и власти,
Отрекаюсь отъ сладостныхъ дней и ночей,
Отъ любви, отъ объятій и страсти!
Отъ тебя, Ясодхара, ужаснѣй всего
Мнѣ отречься... Но землю спасая,
Я спасу и тебя, и съ тобою—того,
Кто подъ сердцемъ твоимъ возрастая,
Скоро долженъ на свѣтъ появиться...
Но я

Не дождуся его появленья,
Иль тогда поколеблется воля моя,
И погибнутъ святыя стремленья.
О, жена! О, дитя! О, отецъ! О, народъ!
Вы со мною раздѣлите муку!
Что-бъ весь міръ увидалъ новой жизни восходъ,
Не должны проклинать вы разлуку!
Я рѣшилъ, и иду! И пока не зажгу
Возрождающей истины свѣта,
Я вернуться назадъ не могу! Не могу!
Не могу не исполнить обѣта!“

И съ любовью коснулся онъ ногъ ея—лбомъ,
И несказанной мукой томимый,
Надъ заплаканнымъ, дивно-прекраснымъ лицомъ
Долго, долго стоялъ недвижимый.
Трижды ложе ея обошелъ онъ кругомъ,
Какъ святыню, и руки слагая
На взволнованномъ сердцѣ печально крестомъ,
Онъ промолвилъ: „Прощай, дорогая!“
Не вернусь я сюда никогда, никогда!“
И три раза уйти онъ пытался,—

Но любовь въ немъ горѣла, какъ утромъ звѣзда,
И опять онъ, опять возвращался...

И закрылъ онъ одеждой лицо и проникъ
За расшитую ткань занавѣски...
Тамъ, какъ лилій роскошныхъ, красавицъ цвѣтникъ
Спалъ въ полуночномъ трепетномъ блескѣ.
Возлѣ двери, какъ лотосы царственныхъ водъ,
Гаутами и Гунга... А далѣ—
Ихъ прекрасныя сестры, не зная заботъ,
Безмятежно и сладостно спали.

„О, подруги! Пріятно глядѣть мнѣ на васъ:—
Онъ сказалъ...—Васъ покинуть жалѣю.
Но останусь я здѣсь, и приблизится часъ
Дряхлой старости, смерти за нею!
Какъ лежите вы здѣсь, убаюканы сномъ,
Такъ и смерть васъ задушитъ рукою...
Умираетъ-ли роза,—что будетъ потомъ
Съ ароматной ея красотою?
Гдѣ скрывается пламя угасшихъ лампадъ?..
Ночь, сомкни ихъ уста и рѣсницы,
Что-бъ онѣ не настигли меня и назадъ
Не вернули въ объятья царицы!

Чѣмъ счастливѣе жизнь онѣ дѣлали мнѣ,—
Тѣмъ грустнѣй, что подобно растеньямъ,
Мы сначала живемъ въ ароматной веснѣ;
Но мгновенье летитъ за мгновеньемъ,—
Осень, холодъ, ненастье... А тамъ и зима...
Листопадъ... А за этимъ, кто знаетъ...
Вновь, быть можетъ весна, или холодная тьма...

Жизнь и смерть все вокругъ измѣняетъ...
Нѣтъ, я жизни такой не хочу, хоть текли
Мои дни здѣсь въ блаженствѣ и лѣни,
Между тѣмъ, какъ другіе валялись въ пыли,
И во мракѣ склоняли колѣни...
О, прощайте, друзья! Я иду васъ спасать
Отъ неволи, отъ зла и проклятья!
Какъ прекрасно, какъ сладостно душу отдать
За добро и за васъ, мои братья!“

—

И вышелъ Сиддарта изъ мирнаго дома.
Лазурное небо надъ нимъ.
Безсонныя звѣзды глядятъ такъ знакомо,
Лаская сіяньемъ своимъ,
И вѣтеръ цѣлуетъ одеждъ его ткани;
И тихо раскрыли цвѣты
Сердца, и струятъ аромать въ обаяньи,
Къ нему простирая листы.
И радости вторя, въ мечтаніяхъ райскихъ,
И голосу неба внемля.
До моря, отъ горныхъ вершинъ Гималайскихъ
Въ восторгѣ дрожала земля.

—

Четыре сіяющихъ мужа суровыхъ,
Съ невидимой ратью духовъ,
Сошлися къ воротамъ въ блестѣвшихъ покровахъ,
Съ лучами мечей и щитовъ,
И долго смотрѣли, скрестивъ свои руки,
На лікъ Савартсида... А онъ

Взоръ, полный любви, вдохновенья и муки
Въ слезахъ устремилъ въ небосклонъ.

По дальше проходитъ царевичъ въ мракѣ.
Вотъ видитъ онъ Чанну... тотъ спитъ...
И шепчетъ царевичъ: „Подай мнѣ Кантаку..“
Но тотъ, пробудясь говоритъ:
—„О, мой государь, что случилось съ тобою?
Далеко еще до зари.
Ужель ты поѣдешь ночною порою?“—
—„Тс... тише, мой братъ, говори...
Иди и сѣдлай мнѣ коня. Я обязанъ
Покинуть темницу... О, вѣрь,
Я съ міромъ обѣтами крѣпкими связанъ
И я ихъ исполню теперь!“

Но Чанна промолвилъ: „Царевичъ, ужели
Солгали царю мудрецы,
Когда предвѣщали тебѣ съ колыбели
И царствъ и народовъ вѣнцы?
Ужель ты разстанешься съ этимъ жилищемъ,
Богатство и блескъ оттолкнешь,
И странникомъ бѣднымъ, отверженнымъ нищимъ
Одинъ и въ лохмотьяхъ пойдешь?“

Царевичъ отвѣтилъ: „Что́ роскошь и слава
И призрачный царскій вѣнецъ?
Всѣ радости міра—обманъ и отрава,
И смерть—неизбѣжный конецъ.
Подай мнѣ Кантаку!“

Но Чанна съ участьемъ
Замѣтилъ: „А горе отца
И тѣхъ, что живутъ твоей жизнью и счастьемъ?
Ты всѣмъ растерзаешь сердца!

Сиддарта отвѣтилъ: „Любовь эта ложна,
Живетъ она ради утѣхъ...
Иначе люблю я и, если возможно,
Спасу я любовію всѣхъ!
Подай мнѣ Кантаку!“
И Чанна тоскливо
Въ конюшню пошелъ, удила
Одѣлъ на коня и затѣмъ молчаливо
Сталъ чистить его, хоть бѣла,
Какъ снѣгъ, была кожа его... На Кантакѣ
Сѣдло укрѣпилъ съ чепракомъ,
Что ярко сіяло уборомъ во мракѣ,
И вышелъ наружу съ конемъ.

Царевича конь угадавъ издалека,
Копытами громко забилъ,
Заржалъ. Но дворецъ спалъ беззвучно, глубоко
Подъ сѣнью божественныхъ крылъ.
Спала и вся стража... Спокойно и смѣло
Царевичъ погладилъ коня
И молвилъ: „Стой смирно, красавецъ мой бѣлый!
Стой смирно и слушай меня.
„О, будь мнѣ, Кантака, красавецъ мой, преданъ.
Я истину ѣду искать.
Пусть труденъ мой путь и никѣмъ не извѣданъ,
Все-жъ тайну я долженъ узнать!

Неси меня смѣло къ таинственной цѣли!
Послушенъ будь, добръ и ретивъ,
Ни вражьи мечи, чтобъ сдержать насъ не смѣли,
Ни горы, ни лѣсъ, ни обрывъ!
Лишь только скажу я: „Впередъ.“—Ураганомъ
Мчись, конь мой, отваженъ, могучъ,
Какъ смерть, надъ окутаннымъ тьмой океаномъ,
Какъ молнія въ небѣ—изъ тучъ.

Будь преданъ мнѣ, конь мой! Коль свѣтъ мы добудемъ,
Величье со мной раздѣли...
Спасенья ищу я животнымъ и людямъ,
Всѣмъ бѣднымъ питомцамъ земли!“

И быстро вскочилъ на коня онъ, и гривы
Коснулся рукою, и конь
Помчался стрѣлою, изъ камней игриво
Ногой высѣкая огонь.
Однако, никто не проснулся въ тревогѣ,
Чтобъ въ замокъ Сиддарту вернуть:
Собравшись толпою, хранители боги
Цвѣтами усыпали путь.
И сказано въ книгахъ: Когда подъѣзжали
Къ воротамъ они,—то Якши
Волшебныя ткани коню подстилали,
Чтобъ шелъ онъ беззвучно въ тиши.

Когда-же къ воротамъ они подъѣзжали
Съ запоромъ тройнымъ, что съ трудомъ
Пятьсотъ человѣкъ иногда поднимали,—
Безшумно во мракѣ ночномъ

Раскрылись ворота, межъ тѣмъ, какъ далеко
Ихъ скрипъ разносился всегда;
И среднія также ворота широко
Раскрылись безъ шума, когда
Подъѣхалъ царевичъ... И стража за ними
Глубокимъ покоилась сномъ...
Начальники рядомъ съ рабами своими...
Оружье валялось кругомъ.
Сломилъ всѣхъ ихъ вѣтеръ снотворный заранѣ,
Стократно снотворнѣй, чѣмъ тотъ,
Что ночью надъ маковымъ полемъ, въ туманѣ
На крыльяхъ лѣнивыхъ плыветъ...
Такъ выѣхалъ юный царевичъ свободный.

Лишь только звѣзда на востокъ
Спустилась, и тихо надъ гладію водной
Разсвѣтный подулъ вѣтерокъ,—
Царевичъ коня удержалъ и, волнуемъ
Печалью, на землю спрыгнулъ,
И тихо къ Кантаки челу съ поцѣлуемъ
Послѣднимъ—любовно прильнулъ.
Потомъ обратился онъ къ Чаннѣ съ словами:
„Что сдѣлалъ ты, братъ, для меня,—
Для міра заблещетъ святыми лучами...
Возьми-же скорѣе коня
Одежду и мечъ, и уборъ мой жемчужный,
И прядь моихъ длинныхъ волосъ.
Отдай все царю и скажи, что не нужно
О сынѣ ни горя, ни слезъ!
Пусть онъ обо мнѣ позабудетъ, доколѣ
Я вновь не вернуся домой,

Увѣнчанный мудростью краше и болѣ,
Чѣмъ царства вѣнецъ золотой!
И если побѣду надъ тьмой одержу я,
Весь міръ предо мной упадетъ,
И съ радостью свѣтлой мнѣ руки цѣлуя,
Владыкой меня назоветъ.
Скажи, что ты слышалъ—царю... Я-же нынѣ
Отъ міра отрекся навѣкъ
Для міра, и путь свой направилъ къ святынѣ,
Которой не зналъ человѣкъ!

Книга пятая.

Вокругъ Раджагрихи пять горъ возвышались,
Столицу царя Бимбисары храня:
Байбхара, покрытая зеленью свѣжей,
Випула, въ подножьи которой, звеня
О камни, струилась Сарсути; за нею
Тѣнистая Тапованъ; ниже—пруды,
Гдѣ черныя скалы, источники масла,
Глядятся въ спокойное лоно воды.
На юго-востокѣ—гора Сайлаги гири,
Тамъ—коршуновъ царство; а дальше—за ней,
Стоитъ на востокѣ гора Ратнагири,
Гора драгоцѣнныхъ камней...

Дорожка, мощеная плитами, смѣло
Бѣжала полями, гдѣ рдѣли цвѣты
Шафрана, по заросли мощныхъ бамбуковъ,
Чрезъ рощи Манго и скрывалась въ кусты,
И вновь выбѣгала къ утесамъ, гдѣ яшму

Ломали и дальше лощинами шла
Подъ сѣнію пальмъ многолѣтнихъ въ пещеру
И тамъ пропадала чиста и свѣтла.

Прохожій! Приблизившись къ этому мѣсту,
Сними свою обувь, главу преклони:
Священнѣе нѣтъ уголка подъ луною:
Здѣсь Будда провелъ испытанія дни.
Здѣсь вынесъ онъ холодъ и дождь и ненастье
Осеннихъ ночей, здѣсь облекъ онъ себя
Одеждою желтою, тѣмъ знаменуя,
Что жить будетъ нищимъ о мірѣ скорбя,
Питаться однимъ подаяньемъ случайнымъ,
Безъ крова, одинъ, спать на голыхъ камняхъ,
Когда по окрестностямъ рыщутъ шакалы
И съ ревомъ скрываются тигры въ кустахъ.

Дни, ночи, суровымъ постомъ убивая
Для нѣги и холи рожденную плоть,
Стоялъ, углубленный въ свои размышленья
Всесвѣтно-любимый Господь,
Подобно скалѣ, на скалѣ неподвижно
Учитель безъ пищи и сна пребывалъ.
Его не боялися звѣри, а голубь
Изъ чаши у ногъ Его зерна клевалъ.

Такъ съ полдня стоялъ Онъ всегда погруженный
Въ завѣтныя думы о томъ, какъ помочь
Страданіямъ міра, стоялъ неподвижно,
Пока не спускалася ночь,

Не слыша, не видя, какъ въ воздухѣ знойномъ
Вставали миражи, какъ съ алой зарей
Земля цѣловалась, какъ звѣзды всходили,
Кричала сова и леталъ козодой.

Такъ Онъ пребывалъ неподвижно, доколѣ
Глубокая полночь не вѣяла сномъ
Вездѣ, кромѣ дебрей, гдѣ хищники рыщутъ
И жадно терзаютъ добычу кругомъ.
Вездѣ, кромѣ дебрей невѣжества страшныхъ,
Гдѣ жадность и похоть жертвъ ищутъ себѣ,
Гдѣ ужасъ таится, гдѣ слышатся вопли
Погибшихъ и гибнущихъ въ звѣрской борьбѣ.

Тогда засыпалъ Онъ, но сонъ Его чуткій
Лишь длился то время, какое луна
Десятую долю пути проходила,
И вновь предъ зарею бѣжалъ ото-сна.
И снова стоялъ на скалѣ,—наблюдая
Уснувшую землю, и мыслью своей
Съ любовью живущихъ на ней обнимая,
При свѣтѣ безмолвныхъ небесныхъ лучей...

Но вотъ надъ полями волнистыми нѣжно,
Землѣ поцѣлуй ароматный даря,
Летѣлъ вѣтерокъ, а на дальнемъ востокѣ
Полоскою блѣдной вставала заря.
Ночь все еще дремлетъ и звуковъ разсвѣта
Какъ будто не слышитъ... Пѣтухъ еще спитъ...
А, въ небѣ все больше алѣетъ полоска,

И пламенемъ алымъ все дальше летитъ.
До утренней звѣздочки пламя добралось,
И тонетъ звѣзда въ блѣдно-алыхъ волнахъ,
И облачко радугой счастья зардѣлось...
Царь жизни грядетъ въ животворныхъ лучахъ!

Тогда и Учитель, какъ мудрые Риши,
Привѣтствовалъ солнце, потомъ совершалъ
Свое омовенье, и съ нищенской чашей
Шелъ въ городъ и тихо по стогнамъ блуждалъ.
И чаша Его наполнялась настолько,
Что голодъ на время утишить могла:
Людей привлекалъ Его ликъ вдохновенный
И взоръ благодатный и ясность чела.
„Прими отъ избытка, великій Учитель!
Ему говорили; и каждая мать
Склоняя главу предъ Учителемъ, дѣтямъ
Велѣла одежду Его цѣловать.

И часто, когда милосердьемъ сіяя,
Шелъ улицей кроткій и благостный Онъ,
Въ завѣтныя мысли о мірѣ, о братьяхъ.
Безсонной душою своей погруженъ,
Съ любовью индійскія дѣвушки взоромъ
Слѣдили за нимъ, точно Онъ имъ являлъ
Возвышенныхъ грезъ и любви воплощенье,
И чувствъ неземныхъ неземной идеалъ.

А Онъ, въ своей нищенской, желтой одеждѣ
Шелъ мимо, порою за ихъ доброту
Обрадовавъ словомъ, шелъ тихо въ пустыню

Лелѣя все ту-же святую мечту.
Туда, гдѣ бесѣды съ святыми мужами
Ему открывали къ премудрости путь,
Къ премудрости чистой, что свѣтлымъ потокомъ
Блаженство вливала въ пытливую грудь.

Вдали, по дорогѣ къ горѣ Ратнагири
Пустынники жили... Презрѣнную плоть
Считали они дикимъ звѣремъ и страстно
Стремились влеченья ея побороть!
„Она—врагъ души... Человѣкъ ее долженъ
Могучею волей смирить и сковать,
Пока не замрутъ истомленные нервы,
Онъ будетъ до смерти страдать и страдать?

Іоги, брамачары, бикшу и другіе
Угрюмо держались отъ міра вдали.
Одни неподвижно стояли, съ руками
Воздѣтыми къ небу отъ грѣшной земли,
И руки слабѣли, худѣли, изъ кожи
Какъ сучья на пняхъ, выдавалася кость;
Другіе такъ долго, сжавъ руки стояли,
Что ногти пронзали ладони насквозь.
А третьи ходили въ сандальяхъ, подбитыхъ
Гвоздями во внутрь... Тамъ иные скребли
Кремнемъ свое тѣло, кололи шипами,
Терзали ножемъ, бичевали и жгли.
Иные себя облекали въ лохмотья
Наслѣдство отъ мертвыхъ и, трупы обнявъ
Гніющіе,—спали, и воронъ надъ ними
Носился, несчастныхъ за мертвыхъ принявъ.

Иные пятьсотъ разъ подъ рядъ имя Спвы
Въ тоскѣ призывали, иль шеи свои
Змѣей обвивали, другіе куда-то
Ползли на разбитыхъ ногахъ въ забытьи.

Тотъ видъ былъ ужасенъ! Отъ сильнаго жара
Въ парывахъ ихъ головы были, а взоръ
Сталъ мутенъ, и сморщилась блѣдная кожа,
Какъ будто дней пять миновало съ тѣхъ поръ,
Какъ всѣ они умерли... Вотъ ежедневно
Одинъ изъ нихъ ползаетъ, силясь собрать
Лишь тысячу зеренъ, чтобъ медленно ими
Томительный голодъ чуть-чуть утолять,
Пока не умретъ... Вотъ еще: свою пищу
Мѣшаетъ онъ съ горькой и вредной травой,
Чтобъ вкусомъ ея не плѣниться... А третій
Лежитъ искалѣченный, жалкій, нѣмой,
Безъ глазъ, безъ ушей, оскопленный, горбатый:
Душа изувѣчила тѣло его
Для славы страданій... И, пыткой измятый,
Онъ ждетъ, что святое его торжество
Боговъ пристыдитъ за страданья и муки,
Которыхъ нельзя отыскать и въ аду,
Что дѣлаютъ смертныхъ богами, богами
Создавшими ихъ на свою-же бѣду.

Владыко взгляпулъ и сказалъ: „О, учитель!
Я истины жажду, какъ вы... Для чего-жъ
Вы зло прибавляете къ жизни мгновенной!
Она безъ того зло и тяжкая ложь?“
Мудрецъ отвѣчалъ: „Есть въ писаніи строки:

Когда человѣкъ свою плоть умертвитъ,
Страданія смоютъ его прегрѣшенья
И духъ отъ земли къ небесамъ воснаритъ.

Царевичъ отвѣтилъ: „На облако въ небѣ
Взгляни... Точно Индры покровъ золотой,
Оно поднялось изъ мятежнаго моря
И каплею внизъ упадетъ дождевой.
А тамъ, пробираясь по рвамъ и ущельямъ,
Чрезъ мутныя лужи и топи болотъ,
Вольется въ лазоревой Гангъ и оттуда
Въ морскую пучину опять упадаетъ.
О, братъ мой! Не то-ли судьба человѣка?
Все то, что поднимется, падаетъ вновь...
Вы кровь отдаете за небо... Но если
Опять вамъ вернется мятежная кровь?

„Быть можетъ, ты правъ: простоналъ тотъ печально.
Увы, неизвѣстность—нашъ общій удѣлъ.
Но день наступаетъ за ночью; затишье—
За бурей... Всему свой чередъ и предѣлъ.
Мы всѣ ненавидимъ проклятое тѣло,
Что держитъ божественный духъ нашъ въ плѣну.
За тяжкія муки мы ждемъ, что блаженство
На крыліяхъ насъ вознесетъ въ вышину“.

„Но это блаженство минуетъ!..
Промчатся
Милльоны вѣковъ, какъ потоки лавинъ,
Блаженство изсякнетъ... Ужель ваши боги
Безсмертны?..“—„Безсмертенъ лишь Брама одинъ...“

„Зачѣмъ-же вы, сильные, твердые духомъ,
Отвѣтилъ имъ Будда,—мученья сердецъ
Вы ставите въ этой игрѣ наудачу,
Коль смерть вамъ готовитъ не вѣчный вѣнецъ?
Зачѣмъ разбиваете сами жилище,
Въ которомъ пріютъ мы находимъ порой
И свѣтъ обрѣтаемъ не яркій, но годный
На то, чтобъ увидѣть зарю надъ землей?“

Но іоги воскликнули всѣ въ одинъ голосъ:
„Мы выбрали путь и пойдемъ по нему,
Хотя-бъ сквозь огонь проходить намъ пришлося,
Сквозь холодъ, ненастье и страшную тьму!
Мы вѣримъ, что смерть успокоитъ страданья,
Что муки замрутъ въ истомленной груди...
Скажи, если знаешь ты лучше дорогу,
А если не знаешь,—то съ міромъ иди!“

И шелъ Онъ, скорбя, что несчастные люди
Такъ смерти страшатся, что страха бѣгутъ,
Такъ къ жизни стремятся, что въ страхѣ, не смѣя
Любить ее, тѣло терзаютъ и рвутъ:
Какъ будто въ угоду богамъ, недовольнымъ
Ихъ счастьемъ,—хотятъ уничтожить весь адъ,
Лелѣя надежду, что души безъ тѣла
Къ блаженству и міру съ земли улетятъ.

Сиддарта сказалъ: „О, цвѣты полевые!
Вы нѣжно подъемлете къ солнцу чело,
Своимъ ароматомъ и дивной одеждой
Его прославляя за свѣтъ и тепло.

Вы, гордыя пальмы! Вы къ небу стремитесь,
Вы нѣжно цѣлуетесь съ вѣтромъ морскимъ:
Скажите мнѣ вашего счастія тайну
И вмѣстѣ со мной подѣлитеся имъ.
А вы, быстрокрылыя птички—пѣвуньи,
Вамъ ненависть къ жизни безвѣстна, чужда.
Красу свою вы не клеймите презрѣньемъ,
Не душитъ васъ злоба, унынье, вражда.
А ты, человѣкъ! Ты—властитель природы!
Ты ихъ убиваешь, но ты ихъ умнѣй,
А мудрость твоя, напоенная кровью,
Сказалась въ терзаніи плоти своей!“

—

Учитель кончилъ рѣчь свою
И видитъ: внизъ по горнымъ склопамъ
Нисходитъ стадо... Тамъ къ ручью
Стремятся овцы; тамъ, къ зеленымъ
Цвѣтущимъ пальмамъ козы льнутъ...
Пастухъ кричитъ и гонитъ стадо.
Ему сойти въ равнину надо,
И въ воздухѣ мелькаетъ кнутъ.

Одна овечка шла за стадомъ
Съ двумя ягнятами; скакалъ
Одинъ изъ нихъ безпечно рядомъ;
Другой-же сзади всѣхъ хромалъ:
Зашибъ онъ ногу. Лентой красной
За нимъ вилася кровь, и мать
Его боялась потерять...
Тогда Благой съ улыбкой ясной

Его на плечи возложилъ.
„Не бойся, бѣдная: я буду
Его хранить,—онъ говорилъ,—
И понесу съ собою всюду.
Отъ мукъ похвальнѣе отнять
Одно животное, чѣмъ праздно
О скорбяхъ жизни размышлять,
И мучить тѣло безобразно.
Но—обратившись къ пастухамъ,
Онъ продолжалъ.—Зачѣмъ до срока
Вы стадо гоните? Высоко
Еще такъ солнце въ небѣ...“—„Намъ
Приказано для жертвъ богамъ
Самимъ царемъ пригнать до ночи
По сотнѣ штукъ овецъ и козъ“
И, устремивъ на стадо очи,
Господь печально произнесъ:
„И я пойду за вами...“

Знойно
Свѣтило солнце... На плечахъ
Онъ несъ козленка... Въ двухъ шагахъ
За нимъ овечка шла спокойно.

Лишь всѣ приблизились къ рѣкѣ,
Подходитъ женщина, рыдая,
Къ Нему, и, руки простирая,
Съ слезами говоритъ въ тоскѣ:
„Владыко! Я живу за домомъ
Въ той рощѣ... На закатѣ дня
Къ тебѣ въ страданіи суровомъ

Въ слезахъ пришла я, и меня
Ты пожалѣлъ... Мой сынъ единый
Вчера игралъ въ цвѣтахъ, смѣясь.
Вдругъ, на рукѣ его невинной
Змѣя спиралью обвилась;
Онъ съ ней игралъ; то дергалъ смѣло
Ея языкъ, то открывалъ
Ей ротикъ свой... Вдругъ, поблѣднѣло
Его лицо; онъ пересталъ
Смѣяться, грудь хватать устами...
Тутъ кто-то мнѣ сказалъ, что онъ
Змѣей смертельно уязвленъ.
Я ихъ просила со слезами
Лѣкарство дать мнѣ, возвратить
Ему тепло и трепетъ тѣла...
Онъ былъ такъ милъ, что умертвить
Его змѣя бы не посмѣла.

Тутъ кто-то мнѣ сказалъ: „Вонъ тамъ
Живетъ святой... Иди, быть можетъ,
Онъ обратится къ небесамъ
И горю твоему поможетъ.“
Тогда къ тебѣ я подошла,
Сняла съ малютки покрывало,
Твои колѣни обняла
И даръ лѣкарства умоляла.
И ты, ты внялъ моимъ мольбамъ,
Твой кроткій взоръ былъ полнъ печали,
Ты вновь закрылъ малютку самъ
И мнѣ слова твои звучали;
„Есть средство горю пособить:
Кто проситъ у врача совѣта,—

Лѣкарство долженъ самъ добыть...
Сперва *тебѣ* лѣкарство это
Поможетъ, а ему—потомъ:
И такъ найди зерно горчицы,
Но помни, только въ домѣ томъ,
Гдѣ призракъ смерти блѣднолицый
Ни разу жертвъ не вырывалъ..."
Такъ ты, учитель, мнѣ сказалъ.
—„Да такъ сказалъ, Кисаготами:—
Отвѣтилъ съ нѣжностью Господь.—
Что-жъ ты нашла?"—„Я шла горами,
Лѣсами, нивой, городами,
У всѣхъ просила: „О, друзья,
Щепоть горчицы мнѣ повѣрьте."
И всѣ давали... Знаю я,
Что бѣдняки добры... Но смерти
Холодный призракъ всюду былъ
И жертвъ несчастныхъ уносилъ.

И съ благодарностью печальной
Я шла, просила у другихъ,
Но всюду мнѣ, многострадальной,
Одинъ отвѣтъ звучалъ отъ нихъ;
„Вотъ сѣмя, но...—мы потеряли
Раба..."—„У насъ скончался братъ..."
И сѣмя въ горѣ и печали
Я возвращала имъ назадъ.
Учитель! Не нашла я дома
Гдѣ-бъ ни являлась смерть... и вотъ,
Оставивъ въ нишѣ водоема
Ребенка (онъ ужъ не беретъ

Губами—груди!) Я искала
Вездѣ тебя... О, научи
Найти тотъ домъ, гдѣ-бъ не бывала
Ни разу смерть! О, облегчи
Мнѣ горе тяжкое! Тревожитъ
Оно мнѣ сердце, словно ножъ...
Мнѣ говорили всѣ, быть можетъ,
Они и правы?..—Нѣтъ, пѣтъ, ложь,
Что умеръ онъ! Онъ живъ!.. Владыко,
Скажи, онъ живъ?.. Но ей въ отвѣтъ
Господь промолвилъ кротко:—„Нѣтъ!
Твое страданіе велико,
Но ты, стараясь отыскать
То, что никто найти не въ силахъ,
Нашла бальзамъ для чувствъ унылыхъ,
Страдалица родная мать!
Еще вчера у бѣдной груди
Сномъ смерти спалъ ребенокъ твой,
А нынѣ знаешь, что всѣ люди
Болѣютъ тою-же тоской.
Но раздѣленныя страданья
Для сердца легче и сноснѣй!..
Знай, я готовъ безъ содроганья
Отдать всю кровь души моей
Что-бъ осушить мірскія слезы,
Что-бъ тайну смерти разгадать,
Что заставляетъ проклинать
Любви плѣнительныя розы,
И гонитъ къ стогнамъ алтаря
Всѣхъ: и безсмысленныхъ созданій,
И ихъ премудраго царя
Для всесожженья и заклинаній.

Я эту тайну разъяснить
Пытаться буду всей душою...
А ты, да будетъ миръ съ тобою,
Иди младенца хоронить!“

—

И вотъ царевичъ съ пастухами
Вступаетъ въ городъ... Схлынулъ зной,
И солнце алыми лучами
Прощалось съ грѣшною землей.
Скользитъ по рѣчкѣ отблескъ рдяный...
Имъ зданья щедро облиты,
И у воинственной охраны
Сверкаютъ копья и щиты.
Съ ягненкомъ на плечѣ, смиренно
Подходитъ медленно Онъ къ нимъ,
И разступились всѣ мгновенно
Передъ лицемъ Его святымъ.

Все смолкло даже на базарѣ:
Кузнецъ забылъ о молоткѣ,
Забылъ торговецъ о товарѣ,
А ткачъ усердный—о сташкѣ;
Мѣняла сбился вдругъ со счета,
И Сивы бѣлый быкъ ѣлъ рисъ...
Всѣ, всѣ невольно, безъ отчета
Глазами въ ликъ Его впились.
Онъ шелъ въ смиреньи величавый,
И говорили всѣ кругомъ:
„Кто тотъ, со взглядомъ полнымъ славой,

Съ ягненкомъ бѣлымъ за плечомъ?
И имъ иные отвѣчали:
„Иль девараджъ онъ, иль Сакрà...
Тамъ, гдѣ возносится гора,
Его тамъ съ Риши мы встрѣчали.“

А Будда тихо шелъ впередъ
И размышлялъ: „Какъ это стадо,
Безъ пастуха,—слѣпой народъ
Бредетъ подъ бременемъ невзгодъ,
И смерть за все ему награда!

——

И донесли царю:—„Пригналъ
Святой, по твоему велѣнью
Стада для жертвоприношенья...“
Царь въ храмѣ жертвенномъ стоялъ...
Его браманы окружали
Всѣ въ бѣломъ, точно въ серебрѣ,
И величаво разжигали
Огонь на гладкомъ алтарѣ.

Пылалъ огонь... Его языки
Лизали пышные дары,
Сокъ-сомы, масло изъ гвоздики:
Услады царственной Индры.
Вокругъ костра, ручьемъ дымилась
Животныхъ кровь, а въ сторонѣ
Коза привязанная блась...
Ея блеянье разносилось
Въ благоговѣйной тишинѣ.

И жрецъ надъ ней молился старый,
Готовясь нанести ударъ:
„О, боги! Жертву Бимбисары
Пріймите вы, какъ лучшій даръ!
Взгляните вы съ благоволеньемъ
На эту кровь, на этотъ дымъ.
Пусть съ нимъ владыки прегрѣшенья
Столбомъ умчатся голубымъ!“
Но, отвративъ ударъ, съ любовью
Господь промолвилъ: „Государь!
Не дай ея невинной кровью
Забрызгать жертвенный алтарь!“
И снялъ Онъ путы съ незаклапной,
И былъ такъ свѣтелъ взоръ Его,
Что изумленные браманы
Не возразили ничего.

—

Затѣмъ, попросивъ у царя разрѣшенье,
О жизни Онъ сталъ говорить.
„Жизнь каждый отниметъ у бѣдныхъ твореній,
А можетъ-ли кто подарить?“
О жизни, которую любитъ живое
И строго, какъ благо, хранитъ,
О жизни, способной дать счастье святое,
Что сердце, какъ солнце, живитъ.
Чтобъ всѣмъ-бы свѣтила, когда-бъ состраданье
Горѣло въ сердцахъ у людей!...
И слушали Будду въ нѣмомъ обаяньи,
А рѣчь все лилась, какъ ручей.

Онъ имъ говорилъ, что боговъ призывая,
И богъ надъ животными самъ,
Забылъ человѣкъ милосердіе рая,
Разрушилъ спасительный храмъ.
„Мы связаны цѣпью родства неразрывной
Они съ нами дѣлятся всѣмъ:
Своимъ молокомъ, своей шерстію дивной,
А мы, мы ихъ губимъ... Зачѣмъ?
Всѣ люди, какъ учитъ святое писанье,
По смерти должны перейти
Въ животныхъ и птицъ и опять для страданья
На путь человѣка прійти.
Не можетъ никто свой поступокъ неправый
И бремя тяжелыхъ грѣховъ
Очистить убійства цѣною кровавой
Предъ взоромъ всезрящихъ боговъ.
На голову чистаго агнца не можетъ
Никто возложить на землѣ
Грѣха, что терзаетъ, какъ хищникъ, и гложетъ
Людей, утопающихъ въ злѣ.

За всю свою ложь и отраву порока
Дастъ каждый отвѣтъ небесамъ.
За все по закону возмездья жестоко
Несчастный поплатится самъ!
Добро—за добро, зло—за зло! Для вселенной
Законъ этотъ будетъ всегда неизмѣнный!“

Такъ Будда говорилъ, и рѣчи его были
Исполнены такимъ величіемъ любви,
Что въ складкахъ ризъ своихъ жрецы укрыть спѣшили

Ножи, омоченные въ жертвенной крови.
Приблизившись къ Нему съ сложенными руками,
Склонился Государь, а Будда продолжалъ
Учить премудрыми и добрыми рѣчами,
И весь народъ Ему торжественно внималъ.

Онъ говорилъ имъ, какъ земля была-бъ прекрасна,
Когда-бы жили всѣ согласнѣй и дружнѣй
Зачѣмъ-же убивать живыхъ существъ напрасно?
Ужель не хватитъ намъ засѣянныхъ полей?
Намъ небеса даютъ и травы и коренья
И вкусные плоды и воду... Для чего-жъ
Съ жестокостью убійцъ, не зная сожалѣнья,
Мы безъ нужды на нихъ заносимъ острый ножъ?

Въ святыхъ словахъ Его звучала мощь такая,
Любви и истины, что всѣ жрецы съ стыдомъ
Отбросили ножи, Его благословляя,
И пламя залили на алтарѣ своемъ.
На завтра, по странѣ, лишь солнце засіяло,
Трубили тотъ законъ глашатаи вездѣ,
И надпись всѣ столбы и камни украшала
Въ садахъ, на улицахъ, на сушѣ и водѣ.
И тотъ указъ гласилъ: „Доселѣ позволялось
Для пищи и для жертвъ животныхъ убивать.
Но знаніе растетъ и милосердья ждать
Отнынѣ можетъ тотъ, чье сердце грѣетъ жалость“.

И съ этихъ поръ на пышныхъ берегахъ,
Гдѣ плавно Гангъ течетъ сереброводный,

Установился миръ, изгнавшій кровь и страхъ,
И жизнь текла волной свободной,
Тамъ человѣкъ дружилъ и съ птицей и съ звѣрьми.
Былъ Будда милосердъ ко всѣмъ безъ исключенья,
Кто вѣковымъ кольцомъ прикованъ былъ средь тьмы
Къ ужасной цѣпи вѣчнаго движенья.

* * *

Однажды много лѣтъ назадъ,
Святыя книги говорятъ,
Явился Будда на землѣ;
Онъ жилъ въ пещерѣ, на скалѣ,
Принявъ брамана скромный видъ,
Вблизи селенія Далидъ.

И край тотъ—голодъ посѣтилъ:
Жестокій зной опустошилъ
Страну, пожегъ кругомъ поля...
Отъ жара трескалась земля;
Въ лѣсахъ озера и пруды
Изсякли... Гибли безъ воды,
Безъ пищи—звѣри, и толпой
Перебирались въ край иной.

Все умирало безъ дождя!...
Однажды Будда, проходя
У стѣнъ Нуллаха, увидалъ

Тигрицу; бѣдный звѣрь стоналъ
На зноемъ выжженныхъ камняхъ,
И смерть была въ его очахъ.

Онъ, видно, много дней не ѣлъ...
Языкъ изсохнувшій висѣлъ
Изъ воспаленной пасти... Грудь
Вздымалась слабая чуть-чуть.
Звѣрь представлялъ скелетъ живой.
На немъ, какъ будто плащъ худой,
Висѣла кожа на костяхъ,
И опустѣло все въ сосцахъ...

Въ очахъ у матери былъ адъ.
Съ любовью жгучей двухъ тигрятъ
Она лизала языкомъ,
И съ страшной мукою потомъ,
Издавъ отчаянія вой,
Поникла гордой головой;
И видя это все, Господь
Не могъ страданья побороть.

„Какъ этой хищницѣ помочь?
Подумалъ Онъ... Настанетъ ночь,
Никто къ несчастной не прійдетъ...
Она отъ голода умретъ!
Но средство есть еще одно
Ее спасетъ, спасетъ оно!
Что, если, бѣдную любя,
Ей въ пищу я отдамъ себя?

Любви останусь вѣренъ я,
А въ этомъ цѣль и жизнь моя!“

И снявъ сандали и шнурокъ,
И посохъ бросивъ на песокъ,
Изъ за куста Онъ вышелъ къ ней.
„Вотъ пища для твоихъ дѣтей
И для тебя!“ Благой сказалъ
И передъ хищницей предсталъ.

И звѣрь, собравъ остатокъ силъ,
Съ голоднымъ ревомъ вдругъ, вскочилъ
И, сдѣлавъ бѣшеной прыжокъ,
Упалъ съ страдальцемъ на песокъ,
Когтями жертву сталъ терзать,
Суровый голодъ утолять,
А съ нимъ мучительную злость...
Хрустѣла праведника кость
И звѣрь, купаяся въ крови
Слилъ ревъ со вздохами любви.

—

Такого самоотверженья
Онъ полонъ былъ предъ тѣмъ, когда
Спасалъ отъ жертвоприношенья
Животныхъ мирныя стада.
Узнавъ его происхожденье,
Сталъ царь владыку умолять
Жить вмѣстѣ съ нимъ, и поклоненье
Его достойное пріять.

„Съ твоимъ высокимъ царскимъ саномъ;
Онъ говорилъ,—нельзя тебѣ
Бороться съ мутнымъ оксаномъ
И побѣдить его въ борьбѣ.
Ты созданъ небомъ не для муки!
Не для тебя ярмо нужды!
Твои властительныя руки
Да держутъ царскія бразды!
Живи со мной и будь мнѣ сыномъ!
Я одинокъ. Учи народъ.
Возстань надъ царствомъ властелиномъ,
Пріемли скипетръ и почетъ“.

Но возразилъ безъ колебанья
Ему святой: „Мой путь иной“.
Для правды, свѣта, состраданья
Вѣнецъ я сбросилъ золотой.
Я жажду истины нетлѣнной!
Я жажду вѣчнаго огня,
Хотя-бы свой пріютъ блаженный
Открыли боги для меня!
Я царство правды и закона
Хочу воздвигнуть всей душой!
Къ нему стремлюсь я неуклонно;
И въ рощахъ Гайи голубой
Надѣюсь свѣтъ найти завѣтный...
А этотъ свѣтъ мнѣ не дадутъ
Ни подвигъ Риши безпредметный,
Ни твой плѣнительный пріютъ!

Но если только я открою
Благословенную звѣзду,

Къ тебѣ съ небесною звѣздою
Тогда я радостно прійду".

И послѣ этого, объятый
Благословеньемъ неземнымъ,
Царь обошелъ его трикраты
И ницъ склонился передъ нимъ,
А Будда блѣдный, исхудалый
Отъ шестилѣтней тяготы,
Пошелъ опять стопой усталой
Куда влекли его мечты.
И пять подвижниковъ напрасно
Владыку увѣряли въ томъ,
Что весь законъ свѣтло и ясно
Открытъ въ писаніи святомъ;
„Нельзя мудрѣй быть Джнана-Канды,
Она насъ учитъ, что Брáма
Есть радость, жизнь и мысль сама!
Быть совершеннѣй Карма-Канды
Она насъ учитъ, какъ стряхнуть
Съ себя оковы личной жизни,
И богомъ стать, и свѣтлый путь
Найти къ божественной отчизнѣ;
Какъ перейти отъ лжи въ чертогъ.
Свободы, мира и молчанья...

Царь слушалъ Риши, но не могъ
Найти въ словахъ священныхъ строкъ
Ни утѣшенья, ни познанья.

Глава шестая.

Если хочешь ты видѣть, гдѣ солнце позднѣе садится,
То на западъ иди ты отъ тысячи пышныхъ садовъ,
По долинѣ, гдѣ Гангъ среброводный широко струится,
Гдѣ потокъ Ниладжанъ съ непокорнымъ Моханомъ сребрится.
Ты иди по травѣ, вдоль плѣнительныхъ ихъ береговъ.

—

Тамъ, гдѣ сестры, стремглавъ, упадаютъ въ Фальгу голубую,
Что течетъ отъ Гайи до нѣмыхъ барабарскихъ высотъ;
Возлѣ этой рѣки есть пустыня, и въ древность сѣдую
„Уравильи“ ее звалъ вокругъ обитавшій народъ.

—

На окрайнѣ ея лѣсъ дремучій вершины возноситъ
Къ голубымъ небесамъ, закрывая отъ солнца ручей:

Онъ кипитъ и бурлитъ, точно вырваться бѣшено проситъ
На свободу и свѣтъ изъ зеленой темницы своей.

—

На опушкѣ лѣсной, подъ могучимъ зеленымъ навѣсомъ,
Деревушка Сенани ютится, а въ чащѣ лѣсной
Жилъ всечтимый одинъ; онъ бесѣдовалъ съ птицами, съ лѣсомъ.
О таинственной жизни и сумракѣ смерти нѣмой.

—

Тамъ Онъ долго сидѣлъ, въ размышленья свои погруженный,
Забывая о голодѣ, жаждѣ... Случалось, порой,
Что, очнувшись отъ думъ, обезсиленный и утомленный,
Свою бѣдную чашу у ногъ находилъ Онъ пустой.

—

И тогда, не ропща, Онъ питался плодами, что зрѣли
На деревьяхъ кругомъ и срывалися съ вѣтки родной.
Красота Его блекла и тридцать два знака на тѣлѣ,
Знаки Будды,—исчезли съ Его красотою земной.

—

Желтый, сморщенный листъ, съ вѣтки свѣянный бурей ненастной,
Врядъ-ли меньше похожъ на душистый, весенній листокъ,—
Чѣмъ Владыко въ тѣ дни на божественный образъ прекрасный,
Озарявшій красою блаженства волшебный чертогъ.

Разъ на землю упалъ нашъ Владыка борьбой истомленный.
Блѣденъ ликъ Его былъ и загадоченъ очеркъ чела,
Онъ безъ чувства лежалъ, точно смерти косой пораженный...
Сердце смолкло въ груди... Кровь по жиламъ Его не текла.

—

Но, случайно, пастухъ шелъ лѣсною тропинкою мимо.
Онъ замѣтилъ Сиддарту, на помощь къ Нему поспѣшилъ...
Солнце жгло Его съ неба сквозь вѣтви деревъ нестерпимо,
Хищный коршунъ надъ Нимъ въ вышинѣ неподвижно парилъ.

—

И пастухъ, наломалъ вѣтокъ розы цвѣтущей и дикой,
И устроилъ изъ нихъ надъ священной главою навѣсъ.
Онъ, какъ низшій, не могъ прикоснуться къ особѣ великой,
А въ Сиддартѣ призналъ онъ любимца земли и небесъ.

—

Онъ изъ козьихъ сосцовъ влилъ въ уста Его кроткія прямо
Молоко... Между тѣмъ, вѣтви быстро надъ Нимъ проросли
И изъ нѣжныхъ цвѣтовъ къ небесамъ ароматъ, ѳиміамомъ,
Какъ съ кадильницъ святыхъ, полился съ освященной земли.

—

И навѣсъ изъ вѣтвей сталъ похожъ на шатеръ разцвѣченный,
Что воздвигнутъ царю на охотѣ, вдали отъ дворца

И пастухъ божествомъ счелъ Сиддарту и палъ пораженный
Предъ сіяньемъ Его вдохновенно святого лица.

—

Вотъ очнулся Благой и просилъ пастуха изъ кувшина
Дать Ему молока... „О, Владыко!—сказалъ Ему тотъ,—
Я—Судра и не смѣю коснуться рукой властелина".
Онъ отвѣтилъ ему: „Милосердье и тягостный гнетъ

—

Всѣхъ существъ на землѣ сочетаютъ... У всѣхъ, безъ различья
Одноцвѣтная кровь, одинаково слезы солны,
И никто на землѣ не родится съ знакомъ величья,
И предъ взоромъ боговъ всѣ живущіе въ мірѣ—равны.

—

Благороденъ лишь тотъ, кто всегда справедливъ неизмѣнно;
Низокъ тотъ, кому низость и злоба одни по плечу.
Дай напиться мнѣ, братъ, а когда я свой подвигъ смиренно
Совершу на землѣ я сторицей тебѣ заплачу."

—

Взвеселился пастухъ и исполнилъ Сиддарты желанье...
Дни прошли... Разъ Благой на дорогѣ толпу увидалъ:
Съ музыкантами шли танцовщицы, полны обаянья,
Къ храму Индры... Одинъ музыкантъ на бансулѣ игралъ,

Билъ другой въ барабанъ; третій струны тревожилъ
ситары...
Стройно вторилъ имъ звонъ драгоцѣнныхъ запястьевъ,
браслетъ.
Каменистой тропой шли на праздникъ веселыя пары,
Чтобъ всесильнымъ богамъ принесть свой веселый
привѣтъ.

—

Впереди музыкантъ шелъ съ подругой прекрасной и юной
И струну за струной на ситарѣ тревожилъ слегка;
Женскій голосъ звенѣлъ подъ журчавшія весело струны,
И лилась ея пѣснь, какъ по камнямъ—струя ручейка.

* * *

„Что за прелесть плясать подъ ситару!
„Но ситару настрой
„Ни высоко, ни низко,—умѣло:
„Въ свою пляску веселой игрой
„Увлекать молодежь—наше дѣло,
„Что за прелесть плясать подъ ситару!

* * *

„Если слишкомъ высокъ будетъ строй,—
„Скоро лопнетъ струна,
„И конецъ твоей музыкѣ стройной!
„Слабо,—будетъ безмолвна она,—

„Снова смерть ей... Рукою спокойной
„Осторожно ситару настрой!“

—

Такъ танцовщица пѣла, спускаясь тропинкой лѣсною,
Точно бабочка, легкой одеждой на солнце блестя.
И не знала она, что святого подъ пальмой густою
Вразумила своей беззаботною пѣсней дитя.

—

Будда поднялъ чело, провожая кружокъ этотъ шумный,
И сказалъ имъ во слѣдъ: „Да, пожалуй, вы правы, друзья.
Какъ, порой, мудреца поучаетъ невольно безумный,
Такъ меня научила нехитрая пѣсня твоя:

—

Я струну бытія натянулъ слишкомъ сильно и смѣло,
Чтобъ спасти на землѣ всѣхъ мелодіей этой струны,
И въ то время, какъ глазъ прозрѣваетъ ужъ истину,—
тѣло
Умираетъ безъ силъ, а теперь-то онѣ и нужны!

—

Нѣтъ, я долженъ имѣть все, къ чему я стремился такъ
страстно!
Я иначе умру, а со мною навѣки умрутъ
Упованья живыхъ и погибнутъ усилья напрасно
И спасительный свѣтъ ужъ слѣпцы никогда не найдутъ!“

Неподалеку отъ Владыки
Жилъ человѣкъ; его стада,
Богатства—честный плодъ труда—
Завидны были и велики.
Онъ былъ другъ бѣдныхъ и больныхъ.
Его жена Суджата—тоже...
Она въ окрестностяхъ своихъ
Слыла всѣхъ лучше и пригожѣй.
И въ мирной сельской тишинѣ
Она судьбу его дѣлила,
И еслибъ небо наградило
Ее ребенкомъ,—то вполнѣ
Она-бъ сочла себя счастливой;
И много, много разъ она
Молилась, вѣрою полна,
И обходила торопливо
Вокругъ Лингама, и во храмъ
Святыя жертвы приносила
Рукою щедрою богамъ.
Она дала обѣтъ Лингами:
Коль онъ мольбѣ захочетъ внять,—
Ему пожертвовать съ дарами
Златую чашу, чтобъ вкушать
Удобно Дэвамъ пищу было;
И боги вняли ей: она
Красавца мальчика родила,
И, благодарности полна,
Шла въ лѣсъ для жертвоприношенья,
Держа въ одной рукѣ дитя,
Въ другой—священныя печенья,
И лѣсъ шепталъ благословенья,
На солнцѣ млѣя и блестя.

Слуга, отправленный Суджатой,
Чтобъ лентой дерево обвить,
Вернулся, трепетомъ объятый
И сталъ въ восторгѣ говорить:
„О, Госпожа! Въ зеленой сѣни,
Гдѣ ты готовишь торжество,
Сложивши руки на колѣни,
Сидитъ лѣсное божество.
Какое дивное сіянье
Вокругъ [redacted]ъ!
Какого [redacted]
Его величественный видъ!

Въ благоговѣніи безмолвномъ
Предъ Буддою склонилась мать,
Что-бъ съ сердцемъ, радостію полнымъ
Слѣдъ ногъ Его поцѣловать,
И говорила: О, да будетъ
Владыко добръ къ своей рабѣ!
За скромный даръ да не осудитъ,
Да снизойдетъ къ моей мольбѣ!
Вотъ—молоко. Свои сосуды
Я для тебя имъ налила...“
И мать смиренно въ руки Будды
Златую чашу подала,
И окропивъ въ благоговѣньи
Всѣ пальцы рукъ Его водой,—
Остановилась въ отдаленьѣ
Съ смущенной радостью душой.

И молоко свершило чудо:
Въ оцѣпенѣвшемъ сердцѣ вновь

Почувствовалъ Владыко—Будда
Переливавшуюся кровь;
Лишенья, голодъ и усталость
Вдругъ миновали, точно сонъ,
И подкрѣпленному казалось,
Что Онъ какъ будто окрыленъ.
Что духъ, свершившій, точно птица,
Черезъ пустыни свой полетъ,
Спѣшитъ блаженствомъ насладиться
На благодатномъ лонѣ водъ.
И все свѣтлѣе становилось
Его лицо, и робко мать
Спросила: „Могъ-ли даръ мой милость
Всечтимый предъ тобой, снискать?“
И Онъ спросилъ: „Что принесла ты?“

Святѣйшій невеликъ мой даръ:—
Ему отвѣтила Суджата.—
Я отъ пятидесяти паръ
Коровъ, которыхъ подоила,—
Густымъ и свѣжимъ молокомъ
Двѣнадцать паръ другихъ поила,
И подоивши ихъ, потомъ
Коровъ шесть самыхъ лучшихъ нашихъ
Доила снова; ихъ дары
Въ серебряныхъ варила чашахъ
Съ сандаломъ, съ примѣсью амбры;
И рисъ, па пивѣ возращенный
Какъ жемчугъ, взятый на подборъ,
Въ растворъ бросала благовонный
И кипятила тотъ растворъ.

Услышалъ Богъ мое моленье:
Послалъ мнѣ сына за него,
И вотъ за то въ благоговѣньѣ
Благодарю я божество.“

И тихо складки покрывала
Господь нашъ отстранилъ рукой,
Рукой, которая спасала
Отъ зла и смерти міръ живой,
И возложивши руки эти
На непорочное чело,
Сказалъ: „Да будетъ въ этомъ свѣтѣ
Тебѣ отрадно и свѣтло.
Да не касается тревога
Твоей души!..
Но за него
Ты накормила здѣсь не бога
А только брата своего.
Я былъ царевичемъ когда-то,
Теперь я странствую шесть лѣтъ:
Земля зловѣщей тьмой объята,
И для нея ищу я свѣтъ,
И я найду его! Нетлѣнный,
Ужъ онъ мерцаетъ предо-мной,
Какъ лучъ любви благословенной,
Какъ свѣтъ денницы золотой.
Но плоть моя въ борьбѣ устала.
Теперь-же, добрая сестра,
Мнѣ пища силы даровала
И не забуду я добра.
Но отвѣчай мнѣ: „Неужели

Тебѣ отрада—жизни нить,
И у тебя нѣтъ больше цѣли,
Какъ жить, молиться и любить?“

Она Ему въ отвѣтъ: „Не скрою,
Моя душа не велика.
Но долго-ль влагой дождевою
Наполнить чашечку цвѣтка!“
Пусть дождикъ чуть лишь сбрызнетъ поле:
Имъ полонъ лиліи цвѣтокъ,
И для моей смиренной доли
Довольно счастія далъ рокъ.
Мой повелитель добръ и нѣженъ,
Улыбка сына ярче дня,
И миръ жилища безмятеженъ...
Что-жъ нужно больше для меня?
Вплоть отъ заката до восхода
Я цѣлый день заботъ полна:
Поутру, помолясь, народу
Распредѣлить я хлѣбъ должна.
Украсить дерево святое,
Работу всѣмъ служанкамъ дать,
А ровно въ полдень, на покоѣ
Владыку дома приласкать.
Домой приходитъ онъ усталымъ,
На грудь главу склоняетъ мнѣ,
А я пою и опахаломъ
Надъ милымъ вѣю въ тишинѣ.
Тамъ ужинъ... Вечеръ наступаетъ.
Я за столомъ служу ему.
Вотъ ночь лампады зажигаетъ,

И блескъ луны ласкаетъ тьму.
И, помолившись въ нашемъ храмѣ,—
Въ зеленомъ садикѣ потомъ
Мы побесѣдуемъ съ друзьями
И къ сну спокойные идемъ.

И какъ-же мнѣ не быть счастливой?
Я—мать, угодная богамъ,
А сынъ мой жизнію правдивой
Мнѣ путь укажетъ къ небесамъ.
Въ писаньи есть: „Кто созидаетъ
Въ степи для ближнихъ водометъ,
Въ пустынѣ дерево сажаетъ,
Иль честно сына воспитаетъ,—
Тотъ въ небо съ дэвами войдетъ.
А книгамъ вѣрю я смиренно:
Я не умнѣе тѣхъ мужей,
Что ихъ писали вдохновенно,
Что знали таинства вселенной,
Читали въ сердцѣ у людей.
Я также думаю, что всюду
Добро исходитъ отъ добра,
А зло—отъ зла, и вѣрить буду,
Что сладкій плодъ, когда пора
Его прійдетъ,—на свѣтъ выходитъ
Изъ корня сладкаго всегда.
Что доброту любовь приводитъ,
А злую ненависть—вражда.
Что порождаетъ миръ—терпѣнье,
А если мы умремъ, для насъ
Настанетъ, можетъ-быть, мгновенье

Счастливѣй, чѣмъ минувшій часъ.
Зерно даетъ намъ колосъ цѣлый,
Гдѣ скрыто зеренъ пятьдесятъ;
А почки этой астры бѣлой
Цвѣты огромные таятъ.

Учитель! Знаю, есть печали,
Предъ ними—даже смерть нѣма:
Умри дитя мое,—сдва-ли
Переживу его сама.
Тогда, держа въ объятьяхъ сына,
Я-бъ на святой небесный судъ
Ждала въ томъ мірѣ господина,
Гдѣ жены вѣрныя живутъ.
Ударитъ часъ неумолимый.
Удѣлъ мой видѣть, какъ костеръ
Подниметъ грозно клубы дыма,
Подъ небо царственный шатеръ.
А если смертію примѣрной
Жена индійская умретъ,—
За каждый волосъ свято-вѣрной
Мужъ годы въ небѣ проживетъ.
Такъ страха смерти я не знаю!..
Пусть я любима и люблю,—
Я о другихъ не забываю;
Больнымъ и нищимъ помогаю
И небеса о нихъ молю.
Добро творю я, гдѣ возможно,
И твердо вѣрую въ одно:
Что все, что есть, то непреложно,
И благо въ немъ заключено".

Отвѣтилъ Будда ей смиренно;
„Ты самой мудрости мудрѣй!
Своею рѣчью драгоцѣнной
Научишь ты учителей.
Довольна будь своимъ незнаньемъ.
Тебѣ путь истины знакомъ.
Рости, сіяя обаяньемъ,
Благоухающимъ цвѣткомъ.
Для лепестковъ твоихъ атласныхъ
Свѣтъ правды будетъ слишкомъ жгучъ.
Пусть ихъ для нѣгъ святыхъ и ясныхъ
Лѣлѣетъ долго свѣтлый лучъ.
Ты поклонилась мнѣ, какъ богу,
А я склоняюсь предъ тобой.
Ты знаешь къ истинѣ дорогу,
Какъ голубь любящій—домой.
Тебя возвышенную зная,—
Понять не трудно, почему
Своихъ надеждъ не покидая,
Мы не бросаемъ жизни тьму.
Да будетъ миръ съ тобой всецѣло.
Пусть также я мое свершу,
Какъ ты свое свершить съумѣла...
Теперь-же, добрая, прошу,
Тому, кого ты принимала
За бога,—это пожелать...“

И, осчастливленная мать
„Да будетъ!“ тихо прошептала.
Къ Владыкѣ мальчикъ между тѣмъ
Рученки простиралъ, и духомъ,

Быть можетъ, зналъ онъ больше, чѣмъ
Мы всѣ—умомъ, глазами, слухомъ.
А Будда, пищей подкрѣпленъ,
Стопы направилъ къ древу Бодн,
Тамъ, какъ провидѣлъ раньше Онъ,
Ему открыться на свободѣ
Святая истина должна...

Съ тѣхъ поръ то дерево—священно,
Съ тѣхъ поръ его листва безсмѣнно
Свѣжа, густа и зелена.

И шелъ Владыка величаво,
И пѣлъ ему небесный сводъ:
„Міры, ликуйте! Слава! Слава!
Учитель къ истинѣ идетъ!“

—

Когда проходилъ Онъ подъ сѣнью зеленой
Могучихъ и стройныхъ деревъ,
Земля подстилала Ему благовонный
Коверъ изъ травы и цвѣтовъ.
Деревья вершины предъ Нимъ преклоняли,
И боги Ему съ вѣтеркомъ
Дыханье небесныхъ цвѣтовъ посылали,
И звѣри смотрѣли тайкомъ...
Смотрѣли на Будду всѣ: кто—изъ пещеры,
Другіе изъ чащи лѣсной.
Забывъ о враждѣ своей, вепри, пантеры,
Олени—сбѣгались толпой;

Изъ трещины камня змѣя появилась,
Забывши влеченія зла,
Она изумрудной головкой склонилась
Предъ Буддой и такъ замерла.
Рой бабочекъ пестрыхъ, какъ радугой томной,
Крылами его обвѣвалъ,
И выпустилъ на землю коршунъ огромный
Добычу, и вдругъ закричалъ.
Тутъ векша за Нимъ по деревьямъ скакала,
Тамъ—ткачъ на гнѣздѣ ликовалъ,
И ящерка весело рядомъ сновала,
И голубь, воркуя, леталъ.
Всѣ знали, что міру готовится чудо,
И хоры небесъ и земли
Восторженно пѣли Учителя-Будду,
Отвсюду: вблизи и вдали.

—

„Господь, любовію обильный!
Ты, поборовшій гордость, гнѣвъ,
Внемли, всечтимый и всесильный,
Благословляющій напѣвъ!

—

Для всѣхъ ты жертвовалъ собою!
Гряди-же къ дереву, Господь!
Сгѣши божественной душою
Страданья міра побороть!

—

Гряди, о свѣтлый и всечтимый!
Насталъ твой часъ... Ужъ сотни лѣтъ
Его ждалъ міръ необозримый;
И въ эту ночь да будетъ свѣтъ!"

—

И только подъ Боди возсѣлъ нашъ учитель,
Сгустилася ночь, и Мара,
Царь мрака, узналъ, что пришелъ искупитель,
Свѣтильникъ любви и добра.
Онъ созвалъ къ себѣ всѣхъ подвластныхъ собратій,
Изъ безднъ и ущелій... На зовъ
Примчалися Тришна, Рага и Арати
Съ толпою презрѣнныхъ рабовъ.
Невѣжество, низкія похоти, страсти,
Отродія мрака и зла,
Слетѣлись, чтобъ всѣми орудьями власти
Разрушить святыя дѣла.
Они ненавидѣли Господа-славы.
Но кто изъ святыхъ мудрецовъ
Постигнулъ, какъ были ихъ козни лукавы,
Какъ гнѣвъ ихъ былъ страшно суровъ?!
Они насылали грозу за грозою:
То громъ безпощадный гремѣлъ,
То тучи по небу неслися толпою,
Сверкая миррьядами стрѣлъ.
То сладкія рѣчи коварно шептали
И въ образахъ нѣжныхъ, какъ сны,
Въ цвѣтахъ и листвѣ наготою сверкали,
Какъ свѣтлые духи весны.
То пѣньемъ манили его къ сладострастью;

Сомнѣньемъ кружились надъ нимъ,
То духъ искушали величьемъ и властью,
Но Будда сидѣлъ недвижимъ.

Сначала къ нему чередою являлись
Могучіе демоны зла:
Всѣ десять прислужниковъ Мары пытались
Храмъ свѣта разрушить до тла.
И первый изъ нихъ—Себялюбье, который
Себя только видитъ во всемъ,
И хочетъ, чтобъ всѣ ему были опорой,
Чтобъ думали только о немъ.
„Коль вправду ты Будда:—сказалъ Аттавада:—
Ты спасся, довольно съ тебя!
Теперь тебѣ вѣчная слава—награда.
Живи, ни о чемъ не скорбя“
А Будда: „Что въ этихъ словахъ,—то презрѣнно;
Что ложь,—то проклятье... Ступай,
И тѣхъ, кто лишь любитъ себя неизмѣнно,
Лукавствомъ своимъ искушай“.

Сомнѣнье ему появилось на смѣну
И глухо шептало: „Взгляни,
Какую всему, что ты видишь, дать цѣну?
Все—призраки, тѣни одни!
Ты гонишься также за собственной тѣнью.
Возстань и иди! Нѣтъ пути
Помимо терпѣнья, насмѣшки, презрѣнья
Знай, міръ невозможно спасти“.
Но Будда отвѣтилъ: „Исчезни, лукавый,
Съ тобой у насъ общаго нѣтъ...
Твой путь—вѣчный сумракъ и хаосъ кровавый

Мой—истины радостный свѣтъ!“

Тогда Силабатъ-Парамасса предстала,
Колдунья... Она за собою вездѣ
Несетъ суевѣрья и мрака начала
И съ истиной въ вѣчной враждѣ.
„Ужель ты посмѣешь?—Колдунья сказала,
Отринутъ священный завѣтъ,
Низвергнуть великихъ боговъ съ пьедестала,
Загладить обычаевъ слѣдъ?
Ужели посмѣешь ты храмы тревожить,
Разрушить властителей тронъ?
Кумиры и мудрыхъ жрецовъ уничтожить?
Нарушить недвижный законъ?“
Но Будда отвѣтилъ: „Все то, что ревниво
Хранишь ты,—лишь форма одна,
Что истино,—вѣчно, свободно и живо!
Иди?..“ И исчезла она

Затѣмъ появился еще соблазнитель,
Кама—царь могучихъ страстей.
Царь міра и, даже, боговъ повелитель,
Лукавый и хитрый, какъ змѣй.
Смѣясь подошелъ онъ къ подножію древа,
Скрывая свой лукъ за спиной,
Увитый живыми цвѣтами, а слѣва
Стрѣлъ полный, колчанъ вырѣзной.
То были желаній смертельныя стрѣлы;
На каждой стрѣлѣ трепеталъ
Съ пятью язычками, безпечный и смѣлый,
Огонь на подобіе жалъ.
Съ нимъ вмѣстѣ, въ священное уединенье,

Какъ дѣвственныхъ призраковъ рой,
Ворвались въ лучахъ золотистыхъ видѣнья,
Сіявшія дивной красой.
Онѣ ворковали такъ сладостно, нѣжно
Волшебные гимны любви,
Что слушала ночь ихъ, томяся мятежно
И сыпала звѣзды свои,
И радостно вторя невидимымъ струнамъ,
Лилася ихъ пѣснь, какъ ручей
О ласкахъ, о нѣгѣ, о счастіи юномъ
Въ объятіяхъ милой своей;
О томъ, что нѣтъ въ мірѣ нѣжнѣй и дороже
Для смертнаго—пышныхъ волосъ,
Трепещущихъ персей, атласистой кожи,
Блаженствомъ исторгнутыхъ слезъ.
Что нѣтъ совершеннѣе женскаго тѣла,
Гармоніи линій живой,
Чарующихъ взоры свободно и смѣло,
Плѣняющихъ душу красой.
Съ волненіемъ крови ее сознаемъ мы
Всѣмъ сердцемъ и всѣмъ существомъ,
Намъ дивныя чары ея такъ знакомы.
Мы носимъ ихъ въ сердцѣ своемъ.
Сжигаемы страсти блаженнымъ пожаромъ,
Мы жадно владѣть ей хотимъ,
Какъ истиннымъ благомъ, безцѣннѣйшимъ даромъ,
Какъ небомъ безбрежнымъ своимъ!
О, кто не забудетъ страданья и муки,
Когда къ нему льнетъ красота,
Вкругъ шеи кольцомъ замыкаются руки,
Къ устамъ приникаютъ уста?
Когда въ поцѣлуй заключенъ благодатный

Весь смыслъ нашей жизни, весь міръ необъятный?
Такъ пѣли онѣ и чарующей страстью
Манили Его въ тишинѣ
Съ собой къ наслажденью, къ восторгамъ и счастью,
Къ любви, къ незакатной веснѣ.
Онѣ въ сладострастно-мучительной пляскѣ
Являли, какъ почки цвѣтка,
Лишь только однѣ соблазнявшія краски,
Но сердце скрывали пока.
Изъ смертныхъ такой красоты несказанной
Не видѣлъ никто никогда.
Красавицы пѣли: „Я жду, мой желанный!
Возьми! Я твоя... навсегда!“

Учитель остался, объятый покоемъ.
Но Кама далъ знакъ имъ жезломъ,
И всѣ отступили сверкающимъ роемъ...
И тихо во мракѣ ночномъ
Предъ взоромъ Сиддарты предстало видѣнье,
Затмившее всѣхъ красотой...
Ахъ, то Ясодхары его отраженье!
То образъ жены молодой!
Ей слезы тоски отуманили очи...
Объятья влекли за собой,
И, точно волшебная музыка ночи,
Звучалъ ея голосъ мольбой:

„Царевичъ! я здѣсь отъ тоски умираю.
Отвѣть мнѣ: ты встрѣтилъ-ли край,
Подобный прекрасному нашему краю,
Гдѣ жизнь—обаятельный рай!

Гдѣ-бъ такъ отражало, какъ наша Рохини
Плѣнительно зеркало водъ
Сады, фантастическихъ замкомъ твердыни
И весь голубой небосводъ?
Я долго въ слезахъ о тебѣ тосковала...
Вернись, о Сиддарта! Вернись!
Любя, къ моей груди прильни, какъ бывало,
Устами устъ жадныхъ коснись!
Взгляни: я умру отъ холодной печали.
Мнѣ міръ безъ тебя такъ унылъ!
Взгляни-же, мой милый! Взгляни, я не та-ли,
Кого ты такъ пылко любилъ?"

И Будда отвѣтилъ: „Напрасно ты просишь
Отъ имени милой меня.
Коварная тѣнь! Ея образъ ты носишь,
И я, его свято цѣня,
Тебя проклинать не хочу и не смѣю.
Сокройся-же призракъ! Уйди!
Обманомъ своимъ и игрою своею
Ты чувствъ не разбудишь въ груди!"

И по лѣсу крикъ прозвучалъ и, мерцая
Сіяньемъ болотныхъ огней,
Сокрылася духовъ нечистая стая,
Туманомъ одеждъ своихъ лѣсъ застилая,
Пугая уснувшихъ звѣрей.

Исчезли... И небо вокругъ омрачилось
Въ дыханіи грозныхъ страстей.
Чудовище Ненависть первой явилась,

Обвитая полчищемъ змѣй,
Изъ грудей обвиспувшихъ змѣи сосали
Губительный ядъ молока,
И злое шипѣнье, віяся, сливали
Съ проклятьемъ, звучащимъ вѣка.
Но злоба ея не смутила святого.
Онъ взоромъ смиренныхъ очей
Заставилъ Патигху умолкнуть сурово.
Шла Чувственность слѣдомъ за ней
(Рупарга), что жизнь обожая лишь вьявѣ,
Надъ нею царитъ, какъ чума.
За ней Арупарга, стремленіе къ славѣ.
Подвластна ей мудрость сама,—
Мать подвиговъ смѣлыхъ, борьбы и удачи...
За нею—спѣсивый Манохъ
Духъ гордости... Льстивый и блѣдный Уддхачча,
Самооправданія богъ.
А тамъ, съ безобразноіі и гнусноіі толпою
Нетопырей, гадинъ и жабъ,
Тащилось невѣжество грязной стопою
Мать страха и лѣности рабъ.
Авидья—колдунья, при взглядѣ которой
Сгустилася полночь чернѣй,
Земля всколебалась и дрогнули горы,
И тучи, бросавшія молній узоры,
Пролилися моремъ дождей.
Казалося, къ ранамъ земли приложили
Огонь, и весь воздухъ надъ ней
Наполнился смрадомъ и шелестомъ крылій,
И визгомъ незримыхъ звѣрей;

Казалось, что бездны раскрыли всѣ пасти;

Исторгнулъ всѣ чудища адъ,
И страшныя лица, и грязныя страсти
Съ шипѣньемъ и ревомъ кишатъ.

Но святостью, точно стѣною незримой
Отъ демоновъ злыхъ огражденъ,
Ихъ даже почти не замѣтилъ Всечтимый,
Въ глубокую мысль погруженъ,
И Боди не дрогнуло даже вѣтвями,
Полно небывалой красы;
Какъ въ часъ полнолунья, когда надъ кустами
Зефиръ не повѣетъ и съ листьевъ крылами
Не сброситъ алмазной росы.
Природа бѣсилась съ мучительнымъ гнѣвомъ
Внѣ тѣла, бросаемой благостнымъ древомъ.

И въ третію стражу, лишь скрылись отъ Будды
Всѣ демоны, и прилетѣлъ
Зефиръ отъ луны,—ужъ до Самма-самбуды
Подняться учитель успѣлъ.
При свѣтѣ, для взоровъ людей непонятномъ,
Увидѣлъ Онъ ясно вдали
Рядъ всѣхъ своихъ жизней въ кругу необъятомъ,
На лонѣ унылой земли.
И въ сумракъ временъ погружаясь все болѣ,
Узрѣлъ Онъ пятьсотъ пятьдесятъ
Отдѣльныхъ, томительныхъ жизней на волѣ,
И дальше проникъ Его взглядъ:

Такъ странникъ, окинувшій съ горной вершины
Весь пройденный путь предъ собой,

Все видитъ: дорогу, болота, стремнины,
Зловѣщія бездны, лѣса и равнины,
Откуда Онъ путь началъ свой.

И лѣстницу жизней увидѣлъ Владыка
Отъ первой, гдѣ, точно въ ночи,
Все смутно, неясно, угрюмо и дико
И вплоть до послѣдней, гдѣ все такъ велико,
Гдѣ правда бросаетъ лучи.
Гдѣ десять святыхъ добродѣтелей ясно
Указуютъ путь къ небесамъ;
Онъ видѣлъ, какъ новая жизнь полновластно
Смѣняетъ предшественницъ тамъ.
—Какъ новыя жизни берутъ тамъ начало,
Гдѣ старымъ приходитъ конецъ;
—Какъ все, что одна жизнь въ борьбѣ обрѣтала,
Другая вплетаетъ въ вѣнецъ;
—Какъ строго отчетъ отдаютъ за потери,
—Какъ гибнетъ все то, что старо,
—Какъ зло отворяетъ лишь злу только двери;
Добро-жъ порождаетъ добро.
А смерть безъ ошибки подводитъ итоги...
Ничто отъ нея не уйдетъ...
Ведетъ она счетъ самый вѣрный и строгій
И въ новую жизнь отдаетъ.
Минувшее все въ настоящемъ сокрыто
По волѣ безстрастной судьбы...
Ничто не отвергнуто имъ, не забыто
Изъ мелочей вѣчной борьбы!

И въ среднюю стражу достигъ нашъ Учитель
Прозрѣнья въ тѣ сферы, куда

Подлуннаго міра тоскующій житель
Проникнуть не могъ никогда.
Туда, гдѣ міровъ милліоны безмолвныхъ
Незримы для взоровъ съ земли,
Плывутъ величаво въ сапфировыхъ волнахъ,
Какъ вѣчныхъ боговъ корабли...

Все это увидѣлъ Онъ въ образахъ ясныхъ
И вѣчность прозрѣлъ предъ собой.
Что мощная мудрость постигнуть невластна,
Постигъ Онъ всезрящей душой.
Онъ духомъ постигъ недоступное взорамъ.
Постигъ, какъ въ лучахъ бытія
Возникла изъ тьмы гармоническимъ хоромъ
Міровъ недоступныхъ семья.
Носясь въ океанѣ лазури предвѣчной,
Онъ видѣлъ ту волю во всемъ,
Которая весь этотъ міръ безконечный
Ведетъ благодатнымъ путемъ,
Ту волю, которой все дивно-покорно,
Все, даже и сонмы боговъ,
Которая все разрушаетъ упорно
И все создаетъ, и бросаетъ, какъ зерна,
Въ пространство миррьады міровъ,
И твердо вселенную мощною дланью
Ко благу ведетъ, красотѣ и познанью.

И капля росы и звѣзда золотая
Все въ цѣпи созданья звено,
И воли премудрой законъ исполняя
Всѣ въ мірѣ ей служатъ равно.

И тотъ человѣкъ, что всѣмъ сердцемъ желаетъ
Собратьямъ своимъ помогать,
Живетъ лишь для смерти,—на мигъ умираетъ
Чтобъ жизнь лучше прежней принять.
Когда-же четвертая стража настала,—
Онъ тайну страданья позналъ,
Совмѣстно со зломъ, извратившимъ начало
Святыхъ и свободныхъ началъ.

И первой открылась ему Дукха-Сатья:
Святая изъ истинъ святыхъ;
За жизнью повсюду блуждаетъ проклятье
Съ толпою страданій нѣмыхъ.
Страданія эти разрушить лишь можно
Разрушивши міръ съ бытіемъ,
Съ рожденьемъ, съ любовью, со всѣмъ, что тревожно
Палитъ насъ, какъ знойнымъ огнемъ.
Никто не избѣгнетъ ея наслажденій,
Исполненныхъ грусти живой,
И нѣжныхъ печалей, пока его геній
Ихъ лживость не обнялъ душой.
Но тотъ, кто позналъ всю тщету обольщенья,
Позналъ, что оно—западня...
О, что ему жизнь и ея вожделѣнья?
Онъ только заботится, какъ безъ мученья
Отъ жизни избавить себя.

И видитъ онъ ясно, что тьма Обольщенья
Порочныя страсти родитъ,
Энергію къ жизни... А тамъ—воплощенье
И всеотражающій видъ.

Такъ чувства рождаются мало-по-мало
Въ немъ: радость, печаль и обманъ,
А чувство въ себѣ заключаетъ начало
Желаній и грезъ океанъ.
И смертный, по мутнымъ волнамъ океана,
Съ палящею жаждой въ груди,
Какъ утлый челнокъ подъ бичомъ урагана,
Несется, а смерть впереди.
Напрасно пытается влагой соленой
Онъ жажду свою утолить:
Чѣмъ болѣе пьетъ онъ больной, истомленный,
Тѣмъ болѣе хочется пить.
Богатство, почетъ, сластолюбіе, слава,
Гнѣвъ, гордость, любовь красота,—
Въ мишурныхъ одеждахъ кружась величаво,
Какъ призракъ манятъ, какъ мечта.
Но мудрый не станетъ гоняться за тѣнью.
Въ душѣ просвѣтленной своей
Не дастъ онъ созрѣть роковому влеченью
И гасить порывы страстей.
Душа, усмиренная волей, не просить
Пустыхъ, мимолетныхъ утѣхъ,
И кротко глухую борьбу переноситъ,
Какъ прошлымъ навязанный грѣхъ.
И страсти стихаютъ и гибнутъ... Тогда-то
„Я“ подвиговъ свѣтлыхъ итогъ,
Становится чисто, безгрѣшно и свято,
И чуждо житейскихъ тревогъ.
Тогда ему поисковъ счастья не надо.
Стезя пройдена и Карма
Свободна отъ мукъ и тлетворнаго яда,
Отъ узъ и отъ плоти ярма.

Она неподвластна грѣху и здорова,
Свободна отъ тяжкихъ оковъ...
Теперь она выше страданья земного,
Счастливѣй царей и боговъ.
Желаніе жить въ безконечномъ туманѣ
Смолкаетъ, и жизнь, какъ во снѣ,
Проходитъ безъ жизни, въ блаженной Нирванѣ,
Въ покоѣ, въ святой тишинѣ.

* * *

И только лишь звѣздочки ночь погасила,—
Зажглась на востокѣ заря,
И алое утро землѣ возвѣстило
О славной побѣдѣ царя.
Свѣтлѣлъ небосклонъ и пурпурное пламя
Росло и росло въ небесахъ,
Какъ будто вдали развѣвалося знамя
Въ торжественно-свѣтлыхъ лучахъ,
И горы, обвитые ночью въ туманы,
Всѣхъ раньше увидѣли свѣтъ,
И пурпуромъ нѣжнымъ его осіяны,
Свѣтились, какъ нѣжный привѣтъ.
Почувствовавъ теплое утра дыханье,
Раскрыли цвѣты лепестки,
И тихо прошло золотое сіянье
По сонному лону рѣки.
И слезы исчезнувшей ночи сверкнули
Алмазами въ влажной травѣ,
Все: лѣсъ и равнины въ лучахъ потонули
И рой облаковъ въ синевѣ.

И солнце нашло антилопу, коснулось
Очей ея робкихъ, шепча:
„Румяное утро проснулось, проснулось!
И нѣжною стрѣлкой луча
Встревожило въ гнѣздышкѣ птичекъ:
„Вы спите:
Шепнуло.—Проснитесь! Пора!
Проснитесь и ясное солнце хвалите
Какъ вѣчный источникъ добра...“

И птицы воспѣли Ему славословье:
Торжественный гимнъ—соловей;
Дроздъ, голубь, колибри,—всѣ пѣли съ любовью
Привѣтъ средь зеленыхъ вѣтвей.
И такъ это утро смиреньемъ сіяло,
Что миръ по землѣ разлился:
Убійца забылъ о пожѣ и мѣняло
За трудъ безъ обмана взялся.
Грабитель добычу вернулъ со слезами,
Войну прекратили цари,
Больные разстались съ своими одрами
При первомъ же блескѣ зари.
И даже сама Яcодхара, тоскливо
Всѣ дни безъ Сиддарты влача,
Проснулась внезапно свѣтла и счастлива
Въ то утро при блескѣ луча.
Какъ будто кончались печали разлуки...
Весь міръ сталъ внезапно добрѣй;
Утихли рыданія, стоны и муки,
Порвалися звенья цѣпей.

И духи, прозрѣвъ появленіе Будды,
Надъ сонной землей пронеслись...

И пѣли: „Свершилось великое чудо...
О, міръ утомленный, проснись!“
Жрецы съ удивленнымъ народомъ стояли,
Любуяся солнцемъ, и всѣ—
„Великое что-то“—невольно шептали—
„Есть въ этой небесной красѣ!“
Всѣ жители лѣса спокойно дружили,
Лишь только насталъ этотъ день:
Лань съ хищникомъ рядомъ изъ озера пили,
Съ тигрицею пасся олень.
Безъ страха рѣзвилась зайчиха съ семьею
У мрачной скалы, гдѣ орелъ
Сидѣлъ неподвижно; и рядомъ съ змѣею
Ребенокъ неопытный шелъ.
И бабочки, радугой пышной сверкая,
Летали съ цвѣтка на цвѣтокъ,
И съ ними кружилася ласточекъ стая,
Рѣзвился безпечный щурокъ:

Учителя духъ почивалъ неизмѣнно
На людяхъ, на птицахъ, звѣряхъ.
А самъ Онъ подъ древомъ сидѣлъ вдохновенно
Въ сіяющихъ алыхъ лучахъ...

И вотъ, наконецъ, поднялся Благодатный,
И голосъ, могучій, какъ громъ,
Мірамъ и вѣкамъ всѣмъ доступный и внятный
Звучалъ неземнымъ торжествомъ.
„Я долго искалъ, презирая соблазны
Того, кто подъ солнцемъ воздвигъ
Темницы печали и похоти грязной,
И трудъ мой былъ страшно великъ.

Но кончился искусъ!.. Отнынѣ я знаю
Тебя, о строитель! Теперь
Я мрачное зданье твое разрушаю
И въ царство обмана на вѣкъ закрываю
Преступно манившую дверь.
Твой замокъ разрушенъ!.. На старыхъ основахъ
Ужъ ты не воздвигнешь столбы...
Окончилось царство соблазновъ суровыхъ
И время тяжелой борьбы.
Обрѣлъ я спасенье, и съ нимъ, невридимымъ,
Иду я, какъ съ факеломъ неугасимымъ!

Книга седьмая.

Печальпо жилъ царь Суддходана въ разлукѣ
Съ Сиддартой, желая опять
Услышать сыновняго голоса звуки
И образъ его увидать.
Печально жила Яcодхара въ разлукѣ
Съ царевичемъ, точно вдова,
Лишь вѣдая только обычныя муки,
Жалѣя о томъ, что жива.
Купцы и верблюдовъ погонщики часто
Съ собой приносили имъ вѣсть,
Что тамъ-то, далеко отъ Капилавасту
Отшельникъ невѣдомый есть.
И царь Суддходана съ надеждой блаженной
Туда посылаетъ гонца:
Увы, тамъ встрѣчаетъ гонецъ неизмѣнно
Какого нибудь мудреца.

Однажды, въ торжественный праздникъ—Васанты,
Когда зеленѣетъ листва,
По зорямъ, какъ-будто одѣвъ брилліанты,
Сверкаетъ росою трава,—
Сидѣла царевна на травкѣ зеленой
У берега тихой рѣки,
Гдѣ лотосъ, въ свое отраженье влюбленный,
Едва распустилъ лепестки.
Бездушно катилась рѣка... А бывало,
Хрустальное зеркало струй
Сліянье двухъ пурпурныхъ устъ отражало,
Сліянье двухъ устъ въ поцѣлуй.

Глаза Ясодхары отъ слезъ потускнѣли.
Ввалились щеки... Уста
Сомкнулись и, точно цвѣтокъ поблѣднѣли;
А пышныхъ волосъ красота
Была, по обычаю вдовъ, неизмѣнно
Завязана въ узелъ простой...
Ни скрѣпки на траурѣ нѣтъ драгоцѣнной,
Ни пряжки вверху золотой!

И ножки ея подвигались еле...
То время прошло, какъ она
На призывъ любви съ быстротою газели
Летѣла, какъ въ морѣ волна.
Глаза ея, солнцемъ пылавшія смѣлымъ
И ночь превращавшія въ день,
Померкли, и въ зеркалѣ ихъ потускнѣломъ
Бродила унылая тѣнь.
Въ рукѣ она поясъ желѣзный держала,

Забытый Сиддартой въ дворцѣ
Въ ту ночь, какъ ей сердце печаль растерзала,
Когда она страшную вѣсть услыхала
О миломъ своемъ бѣглецѣ.
О, горькая ночь! Мать страдальческихъ дней!
Когда-же любовь столь жестокой бывала...
Лишь развѣ,—когда ей казалося мало
Одной только жизни средь моря людей!

Съ ней рядомъ шелъ сынъ ея, дивно-прекрасный,
Рагулу: священный залогъ
Сиддарты... Ребенокъ съ улыбкою ясной
Мелькалъ средь цвѣтовъ, какъ цвѣтокъ.

И къ пруду, гдѣ лотосъ сребрился узорный,
Пришла Яcодхара, грустя;
Тутъ—рыбкамъ сверкающимъ—хлѣбныя зерна
Бросало, смѣяся, дитя.
И рыбки хватали тѣ зерна, играя,
А мать, при полдневныхъ лучахъ,
Станицу родныхъ журавлей провожая,
Шептала съ слезами въ очахъ:
„О, милыя птицы! Быть можетъ, летая,
Случится Его вамъ видать.
Скажите, что я здѣсь въ тоскѣ умираю,
Что я отъ любви и желанья сгораю
Его поскорѣе обнять!“

Такъ мать съ семилѣтнимъ малюткой стояли.
Онъ—нѣгой весны обуянъ;

Она—въ безнадежной, глубокой печали...
Служанки приблизились къ ней и сказали,
Что въ городъ пришелъ караванъ.
Трапуша и Бхаллукъ пришли издалека:
Почтенные люди, купцы.
У нихъ есть чудесныя ткани востока,
Сокровища, птицы, ларцы.
Но что всѣхъ сокровищъ безцѣннѣй и краше,
То—вѣсть о Сиддартѣ, о Томъ,
Кто—твой повелитель и солнышко наше,
Кого мы такъ трепетно ждемъ.
Они Его видѣли и преклонили
Колѣни предъ свѣтлымъ лицомъ,
Всего, что Ему въ колыбели сулили.
Достигъ Онъ, достигъ съ торжествомъ.
Онъ всѣми почтенъ, какъ великій учитель
Премудрыхъ,—святой изъ святыхъ.
Онъ—Будда, Онъ грѣшнаго міра Спаситель
Сокровище мыслей благихъ.
Его милосердье, какъ небо велико.
Спасетъ Онъ имъ всякую плоть.
Внемли и ликуй. Къ намъ идетъ нашъ Владыко,
Прославленный міромъ Господь".

И кровь Яcодхары взыграла мятежно,
Какъ свѣтлаго Ганга волна,
Когда растопляетъ снѣга ея нѣжно
Въ истокахъ дыханьемъ весна.
Царевна смѣялась и радостно пѣла,
И била въ ладоши... Потомъ,
Въ свѣтлицу купцовъ привести повелѣла
И тамъ имъ устроить пріемъ.

„Какъ рвется къ водѣ обезсиленный жаждой,
Сказала она,—такъ хочу
Безумно упиться я вѣсточкой каждой!..
Скажите, что я заплачу
Имъ золотомъ щедро за каждое слово.
Богатствомъ мѣшки ихъ набью...
Что есть у меня,—все отдать я готова!..
Когда благодарность мою
Дарами способна я выразить,—сразу
Всѣ вмѣстѣ прійдите ко мнѣ,
Я все вамъ отдамъ: бриллианты, алмазы,
Какихъ не видать вамъ во снѣ“.

И вотъ, во дворецъ Яcодхары вступаютъ
Купцы, какъ въ божественный храмъ...
Ихъ ноги разутыя тихо ступаютъ
По золотомъ шитымъ коврамъ.
Ихъ взоръ ослѣпляютъ узоры и блестки...
Несмѣло раздвинувъ рукой,
Тяжелыя складки цвѣтной занавѣски,
Вошли они въ царскій покой.

„Почтенные люди!“—Какъ музыка ночи,
Привѣтствовалъ голосъ купцовъ
И тихо сверкнули имъ черныя очи,
Какъ звѣзды изъ тьмы облаковъ.
„Скажите, то правда-ль, что странствуя много,
Царевича встрѣтили вы,
Онъ Буддою сталъ и Его вы, какъ Бога,
Почтили склоненьемъ главы.
Что шествуетъ къ намъ Онъ, исполненный славы,

Какъ свѣтъ, разгоняющій тьму?
Скажите и если слова ваши правы,
То васъ, какъ друзей я прійму.

Трипуша сказалъ: „Да́, мы точно, видали
Того, кто царевичемъ былъ.
Съ молитвой къ стопамъ Его мы припадали
И Онъ намъ сердца просвѣтилъ.
Подъ деревомъ Бодди, у Фальги священной,
Свершилося то, что спасетъ
Весь міръ, и, какъ солнце надъ всею вселенной
Въ божественной славѣ взойдетъ.
Свершилося Имъ, другомъ всѣхъ и опорой,
Царемъ полновластныхъ царей,
Царевичемъ свѣтлымъ и кроткимъ, который
Слезой былъ разбуженъ твоей.
Знай: Онъ теперь выше мірскихъ огорченій,
Подобно богамъ, Онъ далекъ
Отъ зла, отъ страданій земныхъ и сомнѣній.
Въ Немъ истины вѣчный залогъ.
Изъ города въ городъ, людей поучая,
Онъ шествуетъ съ міромъ сюда,
И люди, святому глаголу вниманья,
Идутъ за нимъ, точно стада.

Близь Гайи, въ таинственной рощѣ Тчирника
Внимали мы рѣчи святой,
И знай, что скорѣй, чѣмъ съ небеснаго лика
Дожди упадаютъ,—твой высокій Владыка
Предстанетъ опять предъ тобой“.

—

Такъ онъ говорилъ... Яcодхара въ волненьи
Едва прошептала въ отвѣтъ:
„Да будетъ вамъ воля боговъ въ услажденье!
Но знаете-ль, какъ Онъ людямъ во спасенье
Увидѣлъ божественный свѣтъ?“

Тогда ей Бхаллукъ разсказалъ то, что знали
Въ окрестностяхъ тамъ пастухи
Объ ужасахъ ночи, когда омрачали
И небо и воздухъ—грѣхи,
—Какъ воды вздымались, какъ страшно дрожала
Отъ ярости Мары земля,
Какое волшебное утро настало,
Какъ радостно солнце потомъ засіяло,
Живыя сердца веселя!
Учитель былъ радъ, что отъ бурь и сомнѣній
Избавленъ, но сердце Его
Тревожила мысль, что цѣною лишеній
Купилъ Онъ свое торжество.
„Какъ могутъ всѣ люди:—печалило Будду,
Нарядныя тѣни любя,
Разбить обольщеній несмѣтную груду,
Отречься душой отъ себя?!
Какъ могутъ лишенные разума, воли
Исторгнуть всю чувственность вонъ?
Какъ могутъ принять пріученные къ холѣ
Двѣнадцать Ниданъ и Законъ?
Пусть всѣмъ онъ приноситъ добро и спасенье,
Но птица изъ клѣтки своей
Не сразу направитъ полетъ въ упоеньѣ,
Хоть дверь и отворятъ предъ ней.

И вотъ, мы плодовъ той побѣды священной
Едва не лишились въ тотъ часъ.
Путь истины, путь безконечно-блаженный
Онъ счелъ непосильнымъ для насъ.
И долго въ груди его чувство боролось.
Какъ вдругъ, изъ земли въ тишинѣ,
Какъ муками родовъ исторгнутый голосъ,
„О, горе, послышалось,—мнѣ.
Я гибну! И гибнутъ мои всѣ творенья!“
Замолкъ на мгновеніе стонъ,
И съ Запада вновь донеслося моленье:
„О, Будда! Открой свой законъ!“
И Будда согласье изрекъ откровенью.
Дать тѣло, и думалъ о томъ,
Кому прежде всѣхъ преподастъ Онъ ученье,
И кто просвѣтится потомъ.
Такъ солнце, скользя золотыми лучами
Средь лотосовъ, знаетъ цвѣтокъ,
Которому время блеснуть лепестками
И тотъ, что отъ цвѣта далекъ.
Затѣмъ произнесъ Онъ съ улыбкой блаженной.
„Иду проповѣдывать я!
Пусть жаждущій свѣта и правды нетлѣнной
Пріемлетъ Законъ бытія!“

Затѣмъ нашъ Владыко прошелъ черезъ горы
Одинъ, въ Бенаресъ, и лишь тамъ
Ученьемъ раскрылъ Онъ духовные взоры
Пяти просвѣщеннымъ мужамъ.
Предъ ними открылъ Онъ тщету возрожденія,
Открылъ Онъ, что смертныхъ судьба

Сильна ихъ дѣлами среди искушенья,
Что жизнь—вѣковая борьба.
Онъ имъ объяснялъ, что по смерти нѣтъ ада,
Но жизнь человѣка—есть адъ.
Себя побѣдившихъ вѣнчаетъ награда
Превыше небесныхъ наградъ.

Въ пятнадцатый день Вайшія это было,
И послѣ полудня... А ночью свѣтила
Луна, какъ серебряный щитъ...
Святыхъ, что четыре Завѣта пріяли,
„Святой Каундинія“—перваго звали,
„Бхадрака“, за нимъ—„Асваджитъ“,
„Бассава“, „Святой Маханама“—послѣдній.
Помимо-же тѣхъ, что назвалъ,—
Съ толпой приближенныхъ—царевичъ сосѣдній
Ясадъ—Всеблагому внималъ.

Они преклонились предъ Нимъ и смиренно
Пошли, поучая толпу,
И всякій, кто слышалъ Его,—неизмѣнно
Вступалъ на святую тропу:
Такъ травы внезапно восходятъ въ пустынѣ,
Лишь влага проникнетъ въ песокъ.
Благой, пріобщеннымъ къ великой святынѣ
Свѣтильники сердца зажегъ.

И всѣхъ разослалъ проповѣдать ученье;
А самъ миновалъ Бенаресъ,
И въ Яшти, къ царю Бимбисарѣ въ владѣнья

Явился посланникъ небесъ.
Все царство—любви подчинилось законамъ,
И царь Ему въ даръ предложилъ
Бамбуковый паркъ Велувану съ поклономъ
И памятникъ тамъ водрузилъ,
И высѣкъ на камнѣ: „Намъ жизни теченье
И ключъ Татхагата открылъ.
Отъ зла и страданій Онъ далъ избавленье
И тайну боговъ объяснилъ.“

И въ томъ же саду, предъ огромнымъ собраньемъ
Смиренно Благой поучалъ,
И рѣчью, горѣвшей святымъ состраданьемъ,
Къ себѣ Онъ сердца привлекалъ.

И всѣхъ девятьсотъ человѣкъ облачились
Въ такой точно желтый хитонъ,
Какой самъ Учитель носилъ, и стремились
Итти проповѣдать Законъ.
И проповѣдь кончилъ Господь изреченьемъ:
„Добро избавляетъ отъ зла.
Стремися къ добру, избѣгай искушенья,
Вотъ путь добродѣтели, мира, спасенья!
И жизнь твоя будетъ свѣтла.“

Когда же окончили гости разсказы,
Царевна осыпала вдругъ
Такой благодарностью ихъ, что алмазы
Отъ зависти меркли вокругъ.

—„Какъ держитъ Владыко свой путь? Далеко-ли?“
—„Отсель пятьдесятъ іоджанъ.
До рощъ Раджагрихи чрезъ горы, не болѣ...
Прошелъ ее нашъ караванъ
Дней въ тридцать: шесть коссъ проходя ежедневно“....
И радостно ихъ отпустила царевна.

—

Лишь только объ этомъ узналъ Суддходана,
Немедленно въ девять концовъ
Послалъ онъ на коняхъ—быстрѣй урагана,
Испытанныхъ девять гонцовъ.
И имъ наказалъ говорить онъ Святому:
„Семь весенъ разлуки съ тобой
Царя Суддходану къ костру роковому
Приблизили грозной рукой,
И проситъ онъ вспомнить любимаго сына
Отца своего и народъ,
Иначе, безвременно-рано кручина
Къ могилѣ его приведетъ.

И девять гонцовъ Яcодхара послала
Съ наказомъ: „Царевна твоя,
Мать крошки Рагулы, отъ горя устала
И ждетъ тебя, скорбь затая,
Она тебя жаждетъ увидѣть, воочью,
Какъ дивный цвѣтокъ, что цвѣтетъ
Лишь только при звѣздахъ и мѣсяцѣ, ночью,
Сіянія луннаго ждетъ,
И если имѣешь Ты больше, чѣмъ было,
То съ ней подѣлися, любя

И съ сыномъ Рагулой... Ей все здѣсь постыло,
Она только жаждетъ Тебя!“

Послы короля и послы Яcодхары
Вскочили на быстрыхъ коней
И встрѣтились въ паркѣ царя Бимбисары
Всѣ вмѣстѣ чрезъ нѣсколько дней.
Тамъ Будда ученье свое проповѣдалъ,
Покорный святымъ небесамъ,
И каждый забылъ, что ему заповѣдалъ
Король и царевна; и самъ,
Невольно прикованъ въ Нему въ обаяньи
Ловилъ ненасытно слова,
Слова милосердья, любви, состраданья
И правды святой торжества.

Какъ пчелка, росой упиваясь медвяной,
Съ цвѣтовъ ароматной Магра́,
Совсѣмъ забываетъ о ночи туманной,
О томъ, что ей въ улей пора:
Такъ рѣчи Всечтимаго Будды внимая,
Забыли послы обо всемъ
И вмѣстѣ съ толпою Его прославляя,
Пошли за Нимъ труднымъ путемъ.

Тогда Суддходана послалъ туда снова
Удайи. Изъ всѣхъ Его слугъ
Онъ былъ самый вѣрный... Въ дни счастья былого
Удайи Сиддартѣ былъ другъ.

Приблизившись къ парку, Удайи смутился
И только, сорвавъ на пути

Хлопокъ и, закрывши имъ уши, рѣшился
Къ Учителю онъ подойти—
И выслушавъ рѣчь его, Будда смиренно
Промолвилъ, главу преклоня:
„О, да! Я прійду! Я прійду, несомнѣнно!
Пусть ждетъ повелитель меня!
Не долженъ-ли всякій почтить уваженьемъ
Того, кто даруетъ ему
И жизнь и возможность не жить и терпѣньемъ,
О, смерть, побѣдить твою тьму!?

Да, тотъ, кто постигнетъ земные обманы,
Достигнетъ небесныхъ высотъ,
Кто добръ, милосердъ и правдивъ, тотъ Нирваны
Достойный покой обрѣтетъ.
Ты долженъ царю и царевнѣ отвѣтить,
Что я къ нимъ иду...“

—

Чтобъ его
Достойно въ столицѣ взволнованной встрѣтить,
Устроилъ король торжество:
У южныхъ воротъ былъ поставленъ на диво
Изъ шелковой ткани—шатеръ;
Внизу разстилался, свѣжо и стыдливо,
Душистый цвѣточный коверъ.
Вездѣ разноцвѣтные флаги пестрѣли;
У берега синей рѣки,
На солнцѣ, всѣ въ золотѣ, ярко блестѣли
Слоновъ разодѣтыхъ клыки.
Указано было то мѣсто, откуда

Подъ звонъ барабановъ, народъ
Лишь только появится царственный Будда,
Вдругъ крикнетъ: „Сиддарта идетъ!“
Вельможи предстанутъ Сиддартѣ съ поклономъ;
Танцовщицы, нѣжно звеня,
Кружась и играя, дождемъ благовоннымъ
Засыплютъ его и коня.
Всѣ улицы, зданья, къ пріему Владыки
Украситься пышно должны,
А музыки звуки и громкіе крики
Должны быть веселья полны!

Все было готово, всѣ въ городѣ ждали
Когда возвѣститъ барабанъ,
Что ѣдетъ Сиддарта...
Но дни протекали:
Сиддарты все нѣтъ... Какъ туманъ,
Всю душу царевны печаль отхватила,
И вотъ Яcодхара велитъ
Нести ее слугамъ туда, гдѣ уныло
Шатеръ пышноцвѣтный стоитъ.

Ниградха—плѣнительный садъ, осѣненный
Кудрями цвѣтущихъ деревъ:
Онъ радовалъ сердце одеждой зеленой,
Обильемъ цвѣтовъ и плодовъ.
Шла мимо дорога съ далекаго юга,
И были отсюда видны
Цвѣты и деревья обширнаго луга...
А дальше, съ другой стороны,
Въ убогихъ лачугахъ, клейменый презрѣньемъ,

Оборванный людъ проживалъ,
Который однимъ своимъ прикосновеньемъ
Жрецовъ и вельможъ оскорблялъ,
И эти бѣдняги Учителя ждали,
Бродили всю ночь на пролетъ,
Въ тоскѣ на вершины деревьевъ взлѣзали.
А Онъ не идетъ! Не идетъ!

И утромъ трудиться опять начинали;
Гирлянды плели и вѣнки,
Боговъ украшали и зелень мѣняли
На докахъ у синей рѣки.

Все это царевна вокругъ замѣчала
И взоры съ любовью нѣмой
Въ туманную, синюю даль устремляла
И слушала вѣсти съ тоской;
И вотъ, она видитъ: идетъ по дорогѣ
Отшельникъ... Его голова
Обрита... О камни изрѣзаны ноги,
Одежда желта, ненова.
Въ рукахъ его чаша... Деревней идетъ онъ
Съ протянутой чашей впередъ...
Ему подаютъ у дверей и изъ оконъ...
Иной ничего не даетъ,
Но кротко отшельникъ минуетъ такого;
Идутъ еще двое за нимъ,
И также желты и блѣдны ихъ покровы...
Но первый отшельникъ такимъ
Величіемъ полонъ, такъ взоръ его свѣтелъ,
Такое въ лицѣ торжество,

Что тотъ, кто хоть разъ на пути его встрѣтилъ
Во вѣкъ не забудетъ его!..

Мужчины и женщины, старцы и дѣти
За нимъ шли толпою во слѣдъ
И тихо шептали: „Кто странники эти?
Кто-тотъ?.. О, подобнаго нѣтъ
Ему среди смертныхъ прекраснаго лика!..“

Когда-жъ Онъ сравнялся съ шатромъ,—
Царевна съ пронзительнымъ крикомъ: „Владыко!
Сиддарта!“ какъ крѣпкимъ кольцемъ,
Любовно Его охватила руками
Въ объятьѣ на мигъ замерла
И вдругъ, отъ блаженства рыдая, съ слезами
Колѣна Его обняла.

Когда-же въ послѣдствіи Будду спросили:
Какъ клятву нарушить Онъ могъ,
Позволивъ что-бъ женскія руки обвили
Его, какъ цвѣточный вѣнокъ, —
Учитель отвѣтилъ:—„Великій обязанъ
Всѣ слабости малыхъ сносить,
Что-бъ силой своей не гордясь, тѣхъ, кто связанъ,
Отъ тягостныхъ узъ отдалить.

Тотъ можетъ свободнымъ назваться достойно,
Кто будетъ свободу слѣпцамъ
Внушать терпѣливо, премудро, спокойно...
Къ спасенью по тремъ ступенямъ

Приходятъ всѣ тѣ, кто въ семъ мірѣ берется
Учить... Вотъ названія ихъ:
„Намѣренье“—первой, вторая зовется
„Попытка“, а третья изъ нихъ—
„Познанье“... Въ періодѣ первомъ когда-то
Я жилъ и всѣмъ сердцемъ желалъ
Премудрости, блага, всего, что такъ свято,
Но взоръ мой во тьмѣ утопалъ.

Сочтите вы зерна клещевины старой...
Назадъ тому столько-же лѣтъ
Я въ образѣ Рамы-купца, съ Яcодхарой
Жилъ, нѣжной любовью согрѣтъ.
Но только тогда мою милую звали
„Лукшми“... На прибрежьи морскомъ
Близъ мѣста, гдѣ жемчугъ ловцы добывали,
Мы съ ней проживали вдвоемъ.
Мы были бѣдны. Разъ, прощаясь со мною,
(Я шелъ на добычу), Лукшми
Меня умоляла съ безумной тоскою:—
„Останься! О, милый, пойми,—
Она говорила,—быть можетъ, ты губишь
Холоднымъ упорствомъ себя.
Какъ можно покинуть того, кого любишь,
Кто любитъ глубоко тебя...“

Но я не послушалъ. Я къ волнамъ пролива
Направилъ свой утлый челнокъ.
Спасло меня только какое-то диво
Средь бурь и ужасныхъ тревогъ.
И ночью и днемъ опускался я въ море

На самое дно въ глубинѣ
И вотъ, мнѣ попалась жемчужина вскорѣ,
Подобная свѣтомъ—лунѣ.
Подобныхъ ей не было въ мірѣ сокровищъ!
Тогда поспѣшилъ я домой
Въ родимыя горы, забывши чудовищъ
И волнъ угрожающій вой.
Но голодъ въ то время свирѣпствовалъ всюду,
И трудно мнѣ было въ пути,
Ревниво храня свое свѣтлое чудо,
Себѣ пропитанье найти.
Но вотъ вдалекѣ и родное жилище!
Бѣгу, и, о горе! Въ дверяхъ
Лукшми моя молитъ чуть слышно о пищѣ
И смерть у ней бродитъ въ глазахъ,

Тогда возопилъ я: „О, дайте мнѣ хлѣба!
Я царство за жизнь отдаю.
Вотъ жемчугъ... О, ради всего! Ради неба!
Спасите голубку мою!“

И хлѣба принесъ мнѣ за перлъ небывалый
Одинъ изъ сосѣдей... Тогда
Лукшми оживилась и мнѣ прошептала:
„Да, ты меня любишь... О, да!
Продавъ его сдѣлалъ я доброе дѣло:
Я далъ благодатный покой
Душѣ, что терзалась, томилась, горѣла
Мучительно жгучей тоской.
Но жемчугъ, которымъ теперь я владѣю,

Который мнѣ далъ океанъ,
Его ни смѣнять, ни продать я не смѣю!..

Законъ и двѣнадцать Ниданъ
Зовется онъ!.. Въ каждой душѣ благородной
Онъ долженъ храниться на днѣ,
Какъ даръ совершенный, святой и свободный,
Забытый въ бездонной волнѣ.
Какъ меньше Меру—муравейникъ чуть видный,
Какъ искры—росинки въ цвѣтахъ
Ничтожнѣе моря, такъ перлъ тотъ завидный
Ничтожнѣй теперешнихъ благъ.
Но знайте, разумно любовь поступила...
Щадя ея слабость тогда,
Смиренье и кротость моя побѣдила.
Любя, на стезю Яcодхара вступила
И блещетъ на ней, какъ звѣзда.

И только лишь царь услыхалъ съ содроганьемъ,
Что сынъ его, бритый, худой,
Въ лохмотьяхъ, какъ нищій, живетъ подаяньемъ,
Онъ дрогнулъ, охваченъ враждой.
Вражда заглушила въ немъ преданность сыну.
Онъ молніи гнѣва металъ
И, силясь излить роковую кручину,
Сребристую бороду рвалъ.
И вышелъ, придворной толпой окруженный.
Нахмурясь, вскочилъ на коня,
Вонзилъ ему шпоры, и конь оскорбленный
Помчался, копытомъ звеня.

„Вотъ царь скачетъ! Кланяйтесь!“ Чуть успѣвали
Промолвить прохожіе имъ,
И всадники быстро вдали исчезали,
Какъ бурей подхваченный дымъ.

У южныхъ воротъ, близъ стариннаго храма,
Толпился народъ вкругъ Того,
Чей взоръ встрѣтилъ благостно, смѣло и прямо
Владыку-отца своего.
И взоръ этотъ былъ такъ глубокъ, такъ смиренно
Склонилъ Онъ главу предъ отцомъ,
Что гнѣвъ Суддходаны растаялъ мгновенно
Предъ этимъ небеснымъ лицомъ.
Онъ видѣлъ Сиддарту живымъ и здоровымъ,
Увѣнчаннымъ славой святой,
Влекущей сіяньемъ нетлѣннымъ и новымъ,
Манящей сердца красотой.
Но царь возгласилъ предъ Сиддартой: „Ужели
Здѣсь въ рубищѣ, съ бритой главой
Мой сынъ. Тотъ, кого небеса съ колыбели
Готовили къ жизни иной?
Готовили къ божеской славѣ съ любовью.
Мой сынъ и наслѣдникъ мой! Тотъ,
Кто чуть шевельнетъ соболиною бровью,—
Къ ногамъ Его царство падетъ.
Ты долженъ въ отчизну со свитой явиться,
Въ одеждѣ, достойной Тебя!
Взгляни: мое войско, народъ мой толпится:
Всѣ ждутъ господина, любя.
Скажи, гдѣ Ты прожилъ тѣ годы разлуки,
Когда я скорбѣлъ, а она,

Жена твоя, полная горя и муки,
Жила сиротлива одна?
Съ тѣхъ поръ, какъ исчезъ ты, ни звуки ситары,
Ни пѣсни ужъ ей не звучатъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ исчезъ ты, твоей Яcодхары
Не красилъ роскошный парядъ!
И только теперь въ златотканномъ уборѣ
Встрѣчаетъ она тебя тутъ...
А ты? Ты въ лохмотьяхъ... Ты—нищій... О, горе!
Ты блѣденъ, измученъ и худъ!

Зачѣмъ?—Вопросилъ онъ съ словами укора.
—„Таковъ былъ мой родъ,—Онъ сказалъ.
—„Твой родъ былъ великъ. Но изъ предковъ который
„Подобно тебѣ поступалъ?“

Учитель ему возразилъ: „Не объ этомъ
Сказалъ я:—Невидимъ мой родъ.
Мой родъ—это Будды, чьимъ свѣтлымъ завѣтомъ
Ихъ вѣрный потомокъ живетъ.
И та, что теперь передъ нами картина —
Была у воротъ городскихъ:
Царь въ воинскомъ платьѣ, привѣтствовалъ сына
Босого, въ одеждахъ худыхъ.
Отшельника сына, что сердце питая
Любовью къ собратьямъ своимъ,
Сталъ выше царей и, величьемъ сіяя,
Былъ міромъ почтенъ и любимъ.
И прежде Владыко, какъ я предъ тобою,
Колѣни склонилъ предъ отцомъ,
И въ даръ ему нѣжно принесъ онъ съ мольбою.

Сокровища въ сердцѣ своемъ,
И тоже тебѣ, мой отецъ, приношу я".
И взялъ его за руку Онъ
И толпы народа смиренно минуя,
Внушалъ ему правды законъ.

И царь и царевна шли рядомъ съ Владыкой,
А Онъ имъ четыре открылъ
Возвышенныхъ истины властью великой
И восемь тѣхъ правилъ внушилъ,
Безропотно слѣдуя коимъ, спасенье
Цари обрѣтутъ и рабы.
Стезя та имѣетъ четыре ступени
И восемь законовъ судьбы.
Мудрецъ и невѣжда, всѣ поздно, иль рано
Достигнутъ на этомъ пути
Того, что зовется блаженство, Нирвана,
Что можетъ отъ жизни спасти".

Такъ Будда съ родными въ ворота вступаетъ.
Отецъ Его,—съ чашей въ рукахъ,
Рѣчамъ Его съ жадной любовью внимаетъ
Лицо его ясно... Въ очахъ
Царевны, блестѣвшихъ слезою священной,
Зажегся спасительный свѣтъ...
Въ ту ночь Яcодхара и царь вдохновенный
Вступили на путь примиренья блаженный,
Гдѣ горя и радости нѣтъ!

Книга восьмая.

Близи отъ Нагары, равнина широко
Вдоль рѣчки Коханы идетъ...
Отъ вратъ Бенареса, лѣвѣе востока
Дорога... По ней пѣшеходъ
Дней въ пять туда будетъ... Одѣта равнина
Ковромъ ароматнымъ весь годъ,
Надъ нею блестятъ, какъ вѣнцы исполина,
Снѣга Гималайскихъ высотъ.
Деревья въ зеркальныя воды глядятся...
Небесъ ея нѣтъ голубѣй,
И духи, ея покровители, чтятся
Глубоко до нынѣшнихъ дней.
Сквозь частый кустарникъ, цвѣтами увитый,
Лишь вѣтеръ проникнетъ съ трудомъ,
И плющъ, пробиваясь сквозь старыя плиты,
Надъ ними повиснулъ шатромъ.

Съ камедныхъ деревьевъ, иль съ кедра, порою,
Змѣя на плиту проползетъ
Шипя, извиваясь, блестя чешуею,
И въ трещинѣ вдругъ пропадетъ.
По гладкому полу, гдѣ нѣкогда властно
Ступали вельможи, цари,
Тамъ ящеркамъ бѣгать теперь безопасно,

А тамъ, гдѣ былъ тронъ, посмотри:
Въ обломкахъ его притаилась лисица...
И только лишь горы однѣ,
Живительный воздухъ, холмовъ вереница
И въ наши остался дни,

А все остальное, что въ жизни мы цѣнимъ,
Исчезло, какъ облако утромъ весеннимъ.

—

Въ томъ мѣстѣ стояла столица когда-то
Царя Суддходаны. И Будда—народъ
Училъ, озаренный сіяньемъ заката
Съ холма, что такъ пышно цвѣтетъ.
Разсказъ есть подробный въ священномъ писаньѣ
О томъ, какъ встрѣчаемъ Онъ былъ
Въ роскошныхъ чертогахъ,—какъ всѣмъ въ назиданьѣ
Онъ чистую мудрость открылъ.
О томъ, какъ толпа Его слушала жадно
Въ саду, близъ дворцовыхъ палатъ,
Гдѣ били фонтаны, гдѣ розы нарядно

Блистали, струя аромать.
Тамъ было четыреста тысячъ народа.
Онъ вправо сидѣлъ отъ отца...
Вокругъ—все великіе древностью рода,
Все—вѣрные трону сердца:
Князья Дэвадатта, Ананда; а далѣ,
Одѣтые въ желтый хитонъ,
Сарипутра и Могаланъ тамъ стояли,
Два нищихъ, внимавшихъ Законъ.

Рагула глядѣлъ, межъ колѣнъ Его стоя,
Съ улыбкой любуясь отцомъ;
У ногъ—Яcодхара, забывъ все земное,
Сидѣла съ смущеннымъ лицомъ:
Въ предвѣдѣньи высшей любви безконечной
И жизни, которой чужда
Безсильная старость, восторгъ скоротечный
И смерти холодной вражда.
Исчезли, какъ дымъ, ея скорби, печали...
Она Ему руку дала,
И желтую ризу поверхъ своей шали
Покрыла и такъ замерла.

Рѣчей Его дивныхъ и тысячной доли
Не въ силахъ я здѣсь передать.
Ихъ вѣтеръ свободный развѣялъ на волѣ,
Ихъ время украло, какъ тать.
За Мудрость Его, за любовь Его къ людямъ
Учителя свято я чту,
Но мы по намекамъ теперь только судимъ
Премудрыхъ рѣчей красоту.

Я знаю ничтожную часть по писанью.
Я знаю, что Буддѣ внимать
Слетѣла съ небесъ и примкнула къ собранью
Безплотныхъ незримая рать.

Всѣ души усопшихъ, всѣ Дэвы собрались
Внимать благодатнымъ рѣчамъ,
И адскія пасти въ тотъ часъ разверзались,
И муки забылися тамъ.
Казалося, солнце уйти не желало
За грань оснѣженныхъ вершинъ,
И медлила ночь распахнуть покрывало,
И дивнымъ рѣчамъ, притаившись, внимала
Изъ безднъ, пропастей и долинъ.

Межъ ночью и днемъ (такъ гласитъ намъ писанье),
Плѣнительный вечеръ стоялъ,
Какъ юная дѣва въ пурпурномъ сіяньѣ,
Всечтимому кротко внималъ.
Волнистыя тучки казались кудрями,
Луна—ея перлъ на челѣ,
Безцѣнныя звѣзды сверкали камнями,
А тьма, точно ризы, плыла небесами
И стлалась по сонной землѣ.

Дыханіе этой волшебницы дивной
Дарило землѣ ароматъ,
Въ то время, какъ музыкѣ рѣчи призывной
Внимало и небо и адъ.
Рабъ низкій, богачъ, неизвѣстный и знатный,

Арійскій вельможа и млечъ,
Всѣ слушали жадно, была всѣмъ понятной
Всечтимаго ясная рѣчь.

Писанье гласитъ, что не только народы,
Но птица и звѣрь, и змѣя,
Постигли завѣтъ Милосердья, Свободы
И тягостный смыслъ бытія.
Всѣ жизни въ тѣлахъ обезьяны, шакала
Оленя, медвѣдя и льва,
Постигли, что время спасенья настало,
Что истина въ мірѣ—жива.
Что души ихъ, съ мрачной людскою душою
Святой заключили союзъ,
Что пала со всѣхъ, порожденная тьмою,
Цѣпь тяжкихъ и гибельныхъ узъ.

Благой проповѣдывалъ: „Омъ Амитайя!
Слова наши жалки, бѣдны!
Въ бездонное краткую мысль опуская,
Увы, недостать глубины!
Вопросъ и отвѣтъ—все одни заблужденья.
Безмолвствуй! Глубокая тьма
Предшествуетъ жизни... О тайнѣ рожденья
Одинъ только знаетъ Брама!
Не могутъ узрѣть Его смертнаго очи:
Онъ—тайна изъ тайнъ для ума.
Мы видимъ лишь тѣни безвыходной ночи...
Вся жизнь безпросвѣтная тьма!

Напрасно покровъ поднимать за покровомъ.
Безмолвствуй, какъ въ небѣ—звѣзда!

Того, что таится во мракѣ суровомъ,
Тебѣ не познать никогда!
Довольно того, что есть жизнь и кончина,
Волненіе, радость, печаль,
Вещей неизмѣнная связь и причина
И время, бѣгущее вдаль.
—Капризный потокъ бытія непрерывно
Стремящійся бурно впередъ,
Пока, измѣняяся вѣчно и дивно,
Въ нѣмой океанъ не впадетъ;
И этихъ бушующихъ волнъ испаренья
Сгустятся въ выси въ облака,
И падаютъ снова они чрезъ мгновенье,
И вновь ихъ пріемлетъ рѣка.

Вотъ все, что о призракахъ вѣдать намъ надо.
Весь міръ, что умомъ не обнять,
Одно колесо безконечнаго ада:
Его никому не сдержать!
Спугнуть вѣчный сумракъ молитва не можетъ.
Безмолвье вотще вопрошать.
Безуменъ, кто подвигомъ сердце тревожитъ!
Зачѣмъ свою скорбь удручать?!

Ахъ, братья и сестры! Всѣ боги безсильны
Помочь вамъ въ житейской борьбѣ.
Хоть ваши дары велики и обильны,
Ищите спасенье въ себѣ!
Тюрьму человѣкъ себѣ самъ воздвигаетъ.
У всѣхъ одинакова власть.
И каждый дѣлами себѣ созидаетъ

И радость и горе, и страсть.
Все, что происходитъ,—влечетъ неизбѣжно
Добро, наслажденье, иль зло.
Но ангелы въ радостномъ небѣ жнутъ нѣжно,
Что было святымъ и прошло.
А злобные демоны въ безднѣ смягчаютъ
Минувшаго злыя дѣла.
Не вѣчно ничто... Время все ослабляетъ
Величіе блага и зла.

Чей путь былъ тернистъ, тотъ, быть можетъ, воспря-
нетъ
Царемъ... Нечестивый-же царь
Бродить по землѣ за дѣла свои станетъ,
Какъ нищій, иль жалкая тварь,
Вы можете жребій поднять свой превыше
Божественной Индры, и вновь
Его уронить ниже червя и мыши,
Коль васъ не поддержитъ любовь.
Всему свой конецъ. Колесо все вертится
И отдыха нѣтъ ни на мигъ.
Одно умираетъ, другое родится,
Кружится, мелькаетъ за спицею-спица
И плещетъ предвѣчный родникъ,

Когда-бъ съ колесомъ измѣненій, о, братья,
Васъ всѣхъ неразрывно сковать,
То сердце вселенной исторгло-бъ проклятье,
Душѣ-бы пришлося страдать.
Но вы... вы не скованы... Сердце живое
Спокойно, блаженна душа,

И воля сильнѣе страданія вдвое,
И жизнь можетъ быть хороша.

Теперь предаюсь я веселью невольно.
Обрѣлъ я свободу! Обрѣлъ!
О, знайте, страдаете вы добровольно,
Какъ въ клѣткѣ открытой—орелъ.
Никто не принудитъ васъ къ жизни и смерти.
Кружась въ темнотѣ съ колесомъ,
О, братья страдальцы! вы сами-же, вѣрьте,
Себя окружаете зломъ.
Откройте зенницы и я вамъ въ награду
Премудрую истину дамъ...

Превыше небесъ, ниже самаго ада
И далѣе звѣздочекъ, тамъ,
Какъ міръ, какъ пространство само достовѣрно,
Безъ грани, начала конца,
Есть сила, влекущая прямо и вѣрно
Ко благу и правдѣ сердца.
Безсмертны и вѣчны ея лишь законы...
Съ премудрой заботой во всемъ
Она проявляетъ себя неуклонно:
Распустится розы цвѣткомъ,
Серебряный лотосъ таинственно сложитъ,
И въ нѣдрахъ земной глубины,
Незримыя силы сливаетъ и множитъ,
Рисуя одежду весны.

Она наполняетъ и землю и воздухъ
И небо: въ ней—ключъ бытія...

Жилище ея на мерцающихъ звѣздахъ,
Громъ, молнія—слуги ея.
Изъ тьмы она сердце живое воззвала
Всѣ старыя скорби и зло
Во благо рука ее все обращала,
Могущество къ свѣту влекло.

Хранитъ она старыя яйца ангины
И съ медомъ ячейку пчелы,
Ей равно покоренъ и родъ муравьиный
И гордые силой орлы
Она ни минуты покоя не знаетъ,
Не знаетъ суровыхъ преградъ,
Съ улыбкой въ грудь матери соки вливаетъ,
А въ зубы змѣиные ядъ.
Она въ безграничной выси управляетъ
Движеніемъ стройныхъ свѣтилъ
И въ нѣдрахъ земли глубоко укрываетъ
Каменья и золото жилъ.
Что́ скрыто, на свѣтъ выводя неустанно,
Она средь лѣсистыхъ просѣкъ
Лелѣетъ и кедра главу великана
И травки чуть видный побѣгъ.

Здѣсь губитъ, а тамъ ужъ творитъ она снова
Однимъ мановеньемъ руки.
Ей жизнь и любовь—вѣковая основа,
Страданья и смерть—челноки.
Она созидаетъ и рушитъ мгновенно
И съ каждымъ ударомъ рѣзца

Все лучше свой планъ выполняетъ въ вселенной
И ищетъ твореній вѣнца.

Міръ видимый—часть ея дивныхъ созданій,—
Невидимый—больше сто кратъ,
Сердца всѣ и мысли и грезъ желаній—
Всѣ ей покоряться спѣшатъ.
Всѣмъ помощь незримо она предлагаетъ,
Сильнѣе громовъ говоритъ,
Хоть мы и не слышимъ того, что желаетъ
Того, что она намъ велитъ.

Святые законы ея неподкупны.
Ея неустаннымъ трудомъ
Любовь, милосердье намъ стали доступны.
Мы къ благу и правдѣ идемъ.
Никто отвергать ея въ мірѣ не смѣетъ.
Отвергъ—потерялъ, а призналъ—
Обрѣлъ; за добро она благъ не жалѣетъ
За зло—отравляющихъ жалъ.
Ей все, все подвластно; она награждаетъ
Добро и любовь безъ препонъ,
И грозно дурное дѣянье караетъ,
Хотя совершившій познать успѣваетъ
Дхарму —справедливый законъ.
Ни мести не знаетъ она, ни прощенья!
Вѣсы ея чутко-точны.
Ей время—ничто; ея приговоръ, мнѣнья
Остаться безсмѣнны должны,
Отрава злодѣя его-жъ убиваетъ,

Ложь губитъ сама-же себя.
Разбойникъ чужое опять возвращаетъ,
Себя-же разбоемъ губя.
Вотъ правды законъ и святой и понятный!
Законъ тотъ нельзя обойти.
Любовь—его сущность, цѣль—миръ благодатный,
А благо и милость—пути.
Ему повинуйтесь!

Писанье правдиво.

Жизнь каждаго—дѣлъ его плодъ.
Всегда плодотворна житейская нива
И каждый что сѣетъ, то жнетъ.
Взгляни на поля ты: кунжудъ сталъ кунжудомъ,
Хлѣбъ-хлѣбомъ... Безмолвье и прахъ
Все знаютъ... Такъ жизнь зараждается чудомъ,
Злой самъ себѣ—сумрачный врагъ.

Когда человѣкъ неустанно трудится
И плевелы сорные рветъ,
Плѣнительно поле его всколосится,
Онъ жатву обильно сберетъ.

Коль смертный постигнетъ источникъ страданья
И все терпѣливо снесетъ,
Стараясь любовью и свѣтомъ познанья
Разсѣять надъ міромъ ихъ гнетъ,
Коль душу свою въ непрестанномъ бореньи
Очиститъ отъ скверны и зла,
Коль будетъ смиренно сносить оскорбленья

И дѣлать благія дѣла,
Коль всю свою жизнь милосердымъ пребудетъ,
Правдивымъ, премудрымъ, святымъ,
Коль въ сердцѣ суровою мыслью осудитъ
Порывы къ утѣхамъ земнымъ,
Коль съ корнемъ изъ сердца исторгнетъ желанья,
Что-бъ къ жизни любовь заглушитъ.
Тогда онъ умретъ въ благодатномъ сознаньи,
Что зло удалось погубить.
Что истино-доброе сѣмя въ награду
Въ окрѣпшей душѣ разцвѣтетъ
И мудрому дастъ, какъ святую отраду,
Свой дивно-взлелѣянный плодъ

Къ чему тогда жизнь? То, что въ немъ проявилось,
Когда онъ явился на свѣтъ,—
Окончилось. Свѣтлая цѣль воплотилась
И въ немъ вожделѣнія нѣтъ!
Житейская радость и скорби туманы
Покой не нарушатъ его.
Онъ весь погрузился въ блаженство Нирваны,
Жизнь съ смертью ничто для него.
Безъ жизни, онъ съ жизнью сливается тѣсно.
Сталъ чуждъ ему жизненный шумъ,
Росинка слилася съ лазурною бездной.
„Омъ-мани-падме, падме хумъ!“

Внемлите ученью о Кармѣ, о братья!
Лишь только въ насъ жизнь догоритъ, —
И въ сердцѣ грѣха умолкаютъ проклятья, —

Такъ смерть насъ пугливо бѣжитъ,
Зачѣмъ говорить: „Есть я,“ или „я буду?..“
Какъ путникъ, который идетъ
Изъ дома—въ другой и обратно, покуда
По сердцу себѣ не найдетъ,—
Жизнь міра опять выдѣляетъ всецѣло
Былыхъ прозябаній итогъ,
Какъ червь паутину, премудро и смѣло
Оно себѣ строитъ чертогъ.
Оно воплощается въ тѣлѣ, какъ нужно,
Подобно змѣѣ—изъ яйца,
Какъ зернышко, вѣтромъ гонимое дружно,
Летитъ и летитъ безъ конца.

Когда, какъ измѣнница, смерть поражаетъ
Злодѣя,—останки его
Блуждаютъ въ пространствѣ, ихъ буря терзаетъ,
Сторонится ихъ божество,

Когда-же святой умираетъ, то вѣетъ,
Душистой весной вѣтерокъ:
Такъ бурный потокъ, очищаясь, свѣтлѣетъ,
Пройдя сквозь глубокій песокъ.
Законы любви неизмѣнны и святы,
Но ихъ заслоняетъ отъ глазъ
Губительный сумракъ завѣсы проклятой
И манитъ къ погибели насъ,
Питаетъ невѣжество, ложь, заблужденье,
За истину—тѣнь выдаетъ,
И грудь зажигаетъ огнемъ вождѣленья
И къ гибельной смерти ведетъ.

Кто среднимъ путемъ благодати, покоя
Желаетъ къ спасенью итти,
Тѣмъ истины здѣсь я четыре открою
Онѣ озаряютъ въ пути.

И первая истина вамъ—о страданьи.
О, знайте, что жизнь ваша—бредъ,
Агонія сердца; всѣ ваши желанья—
Болотнаго пламени свѣтъ.
Однѣ только скорби ея неизмѣнны,
А радости—блѣдные сны,
Онѣ точно искорки ночью—мгновенны,
Опасны, какъ ласки волны.
Скорбите о всемъ: о невольномъ рожденьи,
О дѣтствѣ, о юныхъ годахъ,
О старости блѣдной, о смерти и тлѣньи...
Вся жизнь ваша—въ этихъ тискахъ.

Хоть сладко блаженство любви съ сладострастьемъ,—
Прійдетъ роковая пора
И грудь на которой горѣли мы счастьемъ
Обуглится въ блескѣ костра.

Могущество храбрыхъ хотя достославно,
Но коршунъ клюетъ ихъ тѣла—
Прекрасна земля, но живущіе явно
Другъ — къ другу исполнены зла.

Сверкаетъ сапфиромъ лазурное небо,
Но пусть погибаетъ весь міръ,

Не броситъ на землю ни крошечки хлѣба
Его безмятежный сапфиръ.

Вотъ старецъ бездомный, больной и несчастный.
Спросите: „Сладка жизнь, иль нѣтъ?“
—„Разуменъ малютка, —отвѣтъ будетъ ясный,—
Что плачетъ, являясь на свѣтъ.

Внемлите теперь о явленьи страданья
Глубокую истину. Нѣтъ подъ луной
Печалей, помимо земного желанья...
Желанье, какъ искорка въ зной
Въ пожаръ переходитъ, въ пожаръ опьяненья,
И Тришна, стремленіе жить
И полною чашею пить наслажденье,
Васъ свяжетъ, какъ тонкая нить.

Обманчивый призракъ своихъ вожделѣній,
Свое мимолетное Я,
Вы ставите центромъ всѣхъ силъ и движеній,
Великимъ вѣнцомъ бытія.
Вы глухи къ призывамъ любви и свободы,
Къ дыханію Индры святой.
Въ борьбѣ межъусобной мятутся народы
И кровь ихъ струится рѣкой.

И этой дорогой ужасной, кровавой
За годомъ проносится годъ,—
На нивѣ ростутъ ядовитыя травы

И гибнетъ спасительный плодъ.
Душа, напоенная ядомъ, всецѣло
Бросаетъ измученный прахъ,
И вновь возвращается въ дряблое тѣло,
И мучится въ острыхъ когтяхъ.

А истина третья о томъ, какъ страданья
Избѣгнуть... Для этого мы
Должны побороть въ своемъ сердцѣ—желанья
И похоти вѣчной Кармы.
Проникнуться къ истинѣ вѣчной любовью,
Земную любовь погубя,
И славу побѣды, добытую кровью,
Исторгнуть, побѣдой себя.
Утѣхи земли замѣнить наслажденьемъ
Боговъ, и стремленье копить
Богатства,—любовью и чистымъ стремленьемъ
Къ сокровищамъ неба смѣнить.

Сокровища неба нетлѣнны и святы
И смерть ихъ отнять не вольна.
Исполни все это, и скорбь и утраты
Исчезнутъ, какъ призраки сна.
Какъ можетъ свѣтиться безъ масла—лампада?
Оконченъ минувшему счетъ,
А новаго счета и нѣтъ и не надо.
Не надо ни зла, ни заботъ!

Четвертая истина, сестры и братья,
Гласитъ о пути: этотъ путь,

Всѣмъ равенъ доступенъ открытъ безъ изъятья.
Онъ смертныхъ зоветъ отдохнуть.
Внемлите! Не мало тропинокъ тернистыхъ
Къ священнымъ воротамъ ведутъ,
Гдѣ вьется семья облаковъ золотистыхъ,
Гдѣ—счастья, покоя пріютъ.
Но странникъ достигнетъ двояко вершины:
Отважно идя крутизной,
Гдѣ бездны, и скалы стоятъ исполины,
Иль—вѣрной, отлогой тропой.

Путь равно возможенъ для сильныхъ душою
И слабыхъ. И первый подъемъ—
Глубокая Вѣра. Спокойной стопою
Идите отважно по немъ.

Рѣшимость—второй. Умертвите смѣлѣе
Корысть въ своемъ сердцѣ и гнѣвъ,
И жизнь ваша будетъ лазури свѣтлѣе,
Спокойнѣй, чѣмъ вѣтра напѣвъ.

А третій подъемъ—слово истины. Строго,
О, братья, храните уста
Какъ царскую дверь золотого чертога,
Гдѣ мудрость, покой, красота!

Четвертый—разумное дѣло... Довѣрьте
Сердца ваши Богу добра,
И пусть въ нихъ любовь ваша блещетъ до смерти

Какъ тонкая нить серебра—
Сквозь бусы стеклянныя...

Дальше—четыре
Великихъ и славныхъ пути;
Кто счеты покончилъ съ соблазнами въ мірѣ,
По нимъ можетъ смѣло итти.
То—Помыслъ, Любовь, Чистота, Созерцанье—
Вотще вамъ пытаться попасть
Въ тотъ міръ, гдѣ рождается солнца сіянье,
Куда не доносится страсть.
Души вашей будутъ напрасны усилья:
Возносятъ туда только мощныя крылья.

Я знаю: отрадна любовь къ своимъ дѣтямъ,
Къ женѣ, къ благороднымъ друзьямъ;
Пріятно, когда хоть на мигъ мы освѣтимъ
Души нашей сумрачный храмъ.
И если хотите вы такъ жить,—живите,
И слабость, присущую всѣмъ,
Въ златые ступени себѣ обратите,
А сами стремитесь межъ тѣмъ
Къ свободѣ и истинѣ. Эта дорога
Доступна, легка и свѣтла.
Кто такъ начинаетъ, проходитъ немного,
Но душу очиститъ отъ зла.
Онъ знаетъ всѣ истины, поздно, иль рано,
Все слѣдуя этой тропой,
Прійдетъ онъ къ тому, что зовется Нирвана,
Найдетъ вѣковѣчный покой.

Но тотъ, кто второй достигаетъ ступени,
Тотъ чистъ и свободенъ отъ всѣхъ
Тревогъ, обольщеній, борьбы и сомнѣній.
Его не касается грѣхъ;
Ни книга, ни жрецъ ужъ его не обманетъ,
И съ жизнью второй онъ къ блаженству предстанетъ.

А далѣе—третья ступень. Кто восходитъ
По ней,—тотъ и святъ и блаженъ,
Онъ свѣтъ и свободу по смерти находитъ,
Какъ только окончится плѣнъ.
Но есть существа, что четвертой ступени
При жизни достигнуть могли:
То Будды, ихъ души, какъ райскія сѣни,
Далеко отъ грѣшной земли.
Подобно врагамъ, пораженнымъ въ сраженьѣ,
Падутъ всѣ пороки тогда.
Внизу—себялюбье, обманъ и сомнѣнье,
Повыше ихъ похоть, вражда.
Прошелъ побѣдитель три важныхъ ступени,
Одна остается ему.
Но вотъ побѣдилъ онъ самовосхваленье,
Къ высокому небу и къ жизни стремленье,
И вышелъ на свѣтъ черезъ тьму.

Какъ путникъ, вершины достигнувшій снѣжной,
Лишь видитъ вдали надъ собой
Прозрачный и дѣвственно-чистый и нѣжный
Небесный шатеръ голубой:
Такъ всякій, убившій пороки, обманы
Душой достигаетъ блаженной Нирваны.

Тому тогда сами завидуютъ боги.
Онъ выше ихъ; гибель міровъ
Въ спокойной душѣ не рождаетъ тревоги;
Онъ выше посмертныхъ костровъ.
Карма не стремится впередъ къ воплощенью.
Таинственныхъ формъ бытія;
Онъ все пріобрѣлъ, не ища, безъ боренья,
Весь міръ перешелъ въ его *Я*.
Не вѣрьте, когда говорятъ, что Нирвана—
Есть уничтоженье... О, нѣтъ!
Она и не жизнь. Она лучъ средь тумана,
Она—безъ свѣтильника свѣтъ.

Блаженство—внѣ жизни и времени... Братья!
Вступайте на благостный путь.
Нѣтъ скорби страшнѣй, чѣмъ вражда и проклятье,
И чувства, гнетущія грудь.
Вступайте на путь! Тотъ свершилъ уже много,
Въ чьемъ сердцѣ разрушена въ прахъ
Хотя-бы одна роковая тревога...
Онъ сдѣлалъ значительный шагъ.
Вступайте на путь! Тамъ потокъ благодатный
Вамъ жажду души утолитъ,
Тамъ вѣчно коверъ изъ цвѣтовъ ароматный,
Тамъ миръ и покой, и восторгъ необъятный
Какъ воздухъ цѣлебный разлитъ.

—

Богатства закона алмазовъ безцѣннѣй,
А сладость—пріятнѣй, чѣмъ медъ;

Его наслажденье стократно блаженнѣй,
Чѣмъ тѣ, что земля вамъ даетъ.
Чтобъ жить по закону пять правилъ замѣтьте:
Изъ чувствъ состраданья нельзя
Убить никого изъ живущихъ на свѣтѣ—
Его ждетъ, быть можетъ, стезя.

Свободно давай и бери, но обманомъ,
Насильемъ, не смѣй вымогать.
Не лги, не потворствуй губительнымъ планамъ,
На ближнихъ страшись клеветать.

Да будутъ слова твои твердымъ алмазомъ.
Отъ пищи бѣги и питья,
Отравой своей затемняющихъ разумъ.
Въ нихъ часто—погибель твоя.

Бѣги отъ манящаго яда разврата.—
Отъ низкихъ, противныхъ страстей.
Жены твоего ослѣпленнаго брата
Съ желаньемъ коснуться не смѣй".

Такъ Онъ говорилъ свое мудрое слово
Для всѣхъ: для дѣтей и отцовъ...
Кто чувственной жизни для блага иного
Разрушить не въ силахъ оковъ,
Кто слабъ, чтобъ пуститься дорогою горной;

Но все-жъ съ милосердьемъ въ груди
Идетъ терпѣливо съ надеждой упорной,
Провидя стезю впереди,
Кто понялъ, что злое,—минувшее время
Въ наслѣдство отъ зла намъ даетъ,
—Что доброе—вызвало доброе сѣмя
И добрый намъ дастъ оно плодъ.
Кто понялъ, что чѣмъ надъ собою смѣлѣе
Побѣда, чѣмъ шире помочь
Пришлося всѣмъ людямъ, тѣмъ мудрый скорѣе
Разсѣетъ угрюмую ночь".

Такъ Будда не разъ проповѣдалъ ученье
Задолго предъ тѣмъ, близь воротъ...
Въ бамбуковой рощѣ, въ глубокомъ смиреньѣ
Онъ также училъ весь народъ.
Тамъ встрѣтилъ Благой земледѣльца Сингалу.
Трудъ вызвалъ съ зарей бѣдняка;
Свершивъ омовенье, онъ снялъ покрывало,
И горсточки риса на вѣтеръ бросала
Съ горячей молитвой рука.

„Зачѣмъ ты такъ молишься, братъ?" Вѣчно чтимый
Сингалу спросилъ... Тотъ въ отвѣтъ:
„Таковъ ужъ обычай, вѣками хранимый;
Его завѣщалъ мнѣ мой дѣдъ.
Мы молимся всѣ предъ началомъ посѣва,
Чтобъ намъ помѣшать не могли
Ни вѣтеръ, ни вспышки небеснаго гнѣва,
Ни зло и безплодье земли".

Тогда возразилъ ему Будда: „Напрасно
Ты мнишь такъ укрыться отъ зла
Ты въ жертву отдай лучше свято и ясно
Любви незакатной дѣла.
Роднымъ—какъ востоку:—училъ его Будда,
Откуда и свѣтъ и тепло;
Наставникамъ мудрымъ, какъ югу, откуда
Издавна богатство текло.
Супругѣ и дѣтямъ своимъ, какъ закату,
Что тонетъ въ пурпуровой мглѣ;
Какъ дальнему сѣверу,—другу и брату,
А всѣмъ существамъ,—какъ землѣ,
Какъ небу, которое робко ты славилъ,
Всѣмъ ангеламъ, душамъ святымъ:
И такъ соблюдешь ты пять истинныхъ правилъ
И зло разлетится, какъ дымъ“.

Такъ всѣмъ говорилъ святочтимый Учитель.
Но тѣмъ, кто подобно орламъ,
Стремится отъ жизни въ спасенья обитель,
Далъ девять особенныхъ правилъ спаситель,
Чтобъ ими привлечь къ небесамъ.
Такъ имъ объяснилъ Онъ, какъ нищій обязанъ
Тройную мысль, трое воротъ
И все, съ чѣмъ онъ, цѣпью незримою связанъ,
Постичь, и, какъ сладостный медъ,
Впивать пять великихъ, святыхъ размышленій.
Онъ также училъ ихъ, какъ жить;
Какъ сѣти любви и другихъ искушеній
Порвать, какъ подгнившую нить,
Какую должны потреблять они пищу,

Какую одежду носить...
Училъ Онъ, что каждый обязанъ, какъ нищій,
Съ протянутой чашей ходить:

Такъ ордену желтой одежды—Владыка
Начало свое положилъ,
Могущество Будды доселѣ велико;
Весь міръ Его благословилъ.

Учитель всю ночь говорилъ, не смолкая,
Рисуя земной идеалъ.
Всю ночь весь народъ, своихъ глазъ несмыкая,
Учителю жадно внималъ.

Когда-же Учитель умолкъ вдохновенный,
Покинувъ свой пышный престолъ,
Къ премудрому сыну босой и смиренный,
Растроганный царь подошелъ,
И молвилъ: „Я твой ученикъ недостойный.“
Царевна, какъ небо ясна,
Сіяла красою какъ мѣсяцъ спокойной
И кротко сказала она:
„Оставь, о учитель, въ наслѣдство Рагулѣ
Сокровища истинъ благихъ“.
И ночь удалилась, и съ неба блеснули
Потоки лучей золотыхъ.

Я кончилъ писанье. Глубоко и страстно
Я Господа чту, но, увы,

Я знаю такъ мало о немъ и неясно,
Слова-же бѣдны и мертвы.
Полвѣка еще поучалъ Онъ повсюду
На разныхъ языкахъ народъ,
И въ Азіи любятъ спасителя Будду,
Какъ яснаго солнца восходъ.

Подробно записано въ книгѣ священной
Какіе цари и когда
Плѣнялися рѣчью его вдохновенной,
И гасла межъ ними вражда.
Донынѣ хранятъ еще скалы, пещеры
И камни—святыя слова
Единой нетлѣнной и истинной вѣры,
И память о Буддѣ—жива.

Когда-же настало блаженное время,
Скончался спаситель нашъ, тотъ,
Кто сѣялъ всю жизнь благодатное сѣмя,
Кто взялъ на себя необъятное бремя,
Кто въ вѣчной Нирванѣ живетъ!

—

Учитель мой, мудрый и любвеобильный!
Мой трудъ недостойный прости.
Прости, что дерзнулъ я, ничтожный, безсильный
Твои проповѣдать пути!
О, братъ мой! Наставникъ! Свѣтильникъ Закона!
Молю я тебя; просвѣти

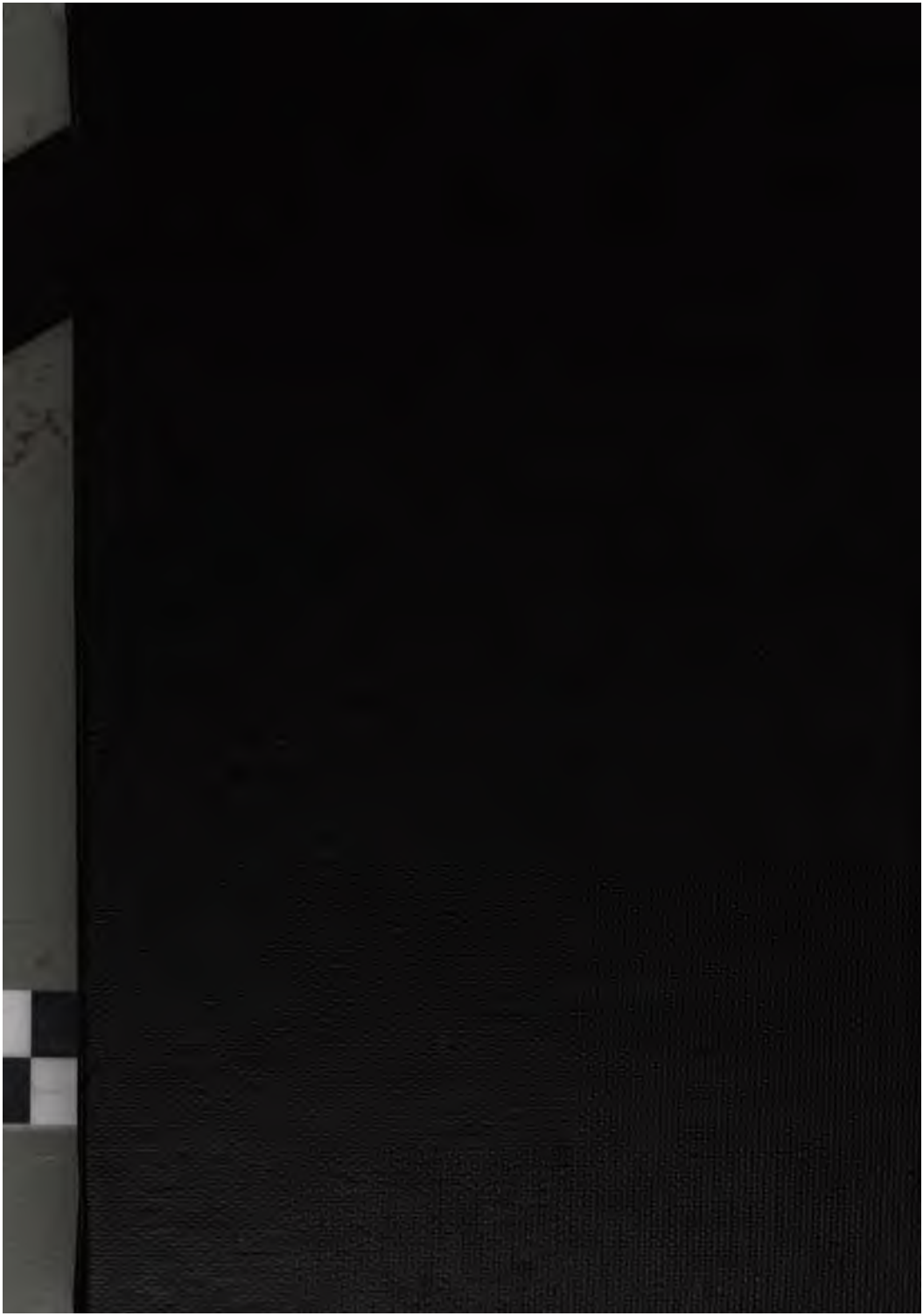
Мнѣ душу и умъ! Ты—моя оборона
Спаси меня и защити!
„Омъ!“ Сердце мое все тебя ожидаетъ.
О, солнце! Взойди-же скорѣй,
Росинку, что въ лотосѣ слезкой сверкаетъ,
Съ волнами безбрежности слей!

—

И солнце восходитъ; и съ моремъ лазурнымъ
Росинку сливаетъ въ хаосѣ пурпурномъ...
„Омъ—мани—падме хумъ!“...

282ST BR1 4179 GBC
13 53-005-00

Stanford University Libraries
3 6105 004 417 874

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004